

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

АРХЕОЛОГИЯ ВЛАДИМИРО- СУЗДАЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОГО СЕМИНАРА

Выпуск 10

Москва 2020

УДК 902/903
ББК 63.4
А87

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии РАН

Редакционная коллегия:
Н. А. Макаров (ответственный редактор)
С. В. Шполянский (составитель), *И. Е. Зайцева*

Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 10 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. – М.: ИА РАН; 2020. – 192 с.

Очередной выпуск сборника составлен на основе материалов 10-го научно-практического семинара «Археология Владимиро-Суздальской земли», прошедшего 29–30 октября 2019 г. в г. Владимире.

В публикациях представлены результаты новейших археологических работ в историческом центре Северо-Восточной Руси, а также материалы исследований ряда средневековых памятников Верхнего Поволжья. Освещаются исследования территорий исторических городов, архитектурных памятников, средневековых сельских поселений и погребальных древностей, ряд общих вопросов изучения материальной и духовной культуры населения.

Завершающий раздел посвящен 90-летию юбилею М. В. Седовой (18.10.1930 – 23.09.2004), – известного ученого-слависта, доктора исторических наук, исследователя Суздаля, учителя многих из ныне действующих археологов.

Archaeology of Vladimir-Suzdal land. The next issue of the edition is based on the materials of the 10th scientific and practical seminar «Archaeology of Vladimir-Suzdal land», which was held on October 29–30, 2019 in the city of Vladimir.

The results of the latest archaeological works in the historical center of North-Eastern Russia, as well as the research materials of a number of medieval sites of Upper Volga area are presented in the publications. The research of territories of historical cities, architectural monuments, medieval rural settlements and funerary antiquities, and also some general issues of the material and spiritual culture of the population study are covered.

The final section is dedicated to the 90th anniversary of M. V. Sedova (18.10.1930 – 23.09.2004), a well-known Slavist, Doctor of Historical Sciences, researcher of Suzdal, teacher of many of the current archaeologists.

ISSN 2686-6919
ISBN 978-5-94375-340-4
DOI: 10.25681/IARAS.2018.978-5-94375-340-4

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2020
© Государственный историко-архитектурный и художественный Владимиро-Суздальский музей-заповедник, 2020
© Авторы статей, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ, ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ И КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ

- Макаров Н. А., Федорина А. Н., Шполянский С. В.**
Археологическое изучение исторических сел ближайшей округи Суздаля 7
- Леонтьев А. Е., Александровский А. Л., Бейлекчи Вал. В., Палатникова Е. В.**
Исследования городища Выжегша в 2019 г. 42
- Щербаков В. Л.**
Источники формирования производственных традиций в кузнечном ремесле сельского населения Костромского Поволжья в XII–XIII вв. 56

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ

- Рузанова С. А., Баранов Н. А.**
Новые данные о металлопроизводстве средневекового Суздаля 63
- Очеретина С. В.**
Судьба рва древнерусских фортификационных сооружений Нового города Владимира-на-Клязьме в позднее время 80
- Бабкина А. Д., Гончарова Н. Н.**
Антропологическая характеристика населения Муром и Нижнего Новгорода XVI–XVII вв. 90
- Турова Е. А.**
Продолжение археологического исследования Большой палаты дворцового комплекса Александровской Слободы в 2019 г. 102

МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Зайцева И. Е.	
Древнерусские шумящие зооморфные украшения из работ Суздальской экспедиции Института археологии РАН	117
Жилина Н. В.	
Вокруг суздальского оплечья	132
Лапшин А. Г.	
К вопросу о назначении Суздальского змеевика	146
Томсинский С. В.	
Каменные иконки из раскопок в Угличе: проблемы атрибуции	152
Баранов Н. А.	
Суздальские гребни из кости и плотного рога (по материалам охранных археологических исследований 2008–2019 гг.)	159
Данилов О. В., Абрамов Д. В.	
Стеклянная посуда из раскопок в Муроме	175

К 90-ЛЕТИЮ М.В. СЕДОВОЙ

Полубояринова М. Д.	
Мария Владимировна Седова	185
Родина М. Е.	
Замечательный человек	187
Зайкова А. С.	
Её имя останется в истории Суздаля	189

CONTENTS

RURAL SETTLEMENTS AND CULTURAL LANDSCAPES

- Makarov N. A., Fedorina A. N., Shpolyanskiy S. V.**
The Archeological Study of Historical Villages in the Vicinity of Suzdal 7
- Leontiev A. E., Aleksandrovskiy A. L., Beilekchi Val. V., Palatnikova E. V.**
Research of Vyzshegsha hillfort, 2019 42
- Scherbakov V. L.**
Sources of the formation of production traditions in the blacksmithing craft of
the rural population of the Kostroma Volga region in the XII–XIII c 56

ARCHEOLOGY AND HISTORICAL TOPOGRAPHY OF MEDIEVAL CITIES

- Ruzanova S. A., Baranov N. A.**
New evidences for medieval metal production from Suzdal 63
- Ocheretina S. V.**
Moat of ancient Russian fortifications's fate of the new town of Vladimir-on-
Klyazma at a later time 80
- Babkina A.D., Goncharova N. N.**
The population of Murom and Nizhniy Novgorod in XVI–XVII:
anthropological characteristics 90
- Turova E. A.**
Continuation of the archaeological research of the Grand chamber of the
Palace complex of the Alexandrovskaya Sloboda in 2019 102

MATERIAL AND SPIRITUAL CULTURE

Zaytseva I. E.	
Medieval zoomorphic pendants of the Kievan Rus types from the Suzdal expedition field works	117
Zhilina N. V.	
Around Suzdal Necklase	132
Lapshin A. G.	
About destination of the «Suzdal hystera – amulet»	146
Tomsinskiy S. V.	
The stone icons from the excavations in Uglich: the problem of attribution	152
Baranov N. A.	
Suzdal combs made of bone and dense horn (according to the materials of rescue archaeological research 2008–2019)	159
Danilov O.V., Abramov D.V.	
Glassware from the excavations in Murom	175

TO THE 90TH ANNIVERSARY OF M. V. SEDOVA

Poluboyarinova M. D.	
Maria Vladimirovna Sedova	185
Rodina M. E.	
A wonderful person	187
Zaykova A. S.	
Her name will remain in the history of Suzdal	189

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ, ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ И КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ

Н. А. Макаров, А. Н. Федорина, С. В. Шполянский

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ СЕЛ БЛИЖАЙШЕЙ ОКРУГИ СУЗДАЛЯ

Резюме. Под историческими селами обычно понимают существующие ныне сельские поселения с протяженной историей, в той или иной степени документированной письменными источниками. Это понятие мало используется в археологии и не имеет характера специального термина, тем не менее хорошо отражает исследуемое явление – узловые точки сети сельского расселения, оказавшиеся наиболее устойчивыми в исторической перспективе. Обследование живых населенных пунктов требует особых подходов к сбору и анализу материалов. В настоящей работе на примере 4 сел суздальской округи демонстрируется информационный потенциал выбранной категории памятников для изучения становления исторической сети расселения с опорой на крупные комплексы. На территории трех из них (Гнездилово, Вышеславское, Туртино) зафиксированы культурные отложения и следы застройки второй половины XII – первой половины XIII в., а в четвертом (Глебовское) – и более раннего времени (конец X(?) – XI в.).

Ключевые слова: средневековая структура поселений, исторические деревни, Северо-Восточная Русь, изыскания и раскопки.

Средневековые поселения и современные села связаны прямой исторической преемственностью: в шурфах, заложенных вблизи современных усадеб, присутствует керамика всех исторических периодов, документирующая продолжение жизни в течение по меньшей мере восьми с половиной столетий. Все четыре села имеют свой собственный ритм жизни и динамику развития, но их объединяет то, что они изначально формировались как большие поселения.

Под историческими селами обычно понимают существующие ныне сельские поселения с протяженной историей, в той или иной степени документированной письменными источниками позднего Средневековья и раннего Нового времени. Это понятие мало используется в археологии и не имеет характера специального термина, хотя сегодня археологи при экспертизе земельных участков и спасательных раскопках в Центральной России часто присутствуют на территории исторических сельских поселений и исследуют их культурный слой. Ценность исторических сел как объектов археологического изучения убедительно раскрыта рядом

ярких примеров (Чернов, 2005. С. 138–145, 185, 186, 190, 240–243, 253, 325–331; Шполянский, 2007. С. 18–26), тем не менее очевидно, что они известны сегодня археологам гораздо хуже, чем средневековые поселения за пределами современной сельской застройки. В качестве основного источника для реконструкции средневекового сельского расселения, жизнеобеспечения и культуры сельских обществ археологи по-прежнему рассматривают материалы запустевших сельских поселений, селищ, находящихся ныне на землях сельскохозяйственного назначения или на участках, занятых лесом.

Эта ситуация хорошо объяснима: для каждого, кто хотя бы немного знаком с археологическими разведками в центре Европейской России, очевидно, что выявление и документирование средневекового культурного слоя за пределами современных сельских поселений требует меньших трудозатрат, чем на их территории. В первом случае значительный объем материала для характеристики средневекового памятника и определения его границ может быть получен путем визуального осмотра поверхности селища, а закладка шурфов часто лишь дополняет программу его обследования. В селах, где ранний культурный слой, как правило, перекрыт отложениями нового и новейшего времени, закладка большой серии шурфов – основной способ сбора данных о памятнике. Неудивительно, что любой план «сплошных разведок», если это не обследование конкретного землеотвода, при реальном исполнении обычно корректируется в сторону обследования участков за пределами современных населенных пунктов. Общая картина истории сельской Руси, таким образом, воссоздается преимущественно за счет обследования тех ее элементов, которые, в силу различных обстоятельств, оказались менее устойчивы. Сбалансированное обследование территории исторических сел и селищ, прекративших свое существование в Средневековье или ранее Нового время, – необходимое условие формирования достоверной картины истории средневекового расселения, адекватно отражающей соотношение ситуаций прекращения жизни поселения, временного запустения и преемственности в развитии. Это тезис убедительно обоснован британскими исследователями средневекового расселения, в проектах которых обследование территорий ныне существующих поселений в последнее десятилетие сменило традиционное направление изучения «заброшенных деревень», некогда заложившее основы археологического изучения средневековых сельских ландшафтов Западной Европы (Lewis, 2014; 2019).

Исторические села Суздальского Ополя традиционно рассматриваются историками и археологами как населенные пункты, сложившиеся в Средневековье и сыгравшие исключительную роль в развитии общества и экономического базиса средневековой Руси и Московского государства (Платонов, 1910. С. 36, 37; Готье, 1937. С. 402; Дегтярев, 1980. С. 126–129; Седова, 1997. С. 232; Черненко, 2000; 2008. С. 87–101). При этом лишь два из них – Кидекша и Весь – прямо упомянуты в источниках как села, существующие при Юрии Долгоруком и Юрии Даниловиче московском (ПСРЛ. Т. 24. С. 77, 78; АСЭИ. Т. III, №86. С. 117, 118). История большинства суздальских сел известна по письменным источникам с XV–XVI вв. Значительная их часть в это время находилась во владении суздальского Спасо-Евфимьева монастыря. Один из важных источников, раскрывающих общий характер сети расселения середины XVI в. в Суздальской округе, – правая грамота

1556 г. по тяжбе о луге Круглом на реке Печуге между Спасо-Евфимьевым монастырем и крестьянами дворцового села Борисовского. В грамоте упоминаются послухи из 39 сел, расположенных на территории от устья Нерли (Боголюбово) до Ирмеса (Весь) и верховьев Каменки (Вышеславское), свидетельствующие в суде по этому делу. Судя по этому документу, села в этот период – основные элементы поселенческой структуры, они представляют собой крупные многодворные поселения со старостами, приходскими церквями и священниками (Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря, С. 161–192. № 91). Вопрос о времени формирования этих сел и о характере их в период, предшествующий первым упоминаниям в земельных документах, может получить освещение лишь по археологическим материалам.

В ходе полевых работ 2001–2018 гг. Суздальской экспедицией ИА РАН проводились обследования исторических сел в ближайшей округе Суздаля, а также в южной и северо-восточной части Ополя, на р. Нерли, р. Каменке, р. Ирмесе и на водораздельных участках (рис. 1). На 50 селищах на территории сел разведки были ограничены сбором подъемного материала и определением границ средневековых селищ, составлявших древнее ядро поселения; в 17 селах разведки сопровождалась шурфовкой. На 4 памятниках кроме шурфов были заложены раскопы: Кидекша (*Шполянский, 2011*), Кибол 5 (*Шполянский, 2007*), Михали 1 (*Самойлович, 2007*), Новоселки. Присутствие средневекового слоя на террито-

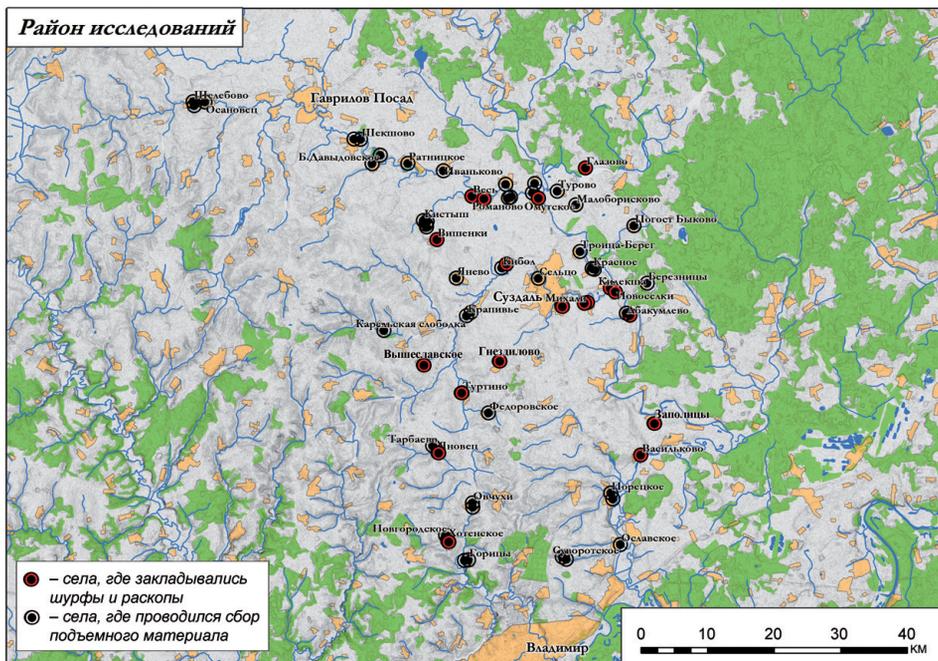

Рис 1. Карта сел, обследованных суздальской экспедицией в 2001–2019 гг.

Таблица 1. Села, обследованные в 2001–2019 годах

Год	Село	Памятник	Сборы	Шурфы	Раскопы	X–XI вв.	Середина XII – первая половина XIII в.	Вторая половина XIII – XV в.
1 2004	Абакумлево	Абакумлево 1, 2	+				+	
2 2004	Б. Давыдовское	Б. Давыдовское 5	+				+	
3 2002	Березницы	Березницы 1	+					+
4 2012	Васильково	Васильково 2	+				+	
5 2001	Весь	Весь 2, 3	+	+		+		
6 2002	Вишенки	Вишенки 1	+				+	
7 2019	Вышеславское	Вышеславское 22	+	+			+	
8 2002	Глазово	Глазово 1	+				+	
9 2004	Глебовское	Глебовское 1, 2	+	+		+		
10 2019	Гнездилово	Гнездилово 1	+	+			+	
11 2013	Горицы	Горицы 2, 3	+				+	
12 2019	Заполицы	Заполицы	+	+		+		
13 2007	Иваньково	Иваньково 3	+				+	
14 2006	Карельская слободка	Карельская слободка 2	+				+	
15 2002	Кибол	Кибол 5, 6	+	+	+	+		
16 2001	Кидекша	Кидекша 1	+	+	+	+		
17 2002	Кистыш	Кистыш 4, 6–8	+				+	
18 2003	Крапивье	Крапивье 3, 4	+			+		
19 2001	Красное	Красное 2, 3	+			+		
20 2005	М. Давыдовское	М. Давыдовское 2	+					+
21 2005	Малоборисково	Малоборисково 1	+				+	

Археологическое изучение исторических сел ближайшей округи Суздаля

22	2001	Менчаково	Менчаково 1	+	+	+	+	+	+
23	2006	Михали	Михали 1	+	+	+	+	+	+
24	2012	Новгородское	Новгородское 7	+	+	+	+	+	+
25	2001	Новоселки	Новоселки 1	+	+	+	+	+	+
26	2011	Овчухи	Овчухи 4, 5	+	+	+	+	+	+
27	2001	Омутское	Омутское 1, 3, 2, 4	+	+	+	+	+	+
28	2009	Осановец	Осановец 2, 3, 4	+	+	+	+	+	+
29	2009	Ославское	Ославское 3	+	+	+	+	+	+
30	2001	Пантелиха	Пантелиха 2	+	+	+	+	+	+
31	2002	Погост Быково	Погост-Быково 2	+	+	+	+	+	+
32	2008	Порецкое	Порецкое 1, 2	+	+	+	+	+	+
33	2007	Рагницкое	Рагницкое 14	+	+	+	+	+	+
34	2001	Романово	Романово 1, 2	+	+	+	+	+	+
35	2012	Суворотское	Суворотское 5-7	+	+	+	+	+	+
36	2012	Тарбаevo	Тарбаevo 9, 10, 11	+	+	+	+	+	+
37	2001	Троица-Берег	Троица-Берег 2	+	+	+	+	+	+
38	2001	Турово	Турово 2	+	+	+	+	+	+
39	2008	Туртино	Туртино 1	+	+	+	+	+	+
40	2010	Федоровское	Федоровское 5, 6, 7	+	+	+	+	+	+
41	2013	Хогенское	Хогенское 1	+	+	+	+	+	+
42	2005	Шекшово	Шекшово 4, 5	+	+	+	+	+	+
43	2009	Шелебово	Шелебово 2, 3	+	+	+	+	+	+
44	2002	Янево	Янево 6	+	+	+	+	+	+
45	2012	Яновец	Яновец 7	+	+	+	+	+	+

рии некоторых из этих сел было зафиксировано в 1960–1980-х гг., в одном из сел (Новоселки) эти данные были подтверждены разведочными раскопками (АКР. Владимирская область. 1995. С. 271; *Сабурова*, 1981). Во всех 45 селах, территории которых были охвачены разведками 2001–2018 гг., были обнаружены средневековая керамика или средневековый культурный слой разной степени сохранности. Установлено, что в 13 селах древнейший культурный слой датируется X–XI вв., в 29 – второй половиной XII – первой половиной XIII в., в 3 – второй половиной XIII – XV в. (табл. 1; рис. 2). Таким образом, все обследованные поселения, известные как села в письменных источниках XV–XVI вв. (более ранние даты документированы лишь для двух), находятся на участках, освоенных в более ранний период. Во многих случаях характер средневековых культурных напластований, их пространственная связь с постройками современного села, хронологическое распределение археологических находок не оставляют сомнений в том, что средневековые селища непосредственно связаны с позднейшими поселениями. Но нередки и более сложные случаи, когда немногочисленные средневековые материалы находятся на периферии старой застройки села и связь их с существующим поселением неясна. Вопрос о преемственности, о связи средневековых находок и исторического поселения, известного по документам, о размерах поселения в различные исторические периоды в подобных ситуациях может быть прояснен лишь путем систематического изучения шурфами больших площадей.

Для более подробного изучения формирования исторических сел, преемственности и разрывов в их развитии в 2019 г. были выбраны четыре сельских поселения в ближайшей округе Суздаля: Туртино, Вышеславское, Гнездилово

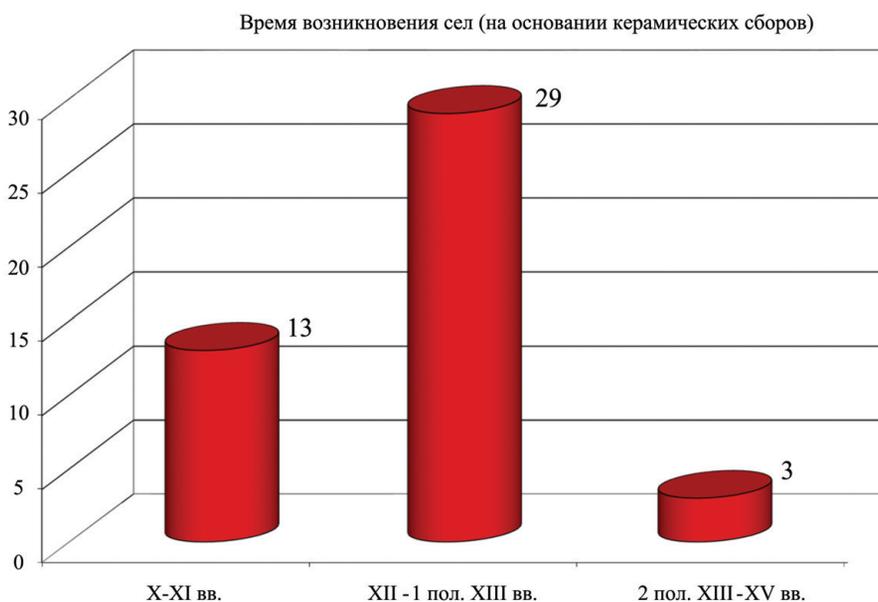

Рис 2. Становление сел Суздальского Ополья по археологическим данным

и Глебовское. Письменная история этих поселений начинается в 1526–1530 гг. Все они в XVI в. имели статус сел с собственными старостами и приходскими храмами, поселения находились во владении суздальского архиерейского дома (Гнездилово, Туртино, Глебовское) (*Маштафаров*, 1999, № 1. С. 77, 78) и суздальского Покровского монастыря (Вышеславское) (Акты Покровского ... монастыря. С. 25, 26. № 7). Согласно Писцовой книге Суздальского уезда 1628–1630 гг., в этих селах насчитывалось от 29 (Гнездилово, Глебовское) до 45 дворов (Туртино) (*Черненко*, 2000). Устойчивое развитие сел демонстрируют и данные середины XIX в. (табл. 2). Все четыре села находятся в 3–12 км от Суздаля, в микрорегионах, где разведки предшествующих лет выявили достаточно плотную сеть поселений, большинство которых запустело во второй половине XIII – XIV в. В настоящее время эти села сохраняют историческую планировку и, в значительной степени, застройку с традиционными крестьянскими домами и приусадебными участками (рис. 3). Однако значительную часть населения здесь составляют дачники.

Работы 2019 г. отличались от проводившихся ранее разведок на территории сел установками на более широкий пространственный охват шурфами всей территории поселений. Они были ориентированы не только на поиски средневековых материалов, маркирующих древнейшее ядро поселения, но и на сбор материалов всех хронологических периодов, получение данных для реконструкции динамики развития поселения, его размеров и пространственного расположения в различные периоды. В результате полевых работ были собраны обширные керамические коллекции подъемного материала, привязанного к отдельным участкам поселений, и получены данные о характере и датировке культурного слоя в различных точках на территории сел (табл. 2). Одной из главных задач при этом было выяснение преемственности между средневековыми поселениями и селами позднего Средневековья – раннего Нового времени. При планировании шурфовки учитывалось современное состояние памятника: в больших объемах она производилась в селах, где значительные участки культурного слоя выведены из хозяйственного оборота или находятся под застройкой и сбор подъемного материала затруднен. На селище Вышеславское 22 было заложено 12 шурфов, общей площадью 19 кв. м; на селище Туртино 1 – 6 шурфов, общей площадью 18,25 кв. м, в Гнездилово 1 – 7 шурфов, общей площадью 35 кв. м; в Глебовском 1 – 9 шурфов, общей площадью 17 кв. м.

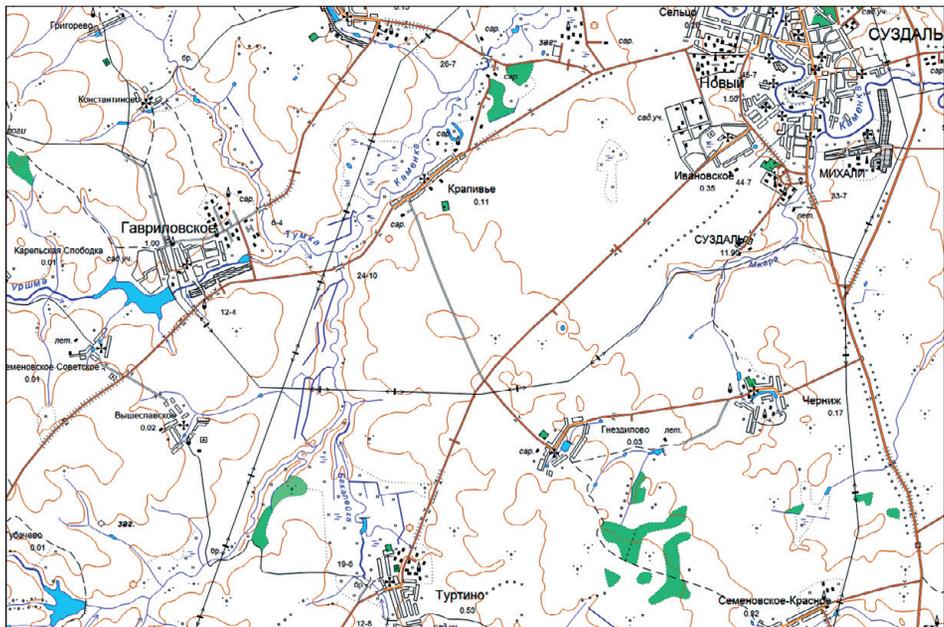
Территория села **Вышеславского**, расположенного на водоразделе рек Каменки и Уршмы, к юго-западу от Суздаля, была обследована в 2019 г. впервые. В сентябре 1526 г. село пожаловано великим князем Василием Ивановичем Соломониде Сабуровой с условием его передачи после ее смерти в Покровский девичий монастырь (Акты Покровского ... монастыря. С. 25, 26. № 7). В центре села, на левом берегу оврага расположены летняя Воздвиженская церковь, 1806 г. постройки, и теплая св. Николая Чудотворца, 1816 г. постройки (*Березин*, 1896. С. 136, 137). Разведками установлено, что селище на территории села приурочено к одному из отвершков в верховьях Семеновского оврага и занимает оба его берега (рис. 4). Плотины, расположенные в приустьевой части отвершка и его верховьях, образуют каскад из двух прудов. Культурный слой поселения распространяется на площади 12, 13 га. В настоящее время значительная часть домовладений в

Таблица 2. Села, обследованные в 2019 г.

№	Название села	Положение	S па- мятника (га)	Первое упоминание в письменных источниках	1628– 1630 гг.	1859 год		Подземный материал		Шурфы				Размеры поселения, на основании распределения керамики (га)		
						число дворов	число жителей	предметы	керамика	число	S (кв. м)	предметы	керамика	XII–XIII вв	XIV–XVI вв	
5031	Гнездилово	При пруде	27,3	1530	число дворов	29	76	667	6	662	7	35	72	6581	13,5	16,09
5032	Туртино (Туркинское/ Турганское)	При речке Поколяйке	14,45	1530		45	98	674	23	1095	6	18,25	18	1532	11,5	9,1
5054	Глебовское	При речке Каменке	8,37	1530		32	62	450	22	1433	9	17	9	1328	5	7,2
5227	Вышеславское	При пруде	12,1	1526		45	102	736	1	594	12	19	10	4159	5,5	7,5

А

Б

Рис. 3. Вышеславское, Гнездилово, Туртино на карте Генерального межевания 1785 г. (А) и современной (Б)

Рис. 4. Распределение керамики XII–XIII (а) и XIV–XVI (б) вв. на территории села Вышеславское, фиолетовая заливка – зоны концентрации керамики XII–XIII вв. в сборах, красные квадраты – шурфы, содержавшие синхронный материал; желтая заливка – зоны концентрации керамики XIV–XVI вв. в сборах, коричневые квадраты – шурфы, содержавшие синхронный материал. Условные обозначения: а – граница памятника; б – участки керамических сборов; в – шурфы

Вышеславском используется как дачи в летнее время, огороды на многих участках не возделаны, центральная часть села не застроена и зарастает луговыми травами. Сбор подъемного материала на многих участках затруднен. Выявление основного ядра средневекового поселения и его границ в этих условиях потребовало постановки большого количества шурфов. В результате весенних разведочных работ в селе было собрано 594 фрагмента керамики, 180 из которых могут быть датированы XII–XVI вв. Из шурфов происходит 4159 керамических фрагментов, 645 из них отнесены к XII–XVI вв., 78 могут быть использованы в качестве хроноиндикаторов XII–XIII вв., 188 – XIV–XVI вв. (табл. 2; рис. 5, 6). Мощность культурных напластований на территории села вне объектов колебалась в пределах 20–60 см. Во всех шурфах слой эпохи Средневековья оказался перемешан в результате хозяйственной деятельности XVIII–XX вв. При этом в 10 из 12 шурфов доля средневековой керамики в общей коллекции колебалась от 7 до 57 %.

При сборе подъемного материала территория села была разделена на 8 участков. Среди 180 фрагментов круговых сосудов, собранных на поверхности и относящихся ко времени не позднее XVI в., 109 представлены стенками и донцами кру-

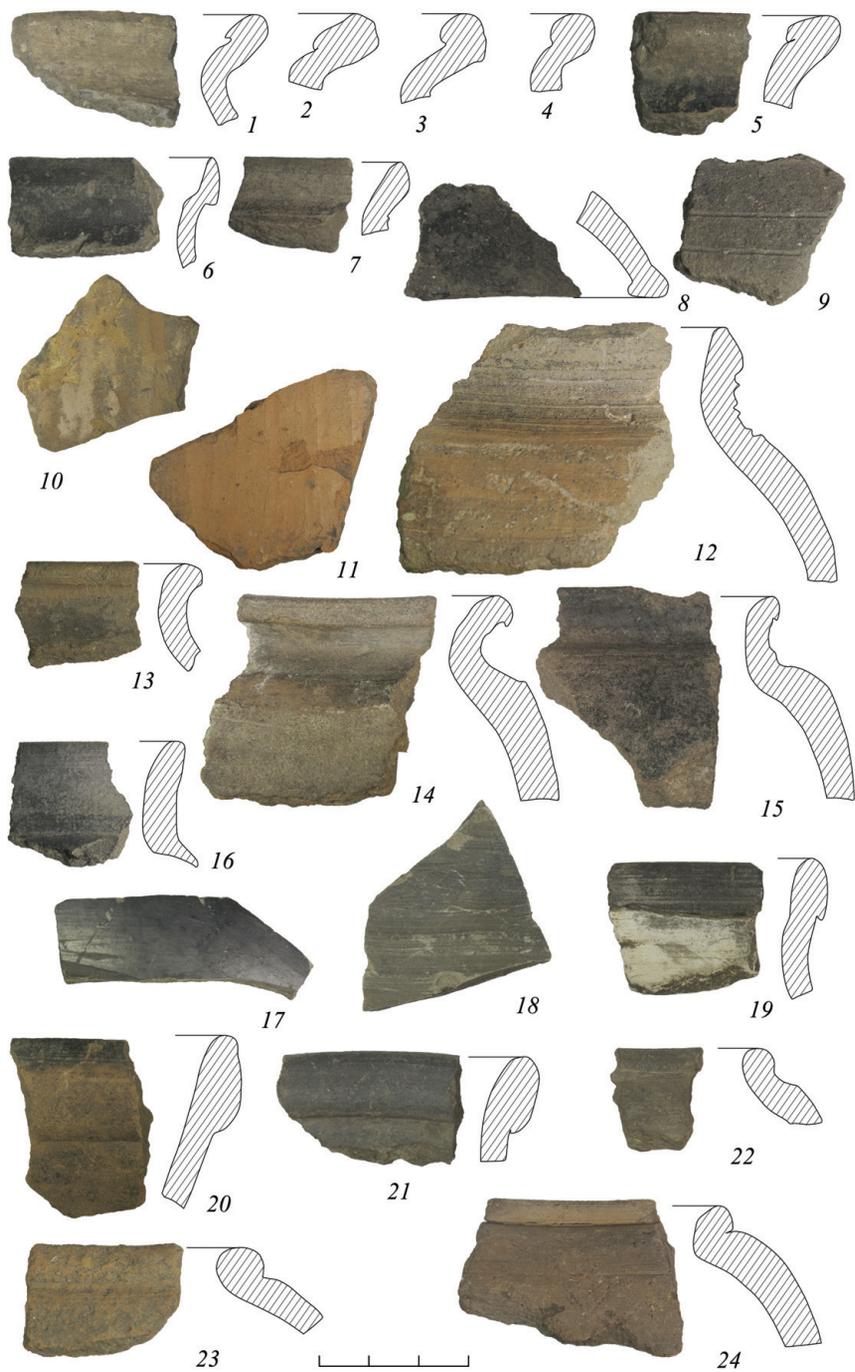

Рис. 5. Керамика из сборов на селище Вышеславское 22, участок 8

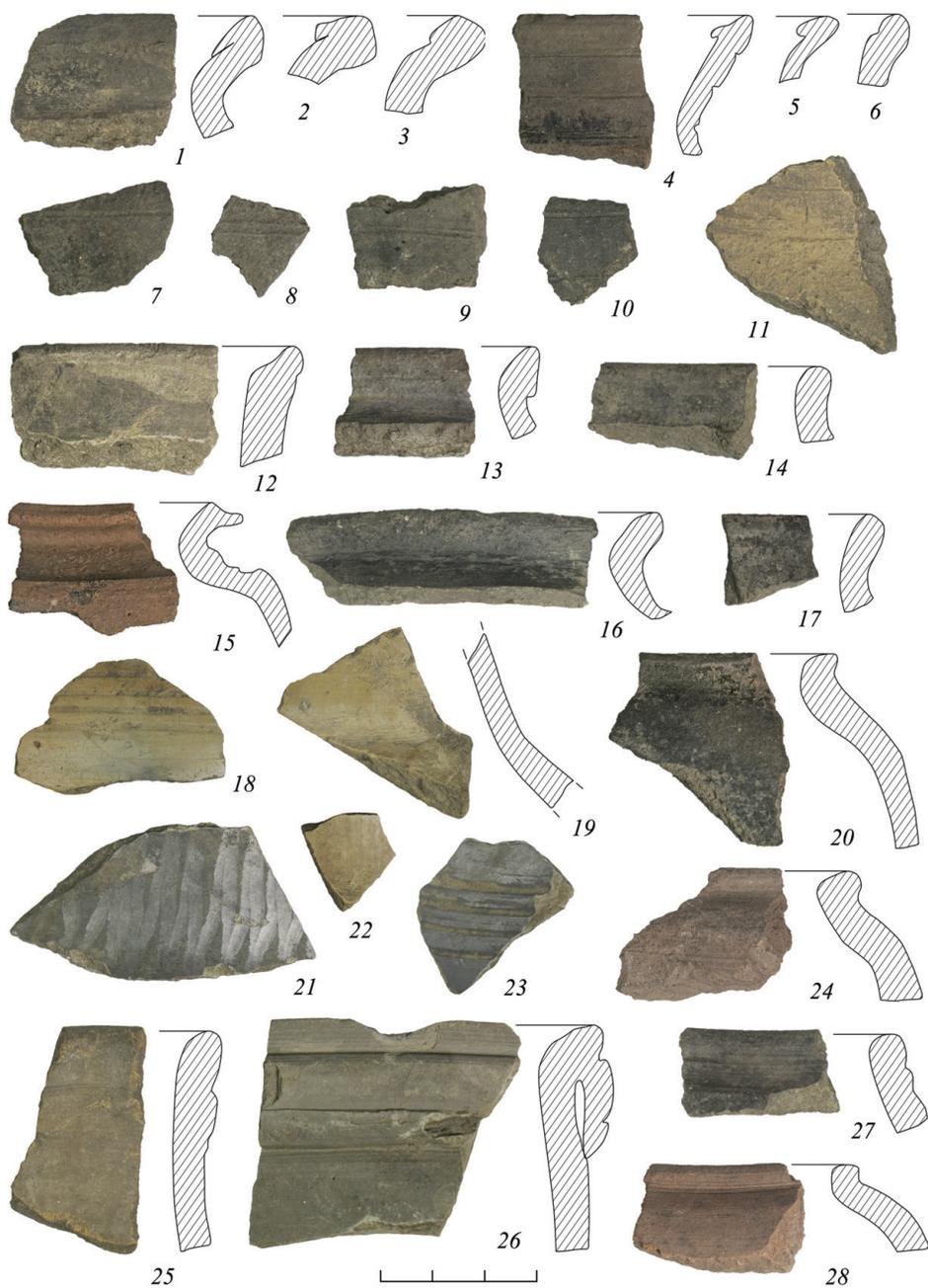

Рис. 6. Керамика из сборов на селище Вышеславское 22, участки 2, 3

говых сосудов, сформованных на круге медленного вращения с примесью дресвы, реже песка, в тесте. Этот материал не может быть использован для узкого датирования. Тем не менее он важен для оценки размеров площадки, освоенной на ранних этапах жизни поселения: керамика этой группы в большинстве своем происходит с участков в северной и центральной части села, от устья оврага до плотины верхнего пруда, приуроченных к обоим берегам оврага. Количество неорнаментированных стенок эпохи Средневековья приблизительно одинаково на участках на левом и правом берегах оврага (58 и 51 экземпляр соответственно), максимальная концентрация зафиксирована на участках 2, 3, 7, 8 (рис. 4).

Функционирование поселения в XII–XIII вв. установлено по находкам венчиков круговых сосудов с высоким раструбовидным горлом или S-овидным профилем и разнообразно оформленными краями с заворотом внутрь (19 штук), относящимися к типам VI, VII, VIII, XI по типологии В. А. Лапшина (*Лапшин*, 1992; *Федорина*, 2008). К этому времени могут относиться и фрагменты сосудов, украшенные линейным орнаментом (14 штук), хотя керамика с подобной орнаментацией оставалась в употреблении и в более поздний период. В целом распределение находок этой группы совпадает с распространением средневековых неорнаментированных стенок. Максимальная концентрация венчиков ранних типов зафиксирована на участках 7, 8, чуть меньше на участках 2, 3. Такая пропорция в распределении материала объясняется в первую очередь разницей в условиях сбора и сохранностью слоя: на участках 7, 8 материал собирался в основном на территории огородов, тогда как на участках 2, 3 он происходит главным образом из мелких нарушений дернового покрова и с грунтовых дорог. Тем не менее важно отметить однородность раннего материала – он представлен наиболее распространенными типами посуды XII–XIII вв. Площадь культурного слоя домонгольского времени оценивается в 5,5 га. Картина, полученная по данным сборов, вполне согласуется с материалами шурфовки: максимальная концентрация керамики XII–XIII вв. отмечена в шурфах, расположенных на участках 1–3, 8. (рис. 4: а).

Ко второй хронологической группе, маркирующей конец XIII – XVI в., отнесены фрагменты сосудов различных типов с укороченными, прямо поставленными или слабо отогнутыми венчиками, часто с черновым краем, загнутыми наружу (10 штук), а также фрагменты краснолощенной посуды, получившей наибольшее распространение в регионе в XV–XVI вв. (18 штук). Распределение этой керамики несколько отличается от предыдущей хронологической группы: она встречается на значительно большей территории, но в меньшей концентрации. Отметим, что основное скопление керамики XIV–XVI вв. локализуется несколько выше по рельефу: это участки 3, 2, 6, 7. Распределение материала в шурфах демонстрирует более сложную картину по сравнению с материалами предыдущей группы: шурфы с максимальной концентрацией керамики этого периода соседствуют с теми, где нет надежных хроноиндикаторов (рис. 4: б), вероятно, эта картина отражает смену планировочной структуры поселения. Общая площадь памятника на момент первого упоминания Вышеславского в письменных источниках составляла не менее 7,5 га. Важно отметить, что одно из мест концентрации керамики XVI в. выявлено в центре позднейшего села, где расположены кирпичные церкви 1806 и 1816 гг. постройки.

Полевыми работами 2019 г. установлено, что уже в первоначальный период своего существования Вышеславское представляло собой крупное стационарное поселение.

Гнездилово – еще одно село «при пруде». Село расположено в 7 км к юго-западу от Суздаля. Оно получило известность в археологии как населенный пункт, вблизи которого находилось несколько курганных групп, исследованных в 1851 г. А. С. Уваровым, и селище X–XII в., раскопки которого положили начало исследованию сельских поселений суздальской округи (Лапшин, 1989). Культурный слой эпохи Средневековья на территории села Гнездилова зафиксирован на обоих берегах Мжарского оврага и приурочен к каскаду из пяти прудов (рис 7). В центральной части села, к северо-западу от центрального пруда расположены холодная церковь св. Николая Чудотворца, 1824 г. постройки, и теплая во имя святителей и чудотворцев суздальских Федора и Иоанна, 1857 г. (Березин, 1896. С. 105, 106). Посвящение зимней церкви, довольно редкое, особенно интересно в связи с тем, что село начиная с XVI в. является частью владений суздальского Архиепископского дома. В 1978 г. В. А. Лапшиным на территории села было выявлено два отдельных пятна культурного слоя с гончарной керамикой домонгольского облика. Судя по материалам полевого отчета, границы пятен, получивших номера 1 и 3, были зафиксированы по результатам сборов на открытых огородах жителей села. В связи с этим одной из задач 2019 г. было уточнение границ и взаимосвязи выявленных ранее объектов. Для этого при сборах подъемного материала территория села была поделена на 14 участков. В ходе работ 2019 г. было собрано 662 фрагмента круговых сосудов. В их числе 43 фрагмента – хроноиндикаторы XI–XIII вв., 38 – XIV–XVI вв., 48 фрагментов стенок средневековых сосудов, сформованных на медленном круге с примесью дресвы или песка в тесте, с линейным и волнисто-линейным орнаментом, 94 – без дополнительной обработки поверхности. На 5 участках, расположенных в центре села, подъемный материал происходит из микронарушений дернины, на остальных участках он был собран на огородах и клумбах. Более представительная коллекция керамики (6581 фрагмент) и средневековых артефактов (72) получена в результате шурфовки селища (табл. 2, рис. 8–9). В шурфах 1 и 4 выявлены единичные фрагменты лепных сосудов с лощенной и гладкой поверхностью, а также 2 фрагмента текстильной (?) керамики эпохи поздней бронзы. Вероятно, средневековому поселению предшествовали поселения поздней бронзы(?) и/или железного века, культурный слой которых был полностью переработан в позднейшее время.

К эпохе возникновения средневекового села в сборах относятся фрагменты венчиков круговых сосудов типов VI и VIII по В. А. Лапшину, фрагменты стенок сосудов с плотным линейным и волнисто-линейным орнаментом. Хроноиндикаторы XII–XIII вв. происходят с территории 9 участков, расположенных в северо-восточной части села, к северу от крупнейшего из прудов. Пятно культурного слоя этого времени на левом берегу оврага занимает площадь около 9,7 га, на правом – 3,8 га. Важно, что на территории участков 8 и 10, в настоящий момент заросших луговой растительностью, в подъемном материале преобладала средневековая керамика. Заложённые здесь шурфы подтвердили, что в Новое и Новейшее время этот участок был слабо освоен, что обеспечило хорошую со-

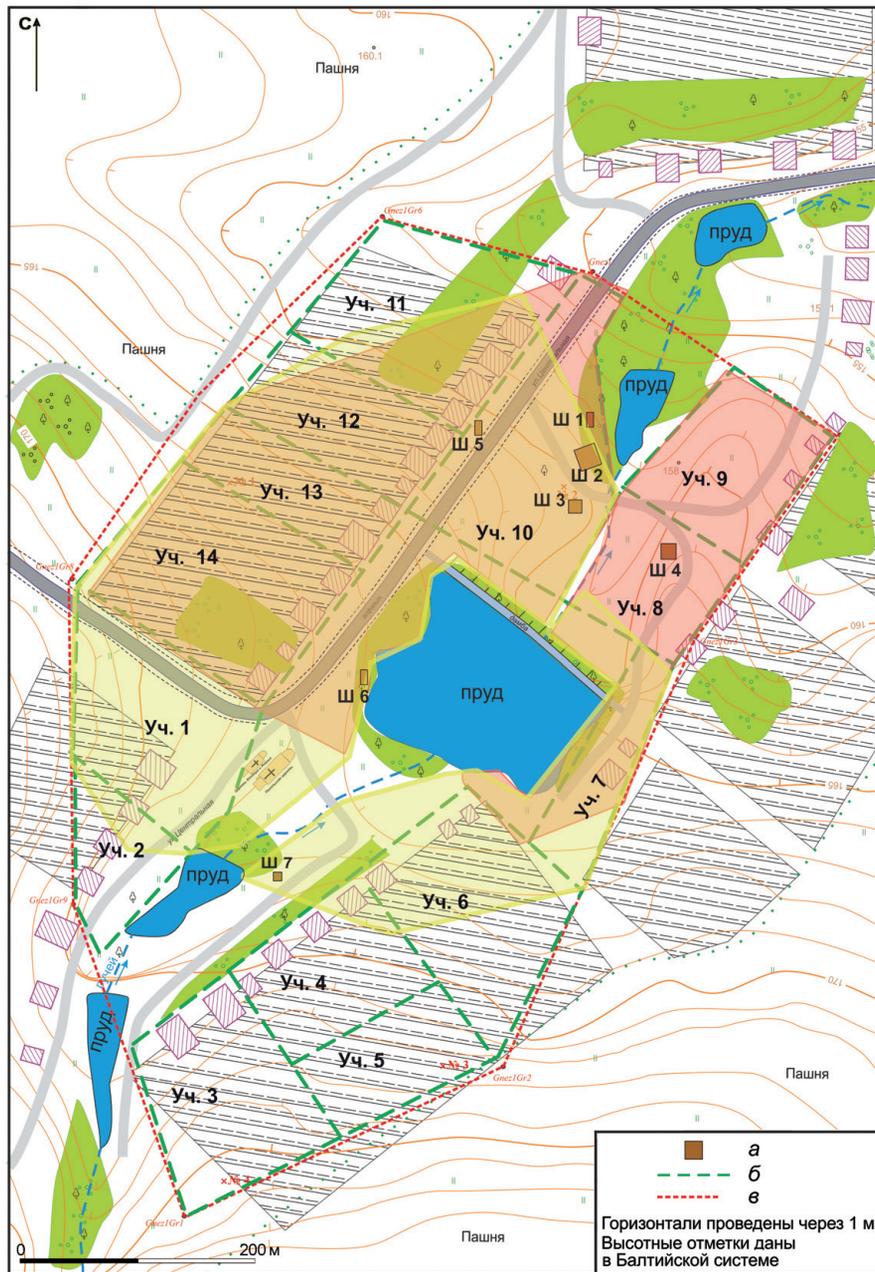

Рис 7. Селище Гнездилово 1. План памятника: розовая заливка – зона распространения керамики XII–XIII вв., желтая – XIV–XVI вв.

Условные обозначения: а – шурфы; б – границы участков сборов; в – граница памятника.

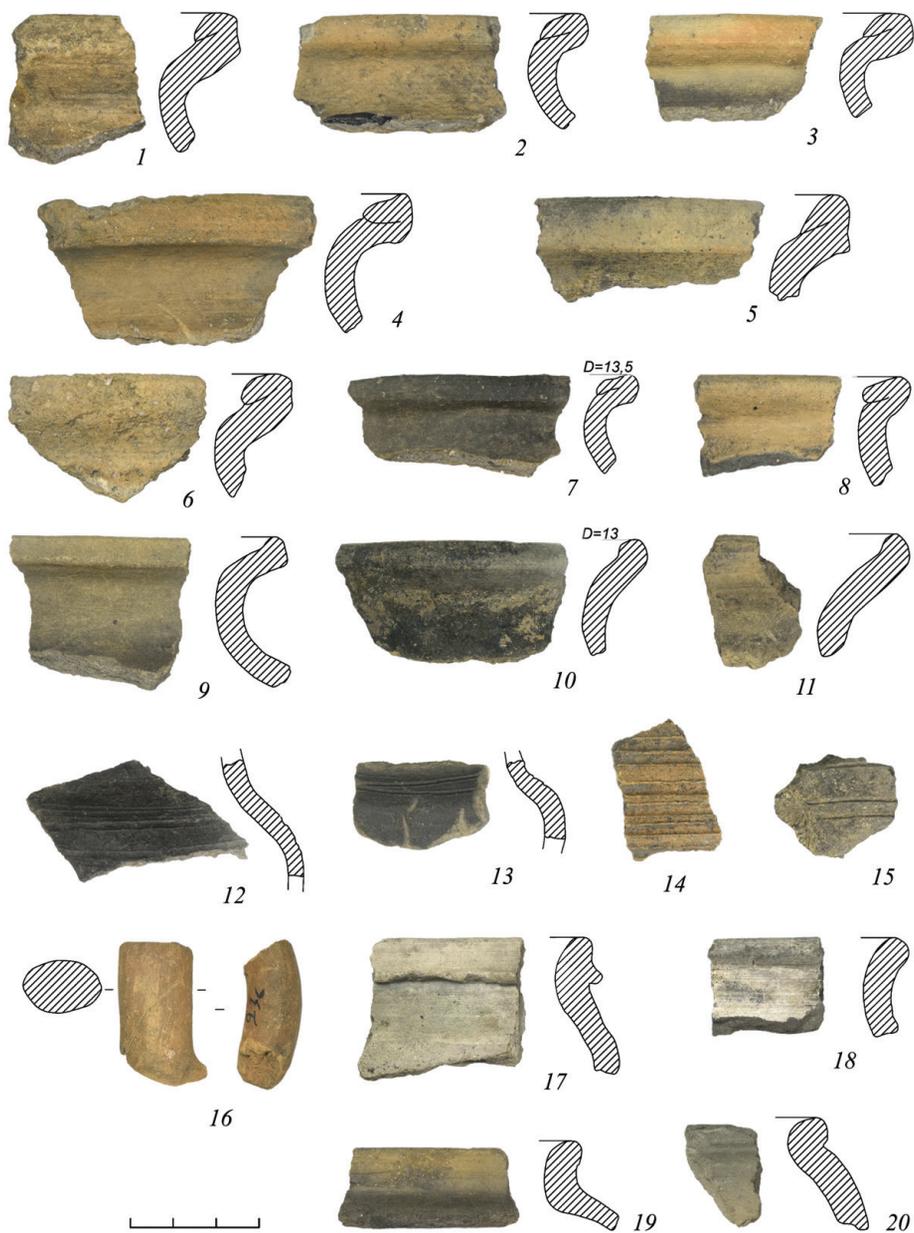

Рис. 8. Селище Гнездилово 1. Подъемный материал с участка 11

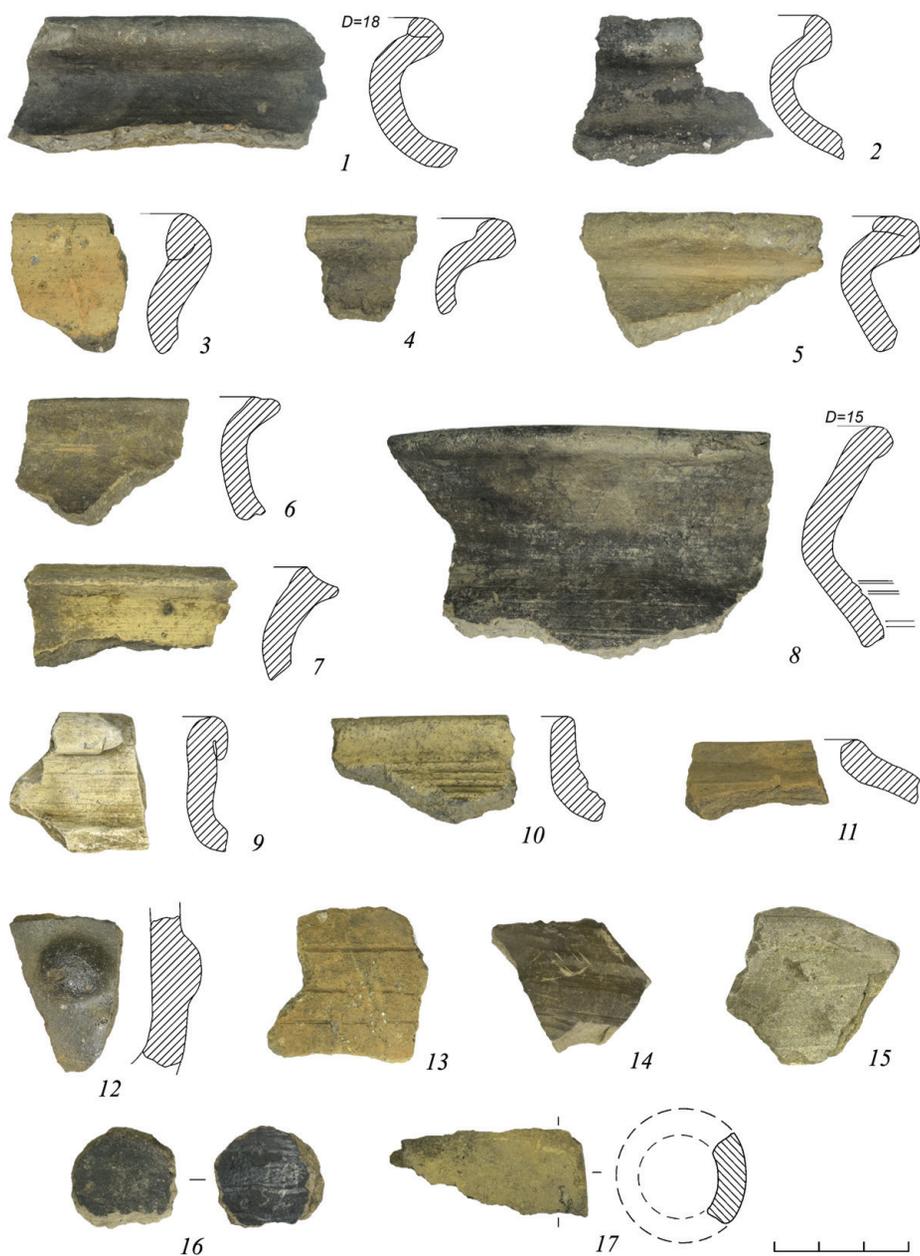

Рис. 9. Селище Гнездилово 1. Подъемный материал с участка 12

хранность средневекового культурного слоя: в шурфах 1, 3 удалось зафиксировать не поврежденный позднейшими перекопами средневековый слой мощностью до 40 см; в шурфах 2 и 4, помимо этого, удалось зафиксировать остатки сельской застройки XII–XIV вв. В шурфе 2 исследовано подполье наземной постройки без отопительного сооружения (линейные размеры $3,3 \times 2,2$ м, глубина от уровня материка – 0,6 м) с небольшим тамбуром, примыкающим к ней с юга, а также 2 хозяйственные ямы с большим количеством круговой керамики. Крупные, достаточно глубокие подполья – одна из основных черт средневекового домостроительства в центральных районах Северо-Восточной Руси: такого типа сооружения фиксируются как в городах (Суздаль, Владимир, Москва, Нижний Новгород) так и на сельских памятниках (Шполянский, 2008; Коваль, 2007; 2010; Борисов, 2010; Грибов, 2012). В шурфе 4 расчищена хозяйственная яма округлой формы (максимальные размеры в раскопанной части – $1,8 \times 1,4$ м, глубина, – 0,4 м), из заполнения ямы происходят представительные серии вещей и керамики. Эти объекты заслуживают отдельной подробной публикации.

Для прояснения времени возникновения поселения в Гнездилове решающее значение имеют выявленные в ходе шурфовки фрагменты сосудов с профилировкой, характерной для XI – середины XII в. К этой группе могут быть отнесены фрагменты венчиков сосудов типов I, II, IV по В. А. Лапшину, стенки с очень плотным линейным и линейно-волнистым орнаментом, неорнаментированные ранне-круговые фрагменты сосудов. Такая керамика происходит из шурфов 1, 2, 4, 5. По-видимому, поселение возникает не ранее начала XII в.: основанием для такого сужения датировок может служить отсутствие в коллекции лепной средневековой керамики, которая в значительном количестве присутствует в надежно датированных XI в. комплексах в Ополье (Лапшин, 1992. С. 96–100; Федорина, Красникова, 2012. С. 101–103). Детализировать хронологию ранних напластований на данном этапе не представляется возможным, так как все эти фрагменты встречены в перетолженном виде вместе с материалом следующего хронологического этапа, тем не менее важно отметить, что материал первой половины XII в. выявлен на обоих берегах оврага, на тех же участках, где фиксируется максимальная плотность объектов и материалов XII–XIII вв.

В вещевой коллекции представлены в основном материалы, характерные для второй половины XII – XIII в.: ножи с широким лезвием, железные пряжки, шпора с колесиком, различные бусины из прозрачного бесцветного и желтого стекла, фрагменты стеклянных браслетов, бронзовый крест-гельник с криновидными лопастями, бронзовый пластинчатый перстень, шаровидный бубенчик. Эти предметы происходят из заполнения ям, исследованных в шурфах 2 и 4. К более раннему времени могут относиться три ножа с узким клиновидным лезвием и две костяных проколки, найденные в шурфе 2.

Характеризуя размеры памятника и динамику жизни на поселении в последующую эпоху, отметим, что основная зона жилой застройки и хозяйственной активности в Гнездилове смещается выше по рельефу, в центральную и южную часть села: керамика XV–XVI вв. в сборах на северной части памятника, где зафиксирована максимальная плотность материала предшествующего периода, представлена единичными фрагментами на левом берегу оврага; на правом находки ее не зафик-

Рис. 10. Селище Туртино 1. Общий вид на территорию селища с юга

сированы. Схожая картина фиксируется в шурфах. Работы 2019 г. показали, что для выделения двух отдельных памятников, документированных на территории современного села после его первоначального обследования в 1978 г., нет оснований.

Средневековое **Туртино**, размерами около 14,5 га (рис. 10, 11), занимает большую часть территории современного села, располагается на правом берегу небольшой речки Бакалейки (Покаляйки), правого притока р. Каменки, на которой стоит Суздаль, в 10 км к юго-западу от окраины города.

Селище открыто Суздальской экспедицией в 2008 г., тогда были проведены сборы подъемного материала, определена датировка (XII–XVI вв.) и зафиксированы предварительные границы распространения средневекового культурного слоя. Было установлено, что территория селища тяготела к склону возвышенного участка правобережья речки Бакалейки и протянулась вдоль него более чем на 600 м. Максимальная, зафиксированная в 2008 г. ширина полосы средневекового культурного слоя составляла около 270 м в северной части селища, постепенно сужалась к югу. Здесь, на выраженном локальном возвышении (небольшом холме), ограниченном долиной реки и запаханном суходольным оврагом, располагается каменная пятиглавая двухэтажная церковь, построенная в 1820 г. На верхнем этаже церкви находится главный престол Иоанна Богослова, на нижнем – Живоначального источника Пресвятой Богородицы (Березин, 1996. С. 129, 130).

В результате разведочных работ 2008 и 2019 гг. на селище была собрана коллекция керамики, состоящая из 1095 фрагментов, относящихся к Средневековью и раннему Новому времени (XII–XVI вв.), найдено 23 средневековых предмета (табл. 2). В результате шурфовки 2019 г. было получено еще 1532 фрагмента. Керамика XVII–XIX вв. в материалах из шурфов представлена сравнительно небольшим количеством – всего 136 обломками.

Средневековый культурный слой в с. Тургино имеет хорошую сохранность, значительные участки его распространения не заняты современной застройкой. Он был изучен в 6 шурфах, заложенных на территории памятника (рис. 11). Наибольшей мощности (до 0,7 м, шурф 1) слой достигал в юго-западной части селища: на западном – юго-западном склонах холма, на плоской вершине которого возведено здание церкви. Здесь же была зафиксирована наибольшая концентрация подъемного материала при первом обследовании села в 2008 г., а при проведении работ 2019 г. на единственном распаханном огороде площадью менее 3 тыс. кв. м было собрано 267 фрагментов средневековых сосудов и 6 находок, лежащих на пашне. В северной части селища количество находок снижается, несмотря на то, что зона распространения подъемного материала здесь наиболее обширна. Повидимому, это распределение отражает различия в характере использования территории поселения, в том числе и разную плотность застройки.

Значительная часть собранного материала документирует существование поселения в XII–XIII вв. (рис. 12–13). К этому времени относится более 400 фрагментов венчиков сосудов, представленных наиболее массовыми типами керамики этого времени, – V–VIII по типологии В. А. Лапшина (*Лапшин*, 1992). Материалы второй половины XII – XIII в. зафиксированы почти на всей территории памятника, на площади не менее 11,5 га. Они отсутствуют только в наиболее возвышенной части селища, восточнее ул. Советская.

Второй половиной XIII – XV в. датировано 187 венчиков. Керамика этого времени почти не встречена в наиболее приближенной к реке, низинной части селища, находки ее тяготеют к склонам холма, на котором стоит церковь. Около 70 керамических находок можно датировать второй половиной XV – XVI в., т. е. временем первых упоминаний села в монастырских актах. Это ангобированная керамика, обломки красноглиняных кувшинов (рис. 12, № 7–8), формы венчиков, с заворотом черногого края наружу (рис. 13, № 11, 13–14), и ранние формы горшков т. н. «коломенского» типа. Краснолощенная керамика (хроноиндикатор конца XIV – XVI в.) представлена 32 фрагментами, собрана в основном в южной части селища. На северо-западной окраине средневекового села обломки краснолощенных сосудов обнаружены в шурфе 3 (рис. 13, № 18–21) вместе с находками венчиков поздних форм в шурфах (рис. 13, № 22, 24) и при сборах, что свидетельствует о продолжении существования памятника в конце XIV – XVI в. на участке протяженностью не менее 400–450 м, вдоль берега реки.

В итоге зона распространения материалов XIV–XVI вв. составляет площадь несколько меньшую (около 9 га), чем в предшествующий период, но остается довольно значительной. Сдвигаясь выше по рельефу на 50–150 м и на юг от всхолмления, на котором располагается церковь, село в целом занимает почти такое же положение, что и раньше. Прибрежная территория, прежде занятая средневековой застройкой, распахивается.

Наиболее плотно освоенная часть территории селища – склон холма, на котором впоследствии была поставлена церковь, остается наиболее активно используемой частью поселения в течение всего Средневековья.

Село **Глебовское** относится к числу крупных поселений ближайших окрестностей Суздаля (рис. 14–16; табл. 2), находится на расстоянии 2,9 км к востоку от

Рис. 11. План селища Туртино 1 с местами расположения шурфов и мест обнаружения находок. Условные обозначения: а – граница памятника; б – поворотная точка границы; в – индивидуальная находка

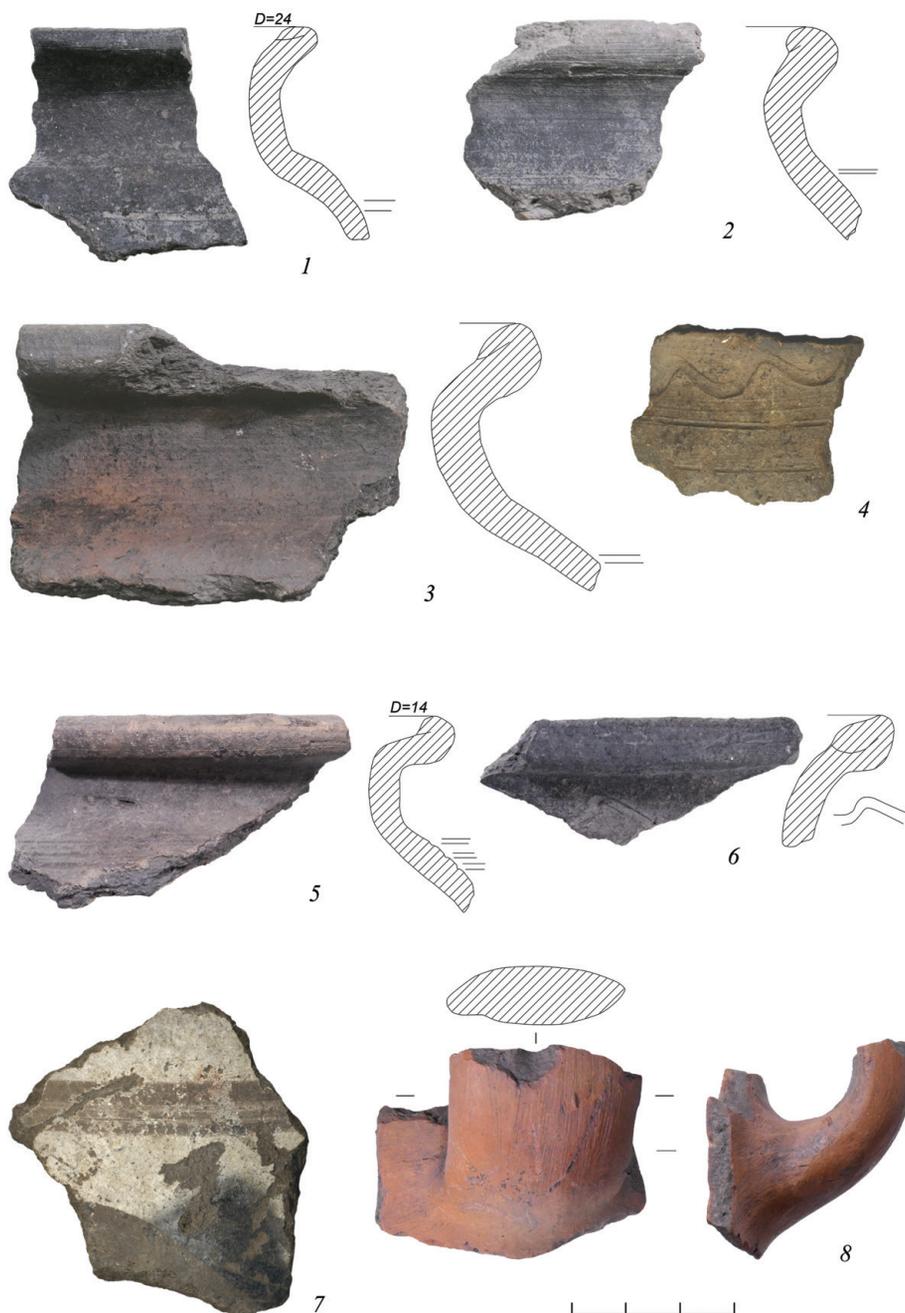

Рис. 12. Селище Тургино 1. Керамика из сборов

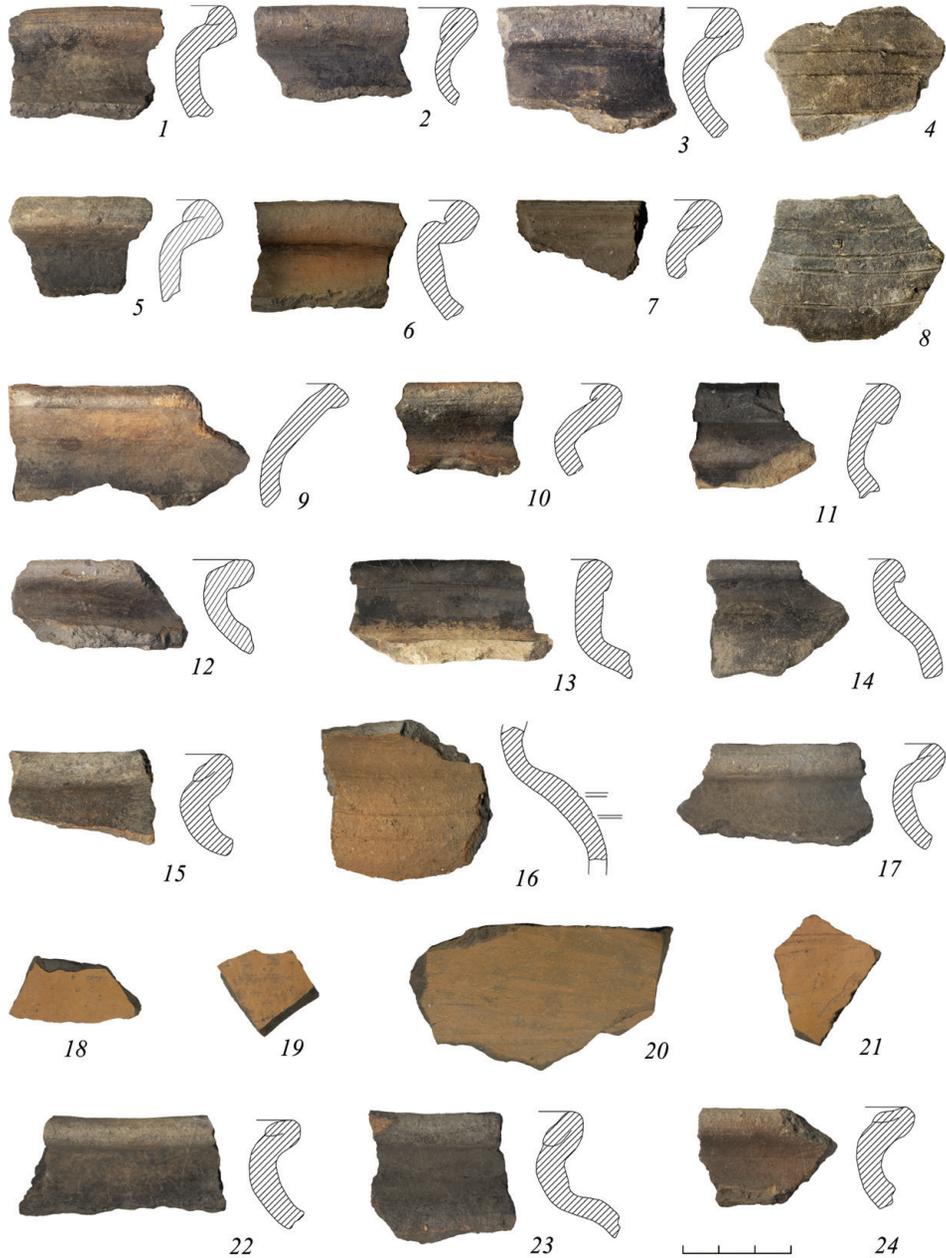

Рис. 13. Селище Тургино 1. Керамика из шурфов

Рис. 14. Селище Глебовское 1. Общий вид на селище с юга

валов Окольного города, на правом берегу р. Каменки, вниз по течению, и всего в 2,3 км от стен Васильевского монастыря.

Территория села была впервые обследована Суздальской экспедицией в 2004 г. Сборы подъемного материала позволили документировать его существование в Средневековье и раннее Новое время (XI–XVI вв.), зафиксировать предварительные границы памятника, оценить размеры (6,79 га). В процессе работ весной 2019 г. установлено, что подъемный материал распространяется несколько шире, чем было определено при первом обследовании. В итоге площадь селища составила 8,37 га (табл. 2).

Средневековое поселение тяготеет к наиболее возвышенному участку излучины берега реки, в его юго-восточной части расположена доминирующая пологая высота с отметкой 115,4 м в Балтийской системе высот (рис.16). Территория селища возвышается над уровнем воды в реке на 6–16 м, значительная его часть располагается под существующей сельской застройкой, асфальтированными и гравийными дорогами, проходящими через село, часть территории памятника занята огородной распашкой. В центре средневекового селища располагаются две церкви, занимающие наиболее возвышенную часть берегового всхолмления.

К югу от церкви, под современной сельской площадью находится старое кладбище, частично уничтожившее культурный слой средневекового поселения. Территория к северу и западу от церковных строений, ограниченная с юга и востока сельскими дорогами, свободна от застройки и плотно задернована. Заложенный здесь в 2004 г. вблизи береговой кромки шурф площадью 2 кв. м показал хорошую сохранность культурных напластований селища, мощность которых составила до 0,6 м.

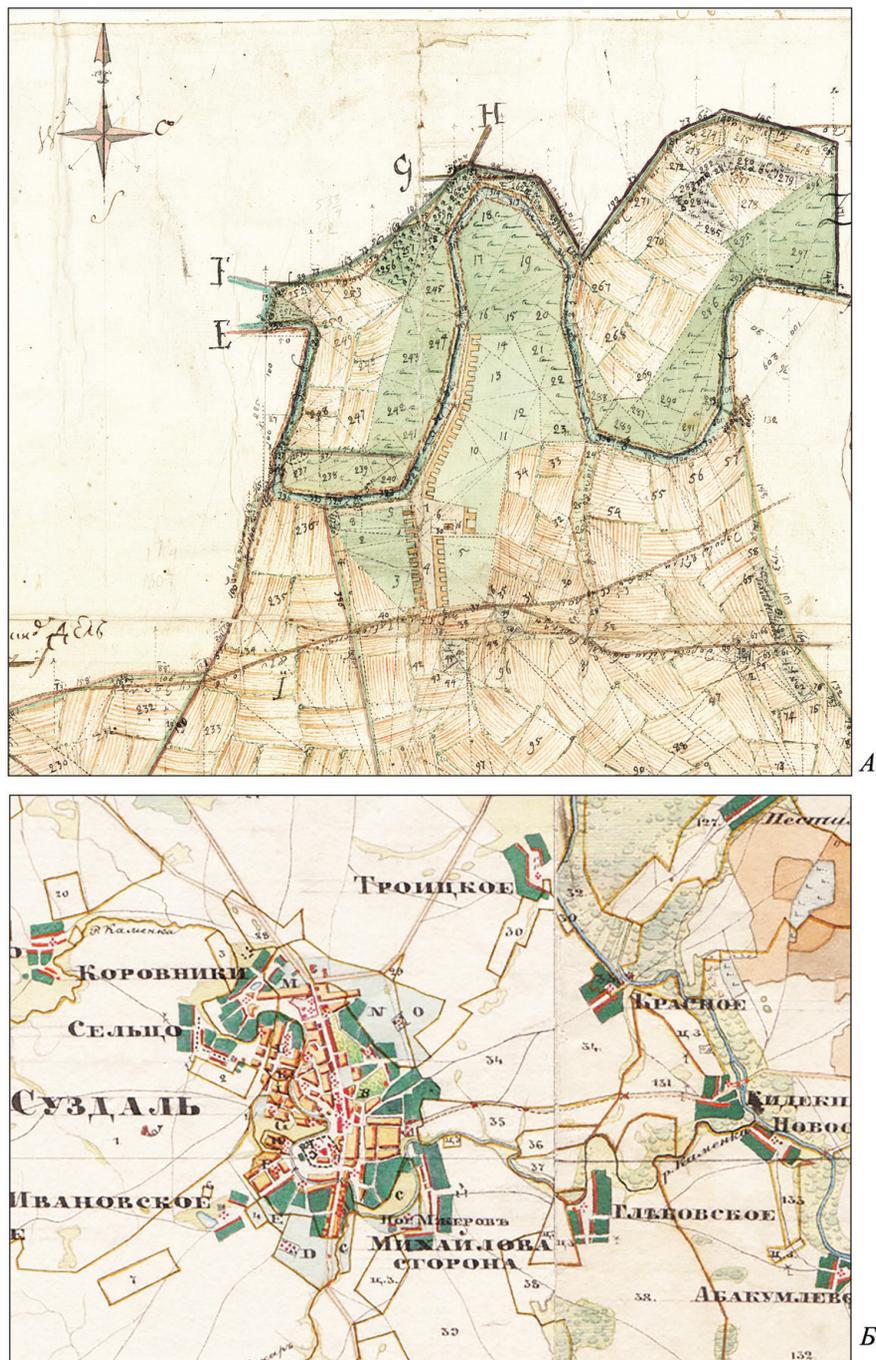

Рис. 15. А – Карта Генерального межевания села Глебовского с угодьями 1768 г. Фрагмент; Б – село Глебовское и окрестности на карте Менде 1850 г.

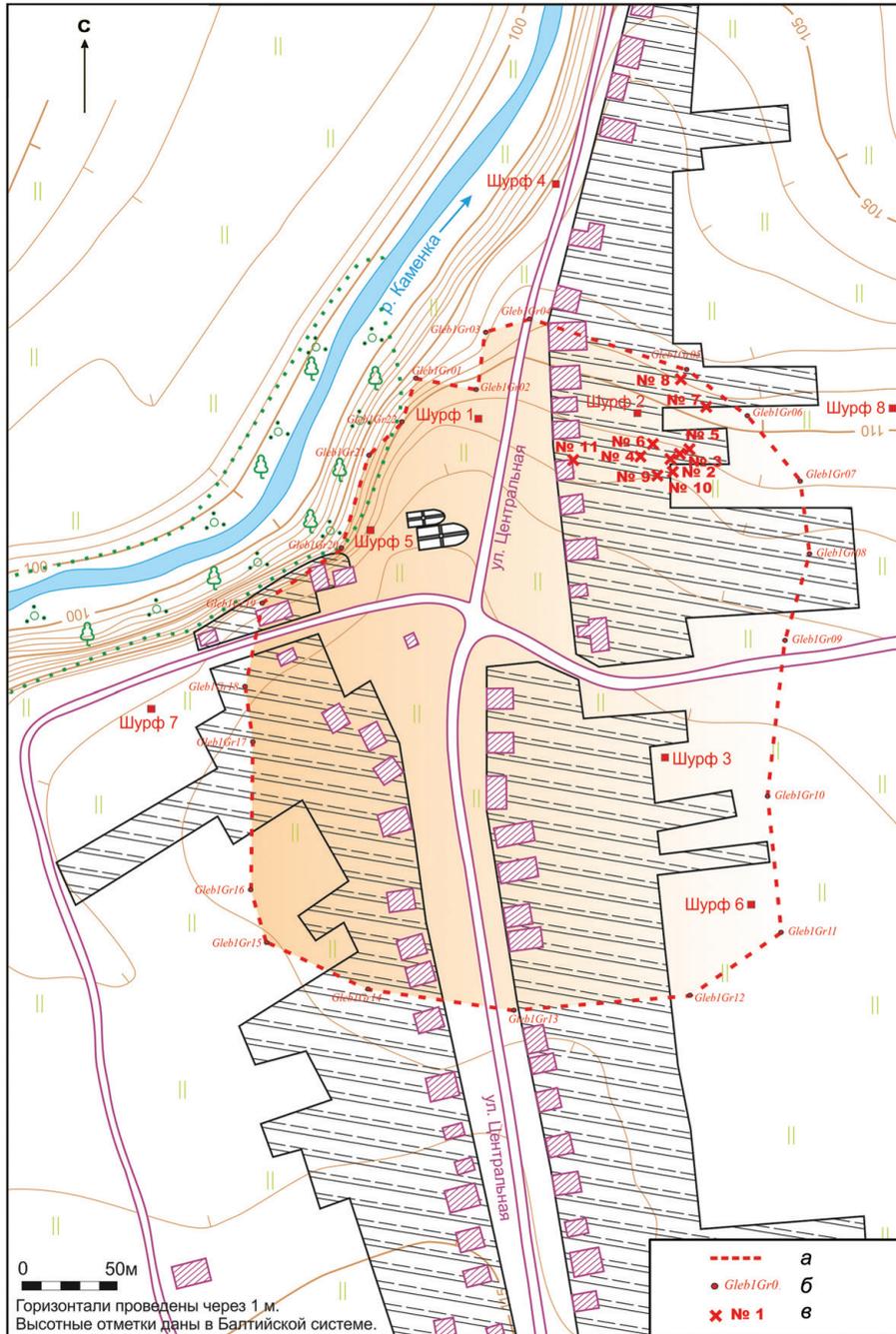

Рис. 16. План селища Глебовское 1 с местами расположения шурфов и мест обнаружения находок. Условные обозначения: а – граница памятника; б – поворотная точка границы; в – индивидуальная находка

Церкви кирпичные, летняя, 1796 г., имеет посвящение в честь Богоявления Господня, зимняя, примыкающая к летней с севера и сохранившаяся частично, – Покровская, построена в 1811 г. (*Березин*, 1896. С. 85, 86). Размещение сейчас стоящих в селе церквей отличается от положения церкви, обозначенной на плане Генерального межевания с. Глебовского с угодьями 1768 г. (рис. 15) (РГАДА. Ф. 1354. Оп. 55. Ч. 1. № Г-1с.), что позволяет говорить о произошедшем между 1768 и 1796 гг. смещении церковного места ближе к берегу реки.¹

При проведении поверхностных сборов в селе была получена коллекция керамики, представленная 1433 находками (рис. 17; табл. 2). И если при первом обследовании памятника в 2004 г. основное внимание уделялось распространению средневековой керамики (было собрано 463 фрагмента), то в 2019 г. задачей сборов было получение наиболее полной картины формирования культурных напластований в течение всего времени существования поселения, собирался в том числе и материал Нового и Новейшего времени (всего 970 фрагментов). Структура коллекции массового материала, полученного в ходе этой работы, такова: 686 фрагментов керамики – это материалы, датируемые в рамках XVII–XIX вв., 612 фрагментов относятся к развитому Средневековью и началу Нового времени (XI–XVI вв.), в том числе 107 венчиков второй половины XI – XIII в. и 131 – XIV–XVI вв. Ровно 100 обломков лепной посуды, в том числе 5 сковород с низким бортиком, документируют существование в пределах сельской территории раннесредневекового поселения (вторая половина I – начало II тыс. н. э.).

Культурный слой памятника был изучен в 9 шурфах, заложенных на его территории (рис. 16). Наибольшей мощности он достигал в задернованной прибрежной части селища к северу и западу от церковных строений. Здесь в трех шурфах (шурф 2004 г., шурфы 1, 5), был выявлен мощный (до 0,9 м), хорошо сохранившийся стратифицированный культурный слой. Собранный в этих шурфах материал позволяет определить общую датировку открытой свиты напластований в пределах последней трети I тыс. – XII–XIV вв. В трех шурфах, располагавшихся на востоке и юго-востоке территории селища (шурфы 2, 3, 6), были получены материалы XII–XVI вв. Еще 3 шурфа располагались за пределами зоны распространения культурного слоя (шурфы 4, 7, 8), что позволило уточнить границы памятника.

Из 9 шурфов происходит 1328 керамических обломков, датируемых в широком хронологическом диапазоне от конца I тыс. н. э. и до XIX в. Распределяются они следующим образом: керамика XVII–XIX вв. (чернолощенная и мореная, поливная, белая гладкая, обломки красноглиняных горшков приземистых округлобоких форм с коротким венчиком, сформованном без образования шейки, – т. н. «чугунки») собрана в количестве 721 фрагмента.

Керамический материал, документирующий существование селища в XII–XIII вв., представлен 36 венчиками (типы III–VIII по В. А. Лапшину), к XIV–XVI вв. было отнесено всего 10 венчиков и единичные находки обломков краснолощенных сосудов. Найдено 259 фрагментов стенок средневековых горшков, изго-

¹ План любезно предоставлен П. Н. Хромушиным, краеведом, знатоком истории Глебовского, владельцем дома 80 по ул. Центральная в с. Глебовском, который оказывал активную помощь в обследовании села, за что коллектив Суздальской экспедиции ему искренне признателен.

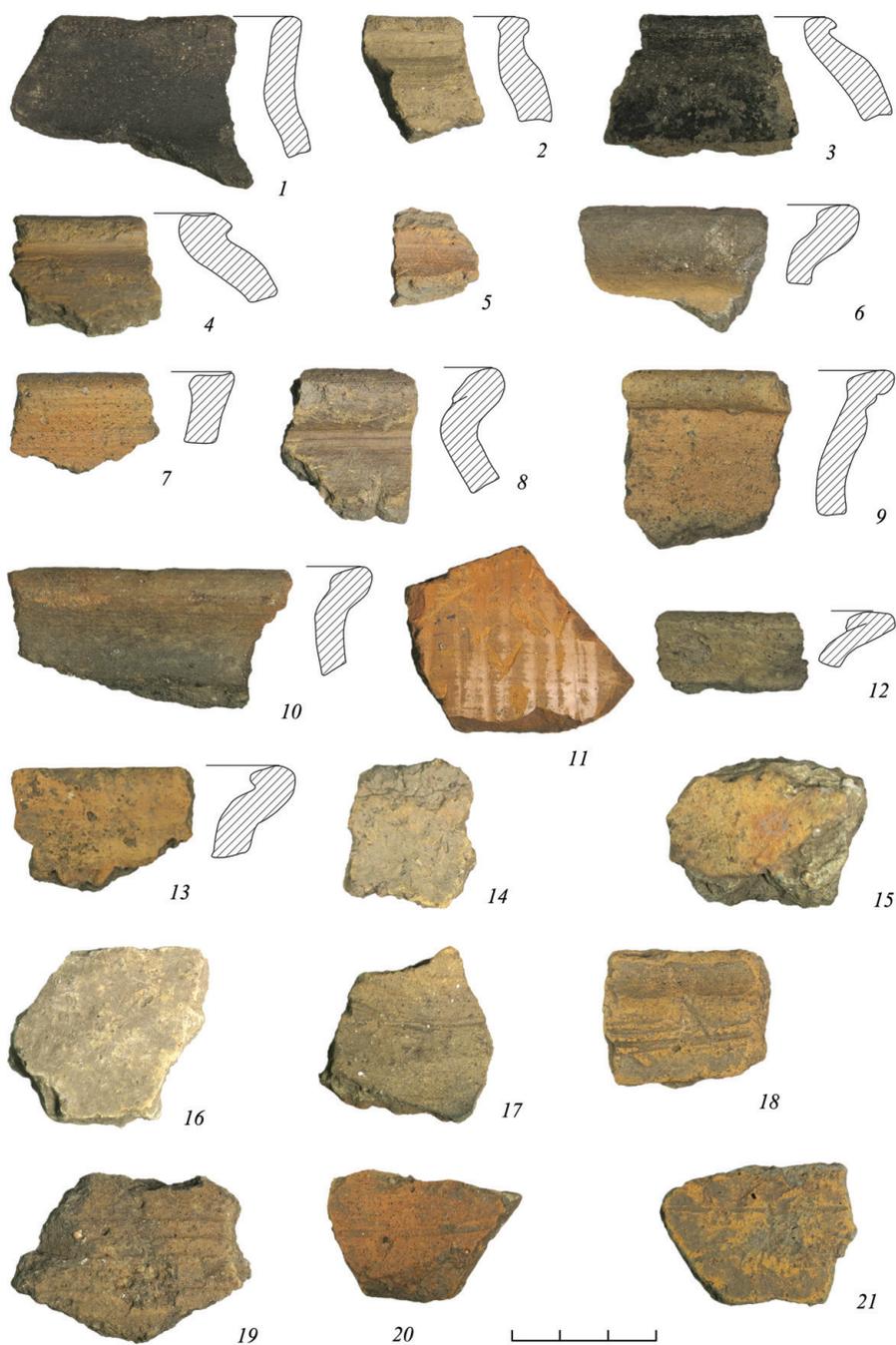

Рис. 17. Селище Глебовское 1. Керамика из сборов

товленных на ручном гончарном круге (XII – первая половина XV в.), в том числе 76 украшенных линейным (73) и штампованным (3) орнаментом.

Наиболее выразительная часть керамической коллекции, происходящей из шурфов, – серии обломков раннекруговой и лепной посуды, собранной в стратифицированных культурных напластованиях прибрежной части селища.

Раннекруговая керамика, датируемая в целом XI – началом XII в., представлена находками венчиков «грибовидных» либо простых, без заворота чернового края, форм, обломками стенок горшков, украшенных плотным линейным или линейно-волнистым орнаментом (рис. 18). В слое найдено 14 обломков венчиков, орнаментированные стенки раннекруговых сосудов представлены 29 фрагментами, еще 25 толстостенных обломков с примесью крупной дресвы в составе формовочной массы также были отнесены к раннекруговым.

Лепная керамика (рис. 19) происходит преимущественно из шурфа 5, расположенного в 16 м к западу от церкви. Здесь, на глубине 0,4–0,7 м, был выявлен культурный слой поселения, предшествовавшего селу древнерусского времени. Материал, собранный в этом слое, представлен почти исключительно лепной неорнаментированной керамикой. Всего здесь было собрано 175 фрагментов, в том числе 16 высоких, плавно отогнутых наружу венчиков, 4 обломка сковород с низким бортиком; 55 фрагментов стенок имеют заглаженную, иногда – подлощенную поверхность.

Кроме шурфа 5, лепная керамика в небольшом количестве была встречена в шурфах 1 и 2 к северу и северо-востоку от церкви.

Судя по распространению керамического материала из поверхностных сборов и в шурфах, размеры древнерусского села (XI–XIII вв.) составляли около 5 га. Керамика этого времени концентрируется в прибрежной части памятника и почти отсутствует в южной. Материалы XIV–XVI вв., напротив, в меньшем количестве зафиксированы на севере ареала распространения средневекового культурного слоя и около церквей и многочисленны в юго-восточной части селища, к югу от современной дороги на с. Абакумлево и Новоселка. Тем не менее общий размер позднесредневекового села несколько больше, чем в предшествующее время, его площадь составляет 7,2 га.

Раннесредневековый лепной материал, встреченный в шурфах на краю берегового возвышения и при сборах в северо-восточной части памятника, фиксируется на площади около 1,5 га. Особенно важным представляется открытие в шурфе 5 перекрытого вышележащими напластованиями стратифицированного слоя (толщиной до 0,3 м) последней трети I – начала II тыс. н. э. Тот факт, что, наряду с лепной керамикой, в этом слое (в верхней его части) фиксируется значительное количество раннекруговой керамики, позволяет говорить о существовании в XI – начале XII в. на территории с. Глебовское поселения, синхронного раннему Суздалью.

Выводы

Археологические работы 2019 г. показали, что становление всех четырех исторических сел, выбранных для подробного археологического изучения, относится к домонгольскому времени. На территории трех из них (Гнездилово, Вышеславское, Туртино) зафиксированы культурные отложения и следы застройки второй поло-

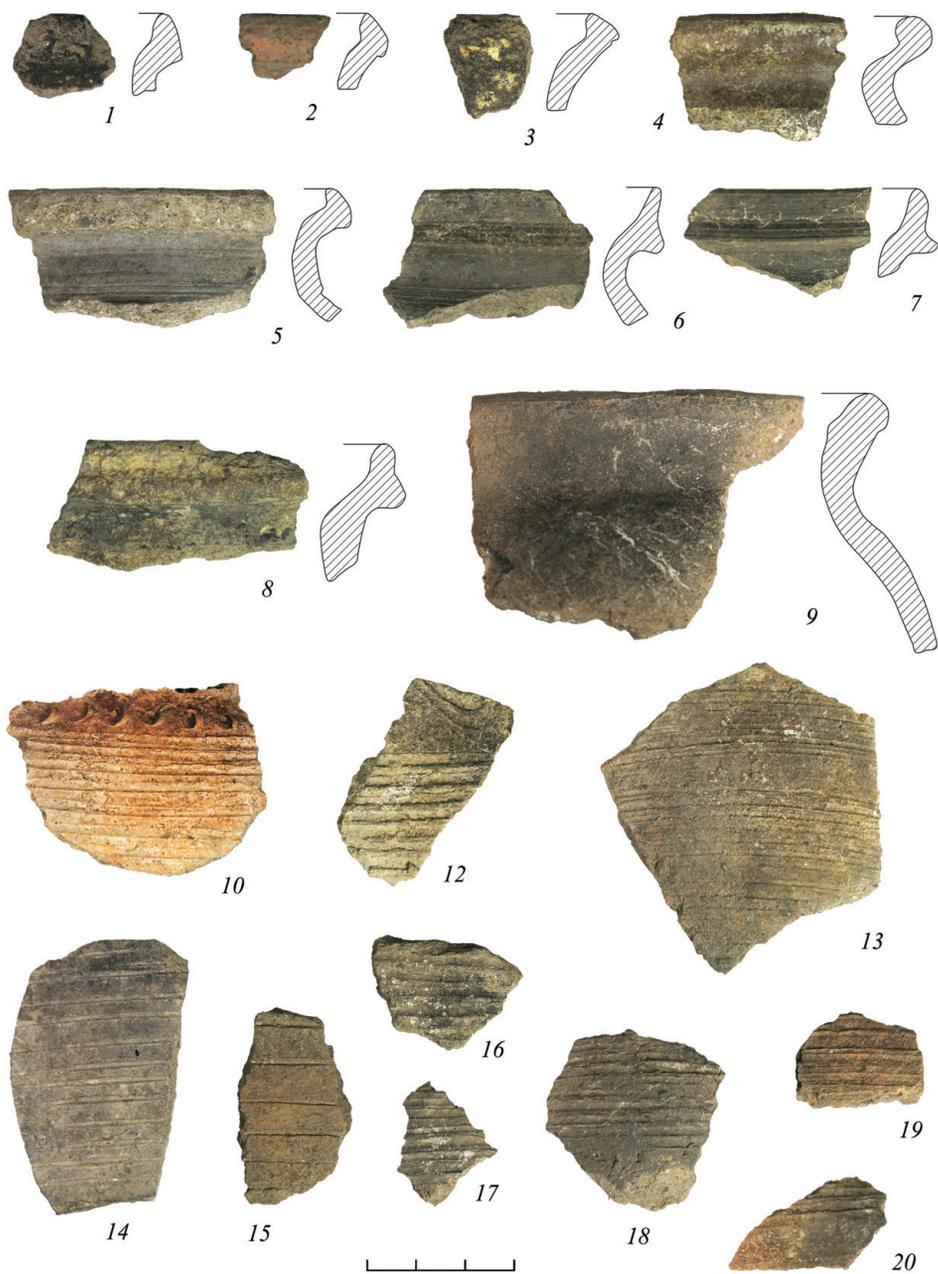

Рис. 18. Селище Глебовское 1. Раннекруговая керамика, шурф 5

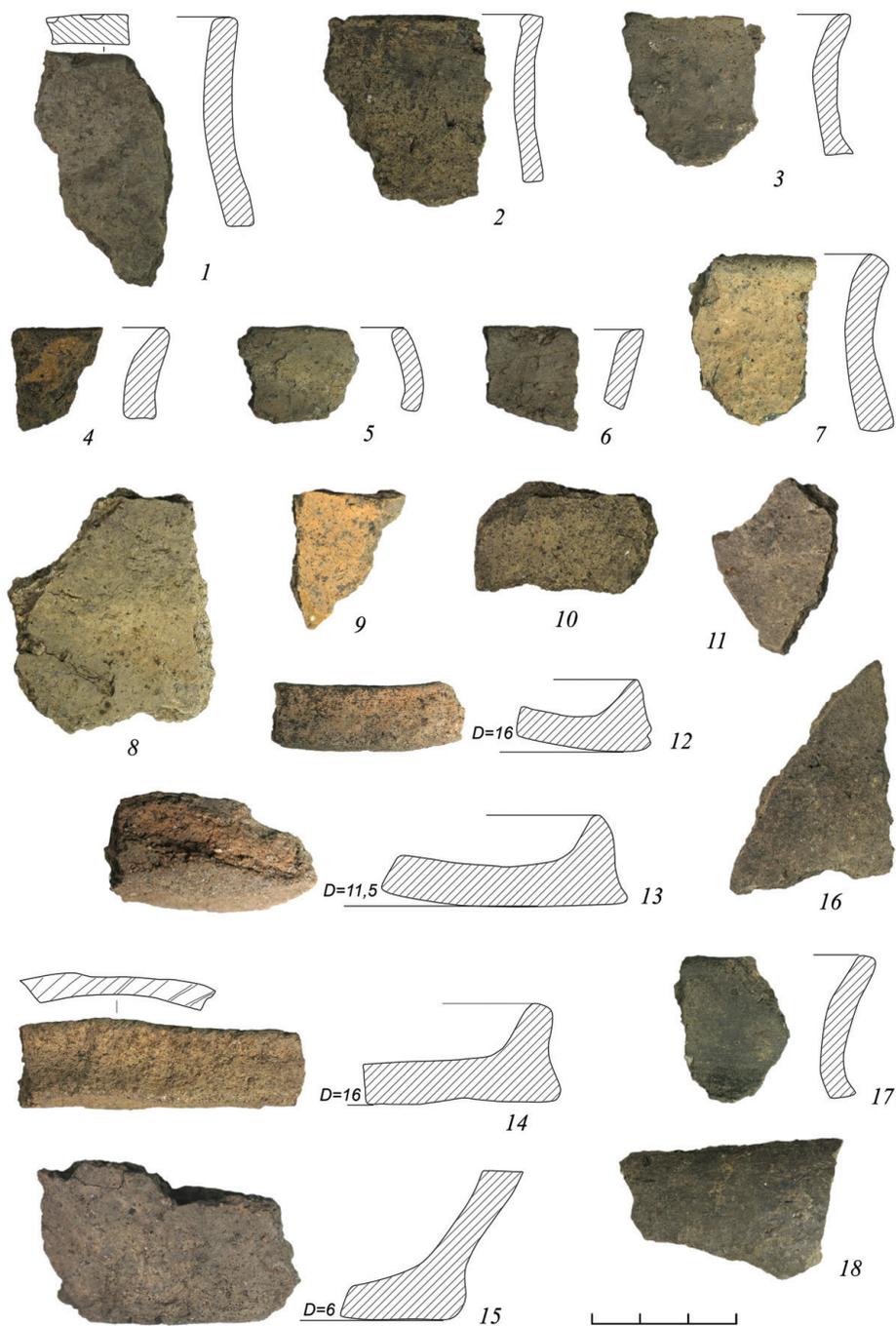

Рис. 19. Селище Глебовское 1. Лепная керамика, шурф 5

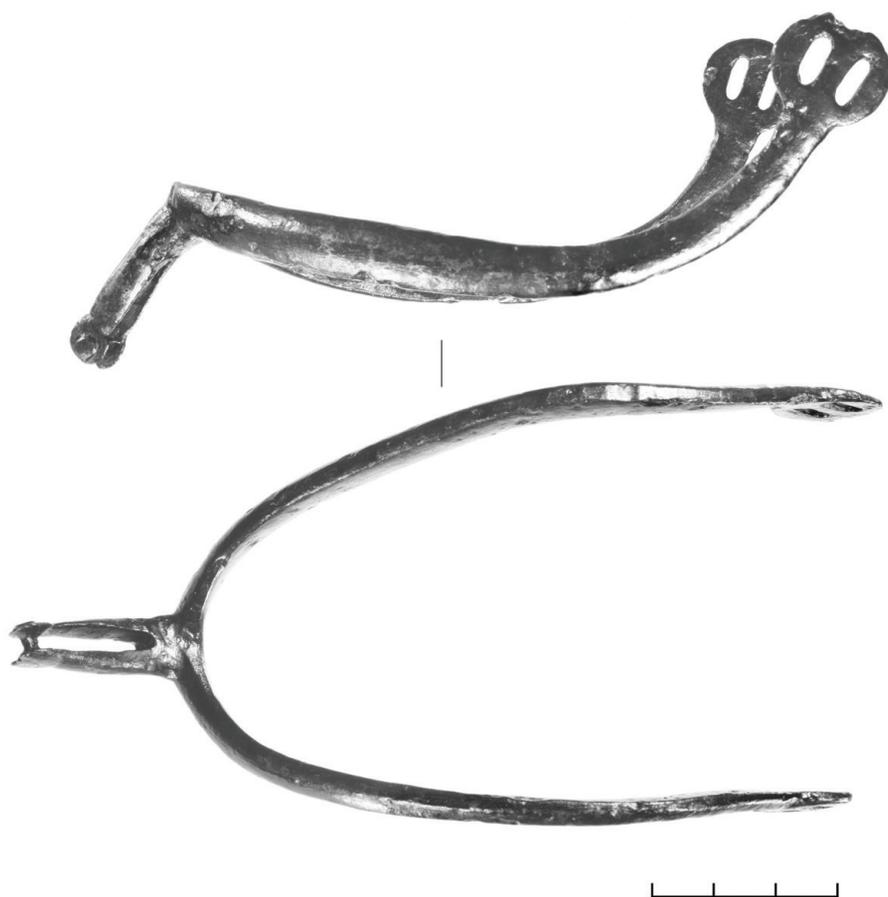

Рис. 20. Селище Гнездилово 1. Шпора

вины XII – первой половины XIII в., а в четвертом (Глебовское) – и более раннего времени (конец X(?) – XI в). Средневековые поселения и современные села связаны прямой исторической преемственностью: в шурфах, заложенных вблизи современных усадеб, присутствует керамика всех исторических периодов, документирующая продолжение жизни в течение по меньшей мере восьми с половиной столетий. Все четыре села изначально формировались как большие поселения, площадь которых во второй половине XII – XIII в. составляла от 5 до 15 га. Средневековые поселения в Гнездилово и Вышеславском были приурочены к верховьям оврагов, очевидно, находившиеся здесь родники служили источником водоснабжения, древняя застройка располагалась по обе стороны оврагов. На поселениях выявлены остатки больших четырехугольных котлованов-подполий жилых построек, хорошо знакомых археологам по раскопкам в средневековых городах, в том числе в Суздале и Владимире. Все четыре поселения пережили монгольское нашествие:

в шурфах выявлены керамика и находки второй половины XIII – XV в., залегающие примерно на тех же участках, что и более ранние. Часть находок относится к XVI в. – ко времени первых упоминаний поселений в документах. Основываясь на археологических материалах, можно полагать, что пространственная организация сел претерпела существенные изменения в XVIII в.: территория их расширилась, сформировалась новая планировка с расположением усадеб вдоль широких улиц. Участки, занятые усадьбами в предшествующее время, частично оказались за пределами застройки на открытых пространствах в центре села, что и обеспечило хорошую сохранность средневекового культурного слоя.

Среди находок из шурфов, помимо обычных предметов, характеризующих хозяйственную деятельность и повседневную жизнь сельских поселений (ножи, оселки, пряслица, кресты-тельники, стеклянные браслеты, металлические украшения женского костюма), встречено несколько неожиданных артефактов, в том числе целая шпора из Гнездилова (рис. 20). Этот предмет, связанный с воинской средой, относится к концу XIII–XIV вв. и представляет исключительный интерес: показывает, что среди жителей Гнездилова в этот период были не только крестьяне, но и лица более высокого статуса, занятые военным делом.

Полевые работы 2019 г. с исследованием территории суздальских исторических сел шурфовой, выявление средневекового культурного слоя под современной сельской застройкой существенно укрепляют обоснования сделанных ранее наблюдений о возникновении значительной части современных суздальских сел в Средневековье и о преемственности в их развитии от Средневековья до Новейшего времени. С учетом новых материалов, середина – вторая половина XII в. для центральных районов Северо-Восточной Руси открывается как время становления значительной части сел, составивших основной «каркас» исторической сети расселения. Разумеется, это наблюдение требует основательной проверки путем более широкого охвата археологическими исследованиями исторических сел, предполагающего преодоление стереотипных представлений о бедности и низкой информативности этой категории археологических памятников.

Литература

- Археологическая карта России. Владимирская область. М.: ИА РАН, 1995. 384 с.
- Акты Покровского суздальского девичьего монастыря XVI – начала XVII века / Сост.: А. В. Антонов, А. В. Маштафаров. М.: Фонд «Связь Эпох», 2019. 464 с. (Акты Российского государства. Государственные и корпоративные архивы России XIII–XVII веков; т. III).
- АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. III. М., 1964.
- Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря, 1506–1608 гг. / Сост. С. Н. Кистерев и др. М.: Памятники исторической мысли, 1998. 638 с.
- Березин В.*, 1896. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 3. М. 526 с.
- Борисов А. В.*, 2010. Процессы и условия заполнения котлованов построек (взгляд почвовед) // Археология Подмосковья: материалы научного семинара Вып. 6. М. С. 99–106.
- Готье Ю. В.*, 1937. Замосковский край в XVII веке. Опыт исследования по истории экономического быта Московской Руси. М. 411 с.

- Грибов Н. Н., 2012. Отложения в котлованах построек: характерные структуры, их выделение и интерпретация // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 8. М. С. 155–165.
- Дегтярев А. Я., 1980. Русская деревня в XV–XVII вв. Очерки истории сельского расселения. Л. 176 с.
- Коваль В. Ю., 2007. Проблемы изучения планировки и застройки поселений средневековой Руси // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 3. М. С. 58–70.
- Коваль В. Ю., 2010. Об археологической интерпретации двухэтажных построек средневековой Руси (критические заметки) // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 6. М. С. 84–98.
- Лапшин В. А., 1989. Археологический комплекс у с. Гнездилово под Суздаlem // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 195. С. 66–71.
- Лапшин В. А., 1992. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика. М. С. 90–102.
- Маштафаров А. В., 1999. Суздальский владычный дом в документах XVI – начала XVII века // Русский дипломатарий. Вып. 5. М. С. 75–94.
- Платонов С. Ф., 1910. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. СПб. 624 с.
- Полное собрание русских летописей. Т. 24. Типографская летопись. Петроград, 1921. 271 с.
- Сабурова М. А., 1981. Раскопки курганов во Владимирской области // Археологические открытия 1980 г. М. С. 77.
- Самойлович Н. Г., 2007. Охранные раскопки селища Михали в г. Суздаle // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 1. М. С. 27–32.
- Седова М. В., 1997. Суздаль в X–XV веках. М. 235 с.
- Федорина А. Н., 2008. Керамический комплекс селища Вишенки 3 под Суздаlem // Сельская Русь в IX–XVI веках. М. С. 299–306.
- Федорина А. Н., Красникова А. М., 2012. Средневековое поселение Большое 2 под Суздаlem // Российская археология. № 4. С. 99–110.
- Черненко Д. А., 2000. Села Суздальского уезда по писцовой книге 1628–1630 гг. [Электронный ресурс] // Открытый текст. Электронное периодическое издание. URL: <http://opentextnn.ru/history/histgeography/index.html?id=3118>.
- Черненко Д. А., 2008. Землевладение и хозяйственно-демографические процессы в Центральной России XVII–XVIII вв. (опыт региональной типологии). Вологда. 212 с.
- Чернов С. З., 2005. Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. Т. II. Домен московских князей в городских станах. 1271–1505 годы. М. 651 с.
- Шполянский С. В., 2007. Раскопки на территории с. Кибол в 2005 г.: Опыт археологического изучения исторических сел суздальской округи // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 1. М. С. 18–26.
- Шполянский С. В., 2008. Конструкции подполий средневековых построек в Суздаle и его округе (опыт систематизации) // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 2. М. С. 56–66.
- Шполянский С. В., 2011. Раскопки средневекового поселения Кидекша под Суздаlem // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 3. М. С. 34–48.
- Lewis C., 2014. The Power of pits: Archaeology, outreach and research in living landscapes // Living in the Landscape / Eds.: K. Boyle, R. Rabett, C. Hunt. Cambridge. P. 321–338. (McDonald Institute for Archaeological Research Monograph).

Lewis C., 2019. New evidence for the transformative impact of depopulation on currently inhabited medieval rural settlements from archaeological test-pit excavation in England // Settlement change across Medieval Europe. Old paradigms and new vistas / Ed. N. Bradley, C. Theune. Leiden. P. 147–160. (Ruralia; XII).

Архивные материалы

РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 1354. Оп. 55. Ч. 1. № Г-1с. Карта Генерального межевания села Глебовского ведомства Коллегии экономии межевания землемера А. Порецкого. 17

Сведения об авторах

Макаров Николай Андреевич, Институт археологии РАН, e-mail: MakarovNA@iaran.ru;
Федорина Анастасия Николаевна, Институт археологии РАН, e-mail: nasfed@yandex.ru;
Шполянский Сергей Владимирович, Государственный исторический музей,
e-mail: shpol@yandex.ru

N. A. Makarov, A. N. Fedorina, S. V. Shpolyanskiy

THE ARCHEOLOGICAL STUDY OF HISTORICAL VILLAGES IN THE VICINITY OF SUZDAL

Summary. The paper introduces preliminary results of the field investigation at historical villages in Suzdal' Opolie region. The term "historical village" is usually referred to the presently inhabited rural settlements with long lasting timeline that could be more or less traced from narrative sources. This category of sites is not specially determined in Russian archaeology and its name is not used as a fixed term. Nevertheless, archaeological research at historical villages is of great importance as it can shed light at the sites, which constituted the most steady elements of the rural settlement network in historical perspective. One of our aims was to fix the time when the settlement system marked by the existing villages in Syzdal' Opolie emerged and to trace continuation and changes in settlement development and layout.

It must be admitted that in the local circumstances the research of the inhabited medieval rural settlements faces challenges. It means that specific approaches to the field works and research programs are required.

The article represents the potential of "historical villages" studies on the example of the 4 sites in the vicinity of Suzdal. Three of them (Gnezdilovo, Vysheslavskoe, Turtino) preserved cultural layers and households' remains dated 2nd half of the 12th – 1st half of the 13th centuries. The fourth one, Glebovskoe, produced even earlier remains, from the end of the 10th – the 11th centuries.

Archeological investigations in Suzdal' Opolie indicate close connections between the medieval villages and modern settlements: test pits placed nearby the modern households produce ceramics of all chronological periods through the last eight centuries. All the villages in question have had their own life rhythm and dynamics. However, the most important feature that they have in common is the fact that all of them were established as large settlement complexes.

Keywords: Medieval settlement structure, Historical Villages, North-Eastern Rus, prospections and excavations.

А. Е. Леонтьев, А. Л. Александровский,
Вал. В. Бейлекчи, Е. В. Палатникова

ИССЛЕДОВАНИЯ ГОРОДИЩА ВЫЖЕГША В 2019 г.¹

Резюме. Раскопки городища Выжегша позволили впервые обнаружить отложения предшествовавшего поселения раннего железного века. Выяснено, что первое поселение на береговом мысе возникло в середине I тыс. до н. э. Второй этап истории, возможно после некоторого перерыва, связан с периодом III в. до н. э. – III в. н. э. Время существования раннесредневекового поселения по серии радиоуглеродных дат и археологическим данным определяется периодом конца VI – IX в.

Изучение раннесредневекового культурного слоя позволило получить свидетельства существования литейных и кузнечных мастерских, открыть ритуальную(?) площадку, от которой сохранились врытая в землю небольшая грубо оббитая каменная стела и круглый в плане очаг. Находки фрагментов дирхемов, деталей поясных наборов, обломка кругового салтовского или раннеболгарского кувшина подтверждают статус и устойчивые внешние связи поселения.

Лазерная азросъемка на площади 1 кв. км впервые позволила получить изображение городища и окружающей местности без растительного покрова.

Ключевые слова: ранний железный век, раннее Средневековье, стратиграфия, хронология, радиоуглеродные даты, находки.

В продолжение работ 2016–2017 гг. в рамках исследовательских проектов (Леонтьев, 2018. С. 26–38) и после 33-летнего перерыва были проведены раскопки на городище. Первый раскоп площадью 50 кв. м был заложен на возвышенной части мыса поблизости от сопковидного вала центральной площадки (рис. 1: 2). Несколько севернее находился раскоп 1986 г., но уточнить его точное расположение в настоящее время невозможно из-за изуродовавших поверхность многочисленных грабительских перекопов.

Произанный корнями нестратифицированный культурный слой на участке раскопа представлял собой однородный темный суглинок толщиной 0,2–0,4 м с

¹ Работы велись в рамках проекта РФФИ № 19-09-00416 «Исследования городища Выжегша. Новые данные по археологии и истории Северо-Восточной Руси накануне образования древнерусского государства».

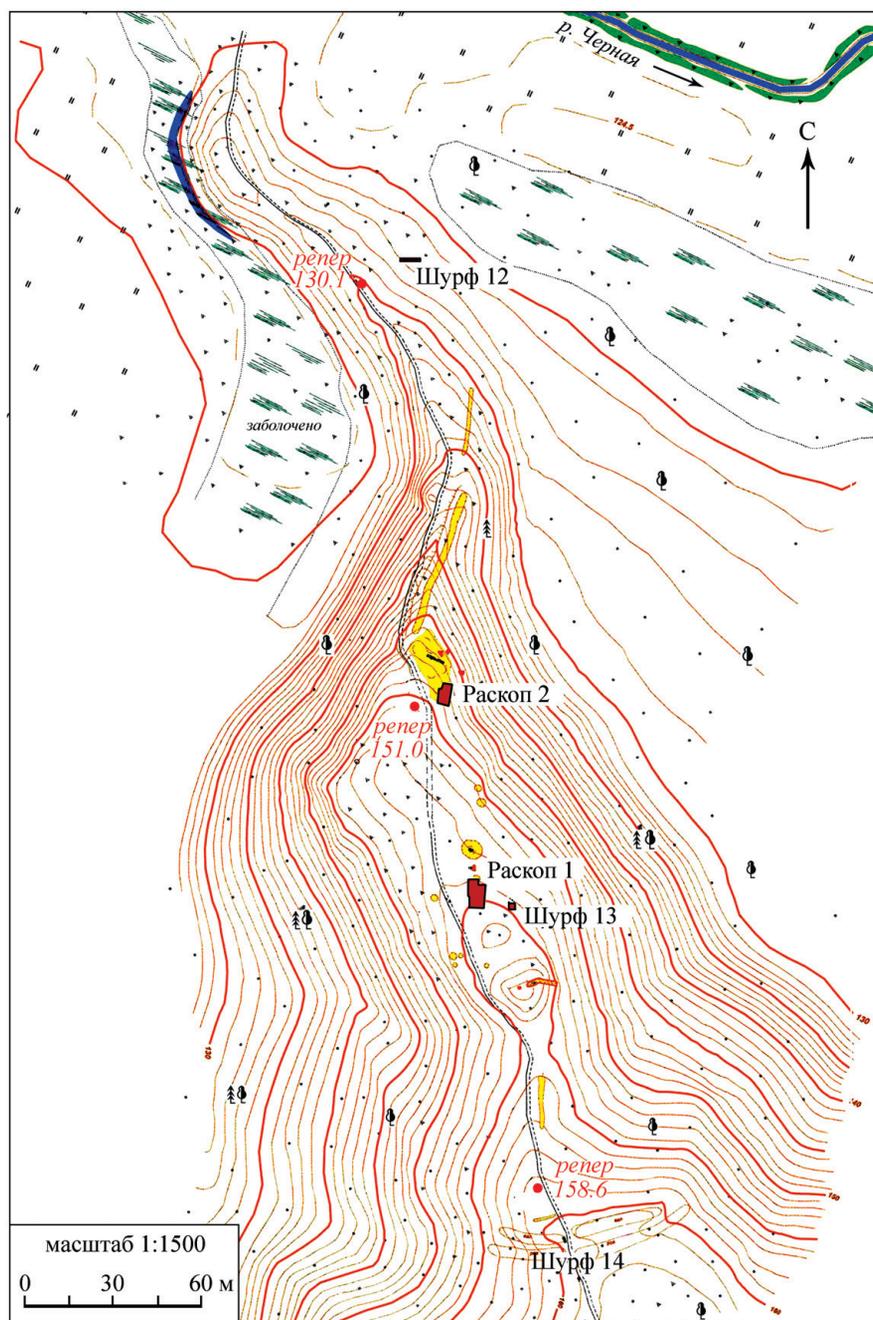

Рис. 1. План городища Выжегша. Отмечены раскопы и шурфы 2019 г.

Табл. 1. ¹⁴C даты из раскопов 1 и 2, шурфов 12–14*

№	Образец	Материал	Лабораторный номер	Дата, ВР	Калиброванный возраст, ВС/AD	Хронологический интервал (века) (по калиб. 1 σ)
1	Р. 2, кв. А-4, гл. 100 см	уголь	Ki-19723	1790 ± 280	1σ 86 BC-559 AD 2σ 406 BC-859 AD	I до н. э. – VI н. э.
2	Р. 2, пл. 9, кв. А-4, гл. 117 см,	уголь	Ki-19745	2410 ± 40	1σ 700–404 BC 2σ 750–396 BC	VII–V до н. э.
3	Р. 2, пл. 11, кв. А-2, гл. 190 см	уголь	Ki-19734	2080 ± 80	1σ 200 BC-3 AD 2σ 358 BC-71 AD	II–I до н. э.
4	Р. 2, пл. 11, кв. А-2, гл. 203 см	уголь	Ki-19740	2060 ± 90	1σ 193 BC-47 AD 2σ 359 BC-124 AD	II до н. э. – I н. э.
5	Р. 2, пл. 13, кв. Б-3, гл. 223 см	уголь	Ki-19739	2050 ± 80	1σ 170 BC-46 AD 2σ 354 BC-125 AD	II до н. э. – I н. э.
6	Р. 2, кв. А-4, гл. 175 см	уголь	Ki-19737	2280 ± 60	1σ 401–211 BC 2σ 505–176 BC	IV–III до н. э.
7	Р. 2, пл. 15, кв. А-4, гл. 178 см	уголь	Ki-19746	1980 ± 90	1σ 92 BC-127 AD 2σ 203 BC-240 AD	I до н. э.– перв. пол. II н. э.
8	Р. 2, пл. 16, кв. А-4, гл. 200 см	уголь	Ki-19742	2240 ± 80	1σ 391–204 BC 2σ 485–50 BC	IV–III до н. э.
9	Р. 2, кв. А-3, гл. 222 см. Слой над с-ж супесью	уголь	Ki-19749	1630 ± 50	1σ 360–533 AD 2σ 260–548 AD	сер. IV – сер. VI н. э.
10	Р. 2, пл. 13, кв. А-3, гл. 210 см. Углистая прослойка	уголь	Ki-19738	1380 ± 100	1σ 546–771 AD 2σ 434–882 AD	сер. VI – сер. VIII н. э.
11	Р. 1, яма 1, гл. 40 см	гумус почвенный	Ki-19833	1150 ± 60	1σ 782–970 AD 2σ 716–1015 AD	кон. VIII – сер. X н. э.
12	Р. 1, яма 3	гумус почвенный	Ki-19829	270 ± 60	1σ 1513–1950 AD 2σ 1458–1951 AD	омоложен
13	Р. 1, яма 14, кв. А-1 гл. 80	уголь	Ki-19828	1160 ± 70	1σ 779–967 AD 2σ 691–1013 AD	кон. VIII – сер. X н. э.
14	Р. 1, яма 14 кв. А-1, гл. 95 см	уголь	Ki-19743	1230 ± 80	1σ 691–880 AD 2σ 658–971 AD	VIII–IX н. э.
15	Р. 1, яма 14, гл. 1,05 см	уголь	Ki-19735)	150 ± 100	омоложен	омоложен

Исследования городища Выжегша в 2019 г.

16	Шурф 12, «Пруд» Вост. стенка. Гл. 30–40 см	гумус почвенный	Ki-19830	810 ± 70	1σ 1164–1274 AD 2σ 1040–1291 AD	вт. пол. XII – XIII н. э.
17	Там же, гл. 50–60 см	гумус почвенный	Ki-19832	6950 ± 120	1σ 5977–5730 BC 2σ 6046–5633 BC	перв. четверть VI тыс до н. э.
18	Там же, гл. 90–100 см	гумус почвенный	Ki-19837	9750 ± 160	1σ 9374–8836 BC 2σ 9759–8657 BC	посл. треть X – нач. IX тыс. до н. э.
19	Шурф 13, гл. 46 см, уровень материка	органика	Ki-19741	1290 ± 60	1σ 663–775 AD 2σ 649–878 AD	вт. пол. VII – вт. пол. VIII н. э.
20	Шурф 14, гл. 45–50 см	гумус почвенный	Ki-19835	1410 ± 60	1σ 585–666 AD 2σ 536–769 AD	кон. VI – перв. пол. VII н. э.

* Анализы Киевской радиоуглеродной лаборатории НАН Украины.

естественным нарастанием мощности по склонам к северо-востоку. Калиброванные ¹⁴C даты определяют хронологию слоя в пределах конца VIII – первой половины X в. (табл. 1, № 11, 13).

У восточной границы раскопа сохранился небольшой, стратиграфически плохо выделяемый предматериковый горизонт культурного слоя поселения раннего железного века, содержащий обломки сетчатой керамики и керамики с ногтевыми отпечатками, характерной для последних столетий до н. э. и первых н. э.²

Учитывая опыт прежних раскопок, была надежда открыть заглубленные в материк сооружения и получить сохранившиеся «закрытые комплексы». Однако из сооружений были зафиксированы только материковые ямы, преимущественно столбовые, не являвшиеся остатками какой-либо определенной конструкции (рис. 2). Лишь у северной стенки на месте заметного грабительского разрытия находилась крупная искусственная материковая выемка, частично вошедшая в площадь раскопа. Характерные локальные ямы с подбоем на пологом склоне позволяют интерпретировать объект как глинище – выработку для добычи глины. Время его функционирования по калиброванной ¹⁴C дате пробы из придонной части заполнения определяется периодом VIII–IX вв. (табл. 1, № 14), хотя в заполнение выемки попали предметы времени предшествующего поселка (двухшипные наконечники стрел, фрагменты гривен). Глинище было перекрыто слоем переотложенного материкового грунта, поверх которого отложился раннесредневековый культурный слой.

Второй раскоп площадью 24 кв. м был заложен в северо-восточной пониженной в рельефе оконечности центральной площадки, в 4–6 м южнее раскопа 1985 г³. на месте крупного и глубокого грабительского разрытия (рис. 1: 2). Именно в этой

² Авторы благодарны О. А. Лопатиной за консультацию.

³ Точнее указать взаиморасположение раскопов невозможно из-за сильного повреждения поверхности разновременными грабительскими ямами.

Рис. 2. Раскоп 1 на уровне материка. Вид с юга

сти городища в 1983 и 1984 гг. неподалеку были обнаружены клады куфических монет и стандартных слитков оловянисто-свинцового сплава середины IX в. (Леонтьев, 1996. С. 205–207). Целью работ было исследование поврежденного участка при ожидаемой незначительной мощности культурного слоя. Но оказалось, что средневековые отложения в этом месте перекрывали глубокую выемку времени поселка раннего железного века, а общая толщина культурного слоя доходила до 1,7 м.

В результате раскопок на локальном участке шириной 4 м впервые удалось

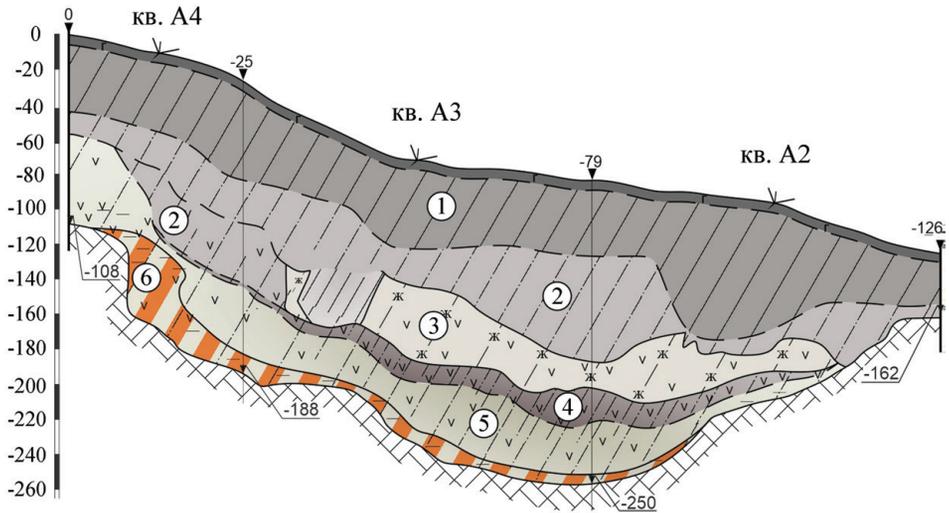

Рис. 3. Профиль западной стенки раскопа 2 в кв. А1-А3. 1, 2 – раннесредневековый культурный слой, 3 – прослойка переотложенной материковой супеси, 4–6 – культурный слой поселения раннего железного века

выявить полную свиту напластований, характеризующих всю историю освоения мыса. Средневековый культурный слой представлен двумя стратиграфически выделяемыми слоями. Под верхним, общим для всего городища, темно-серой супесью/суглинком сохранился слой серо-коричневой супеси (рис. 3: 1, 2). Затем следует пласт переотложенной светлой материковой супеси, перекрывающий темно-серую и серую супеси – заполнение искусственной материковой выемки (траншеи) времени поселения раннего железного века (рис. 3: 4, 5). В основании культурного слоя находилась переотложенная материковая глина с включениями отдельный угле, сохранившаяся на южном склоне и, частично, дне траншеи (рис. 3: 6).

Полученные данные ^{14}C анализа коррелируют с результатами датирования этапов сооружения сопковидного вала (Леонтьев, 2018. С. 30–34) и подтверждают существование двух периодов в истории поселка раннего железного века. Наиболее ранний образец угля из переотложенной материковой глины имел возраст 2410 ± 60 с калиброванной датой (2σ) 750–396 BC (табл. 1, № 2). Следующий стратиграфически определяемый горизонт характеризуется серией дат, относящихся к периоду III в. до н. э. – III в. н. э. (табл. 1, № 3–5, 7). Для нижней части раннесредневекового культурного слоя получена дата 570 ± 100 г. н. э. при возможном интервале (2σ) 434–882 г. (табл. 1, № 10).

С этим горизонтом связаны два объекта, расположенные на пологом склоне на расстоянии 1,6 м между собой. Первый из них, выше по склону – поставленный вертикально грубо оббитый призматический по форме камень (стела) размерами по основанию $0,52 \times 0,2$ м и высотой до 0,38 м. Боковые стороны грубо оббиты, с крупными сколами на поверхности. Скошенное неустойчивое основание было заглублено в землю, в отложения раннего железного века. Второй объект – круглое

в плане, поперечником 0,9 м, кострище, засыпанное поверху песком с камнями, находилось ниже по склону поверх перекрывавшего траншею раннего железного века пласта светлой супеси (рис. 4). Выше по уровню кострище было перекрыто линзой коричневатого тлена с разбросанными поблизости камнями, что свидетельствует о неоднократном использовании этого места.

Камень находился в ряду близко расположенных, схожих между собой по размерам ям, поперечником около 0,6 м, огибающих по склону кострище. Ближняя с западной стороны яма глубиной 0,5 м по назначению явно столбовая. Другие три, врезанные и заглубленные в склон на 0,1–0,2 м, с уплощенным дном могли предназначаться под основание каких-либо предметов на поверхности; иное их функциональное назначение объяснить сложно. Отсутствие следов какой-либо производственной деятельности не дает возможности определить функциональное назначение стелы и очага и позволяет предполагать возможно сакральное назначение этой небольшой площадки.

Слой, с которым связаны стела и кострище, единообразен, отличается присутствием древесного тлена и редкими для городища в целом включениями костей животных. С ним связана значительная, в сравнении с другими уровнями культурного слоя, серия находок. Среди найденных предметов – две бронзовые сьюлгамы разного сечения без «усов», датируемые не позднее VII в. (*Краснов*, 1980. С. 50, 105–108. Рис. 64; *Вихляев и др.*, 2008. С. 43, 49. Рис. 73: 1; 76: 1), железная накладка-петля поясного набора, трехлопастной наконечник стрелы, льячка и пластинчатое кресало. Помимо обычных бытовых предметов, находился глиняный идольчик: сохранившаяся по пояс антропоморфная безликая фигурка с распростертыми руками, наклепленной гривной или ожерельем на груди и валиком поверх головы, наподобие известного у средневековой муромы головного жгута (рис. 5: 5–7).

Помимо раскопов, на территории городища были заложены три шурфа.

Шурф 12⁴ размерами 6 × 1 м был разбит на нижней площадке городища на склоне заметной на поверхности, похожей на пруд выемки (рис. 1). Раскопки показали, что эта западина имеет естественное происхождение. Зафиксирована обшая для всего шурфа стратиграфия почвенных отложений, толщина которых составляет 0,3–0,4 м. Выделяется маркируемая многочисленными обломками обожженных камней и единственным фрагментом лепной керамики древняя предматериковая поверхность, подтверждающая ранее полученные данные (*Леонтьев и др.*, 2017. С. 55) об использовании нижнего участка мыса во время существования средневекового поселения. При этом проба темно-серой супеси, взятая в восточной стенке с глуб. 0,3–0,4 м, показала возраст более молодой: 810 ± 70 лет (1σ 1164 – 1274 AD).

Углубление шурфа в нижней части позволило получить разрез голоценовых отложений с несколькими горизонтами погребенных почв.

Шурф 13 размерами 2 × 2 м находился на центральной площадке в 9 м восточнее ЮВ угла раскопа 1 на пологом участке поверхности (рис. 1). Раскопки показали, что на исследованном участке сохранился однородный, насыщенный керамикой культурный слой мощностью от 0,25 до 0,55 м, в верхней части переработанный современной почвой. Проба угля, взятого из предматериковой части слоя, показала возраст 1290 ± 60 лет (2σ 649–878 AD). В верхней части слоя была найдена

⁴ Общая нумерация шурфов с 2016 г.

Рис. 4. Раскоп 2 на уровне 11 пласта. Ортофотоплан

Рис. 5. Находки из культурного слоя городища. 1 – дирхем (Аббасиды, ал-Махди, Мадина́т ас-Салам, 162(?) г. х. (778/779 г.), 2 – пронизка головного венчика, 3 – пирамидальная подвеска, 4 – бутылчатая подвеска, 5, 7 – сюльгамы, 6 – идольчик, 8–10 – поясные накладки, 11, 12 – швейные иглы, 13, 14 – «шашки», 15–17 – наконечники стрел, 18, 19 – обломки роговых дисков, 8 – фрагмент круговой керамики. 1, 2 – серебро, 3–5, 7–11 – цветной металл, 6, 13, 14, 20 – глина, 15–17 – железо

пирамидальная привеска с шипами (рис. 5: 3).

Шурф 14 размерами 3 × 1 м находился на месте траншеи 1985 г., прорезавшей край западной части первого вала на въезде (рис. 1), и был заложен для получения образцов погребенной почвы под насыпью для получения образцов на ¹⁴C, палинологический и почвенный анализы. Радиоуглеродный анализ образца показал возраст 1410 ± 60 лет (2σ 536–769 AD).

Большой и разнообразной оказалась полученная коллекция находок, насчитывающая с учетом подъемного материала 183 предмета. Для раскопа 1 показательна большая серия встреченных мелких слитков-выплесков цветного металла, застывшего металла из литников литейных форм, а также находки двух льячек и обломков тиглей. Планиграфия находок позволяет предполагать существование литейной мастерской на участке к востоку от раскопа.

Впервые после находки клада 1983 г. и раскопок на его месте в 1984 г. найдены арабские дирхемы: две половинки⁵ (раскоп 1) и одна четверть монеты⁶ (раскоп 2). Обнаружены элементы характерного для средневекового финского населения Поволжья женского костюма: серебряная пронизка головного венчика или накосника, две бронзовые сюльгамы, пирамидальная и бутылчатая (колоколовидная) подвески. Детали поясного набора представлены второй найденной на городище поясной накладкой «геральдического стиля» VII в. и более поздними изделиями второй половины VIII – IX в. – двумя характерными салтовскими поясными бляшками. Из предметов вооружения найдены трехлопастные, ромбовидные и ланцетовидные наконечники стрел (рис. 5: 2–10, 15–17).

Редкой категорией вещей являются металлические швейные иглы. Они известны на памятниках древнерусского времени, но на синхронных городищу поселениях лесной зоны являются большой редкостью⁷. Всего на двух раскопах были фрагменты четырех железных и одной иглы из медного сплава (рис. 5: 11–12).

Предметами, не имеющими очевидных аналогий и характеризующими материальную культуру жителей городища, являются фрагменты двух роговых (?) полированных дисков с центральным отверстием и два низких глиняных цилиндра, похожих на игральные шашки, функциональное назначение которых неясно (рис. 5: 13, 14, 18, 19).

Среди лепной городищенской керамики неожиданно оказался фрагмент кругового салтовского (или раннеболгарского) кувшина второй половины VIII – IX в.

⁵ Здесь и далее определения А. А. Гомзина: 1 – Аббасиды, ал-Махди, Мадина́т ас-Салам, 162(?) г. х. (778/779 г.); 2 – Аббасиды, Харун ар-Рашид, 175 г. х. (791/792 г.).

⁶ Аббасиды, ал-Мансур, ал-Мухаммадийа, 145–149 г. х. (762–767 гг.)

⁷ Нам известна одна находка здесь же на городище Выжегша крупной железной иглы с ушком длиной 9 см. (см.: *Леонтьев*, 1996. С. 204. Рис. 87: 16).

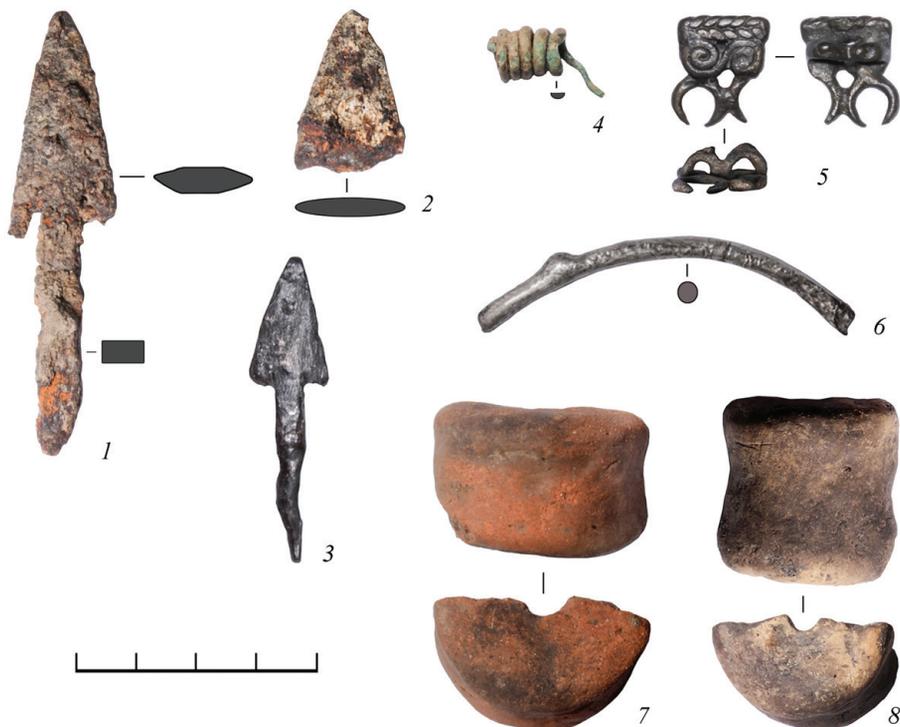

Рис. 6. Находки периода поселения раннего железного века. 1–3 – наконечники стрел, 4 – спиральная пронизка, 5 – корпус шумящей подвески, 6 – фрагмент гривны, 7, 8 – грузики. 1–3 – железо, 4–6 – цветной металл, 7, 8 – глина

(рис. 5: 20). Определяющими являются следующие признаки: мелкие примеси в тесте, наличие ангоба, темно-серый цвет поверхности со следами лощения, линейный орнамент (Хлебникова, 1984. С. 30, 31. Рис. 3: 1). В бассейне Верхней Волги это единственная находка такого рода; ареал гончарной продукции хазарского времени не выходил так далеко за пределы лесостепи.

К периоду предшествующего поселению раннего железного века относятся найденные как в соответствующем горизонте культурного слоя в раскопе 2, так и попавшие в раннесредневековые отложения двушипные наконечники стрел, корпус шумящей подвески, спиральная пронизка и фрагмент гривны, а также два глиняных, напоминающих катушку грузика (рис. 6).

Результаты раскопок 2019 г. позволили уточнить выводы предшествующих исследований и дополнить историко-археологическую характеристику памятника. Выяснено, что первое поселение на береговом мысе возникло в середине I тыс. до н. э. Второй этап истории, возможно после некоторого перерыва, связан с периодом III в. до н. э. – III в. н. э. Время существования раннесредневекового поселения по серии радиоуглеродных дат и археологическим данным определяется периодом второй половины VI – IX в.

Материальная культура жителей городища характеризуется элементами, свой-

ственными средневековому финноязычному населению Поволжья (меря, мурома, черемиса, мордва). Керамика находит аналогии в материалах мерянских селищ бассейнов озер Неро и Плещеево, селищ Суздальско-Юрьевского ополя. находки элементов «геральдической» поясной гарнитуры, более поздних салтовских поясных накладок и привозной керамики указывают на вероятные связи с более южными областями, со Средним Поволжьем, сложившиеся до возникновения древнерусского государства и славянской колонизации Волго-Окского междуречья.

Одним из результатов исследований явилась серия из 20 полученных радиоуглеродных дат. Из них 13 – по углю, одна по органике, шесть – по гумусу почв.

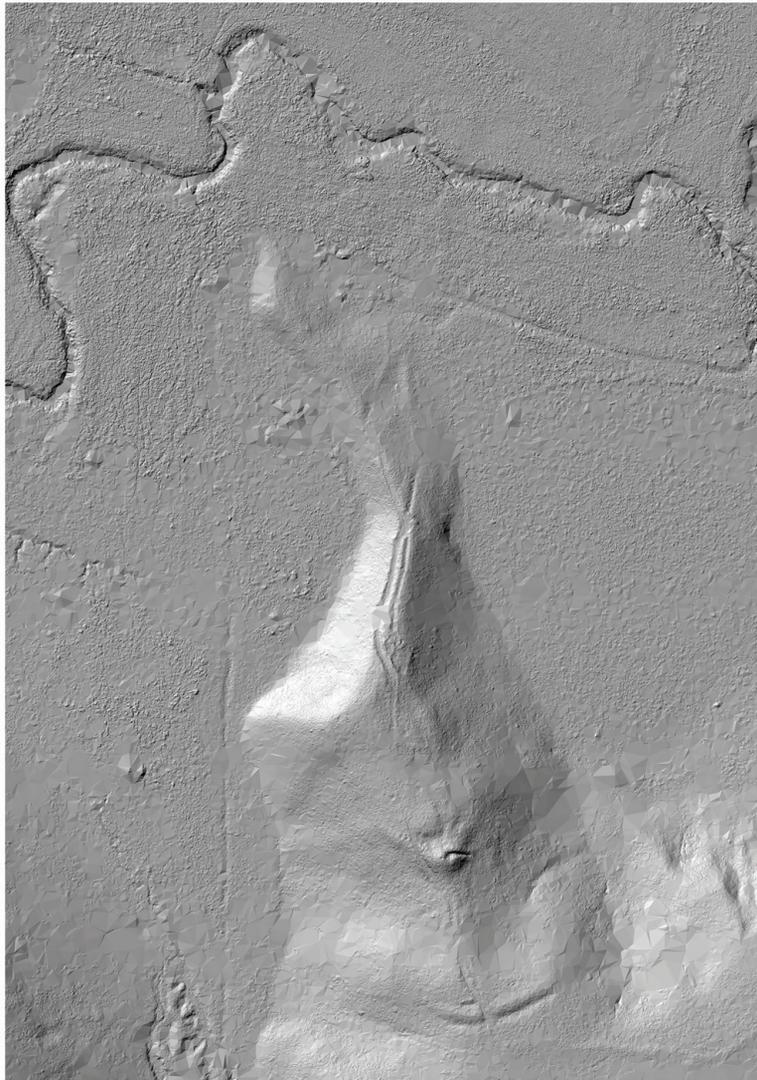

Рис. 7. Свето-тенева модель мыса городища, созданная на основе лазерной аэро-съемки

(табл. 1).

Точность анализа (величина *deviation*) в основном высокая, что обеспечивает достаточно узкие интервалы калиброванного возраста. Только в первом образце Ki-19723 эта величина составляет ± 280 , в результате чего интервал калиброванного возраста увеличивается до 700 лет. Вторая дата в списке, наоборот, имеет небольшую величину ошибки измерения ± 40 лет, но величина калиброванного возраста и здесь достаточно велика – 300 лет. Это обусловлено тем, что дата попала на участок калибровочной кривой, характеризующийся большими колебаниями. Две даты (№ 12, 15) явно омоложены и не могут быть использованы. Еще две наиболее ранние в серии даты из шурфа 12 (№ 17, 18) характеризуют хронологию погребенных почв.

В поисках синхронных городищу археологических объектов была продолжена разведка в окрестностях памятника. Маршрут охватил правобережье р. Колокши от дер. Осиповец до устья р. Черной (Выжегши) и побережье р. Черной выше по течению от городища. Ожидаемый результат не был получен, но были обнаружены три памятника древнерусского времени.

В 0,8 км юго-западнее дер. Осиповец находится курганная группа, известная со времени раскопок А. С. Уварова в 1852 г. Осмотр и снятый ортофотоплан позволил уточнить опубликованные о ней сведения (АКР. Владимирская обл., 1995. С. 294, 295. № 691). Выяснилось, что могильник по размерам больше, чем ранее считалось, и насчитывает не менее 60 насыпей. Большинство из них раскопано, но сохранились несколько нетронутых курганов. Следов свежих разрушений нет.

В 300 м южнее за ручьем, ближе к с. Семьинское, на краю надпойменной террасы обнаружено связанное с курганами древнерусское селище, которое по материалам шурфов датируется XII–XIV вв. Еще одно селище того же времени находилось на правом залесенном берегу р. Черной в 0,3 км юго-западнее дер. Новая.

Принципиально новые, важные для дальнейшей работы данные были получены благодаря лазерной аэросъемке городища и окружающей территории на площади 1 кв. км. Эта не получившая пока распространения в археологии технология позволяет получать данные о поверхности изучаемого участка, убирая растительный покров – делая видимым невидимое при обычной съемке (рис. 7). В нашем случае в результате съемки созданы ортофотоплан, 3D-модель городища с окрестностью и новый план памятника с сечением горизонталями 0,5 м. Снимки высокого разрешения дали возможность обнаружить на соседних участках берега следы пахоты, два искусственных возвышения курганных размеров, русло давнего, не отмеченного на картах ручья и следы земляных работ у западного подножия городищенского мыса. Эти данные будут проверены в работах 2020 г.

Литература

- Археологическая карта России. Владимирская область / Под ред. Ю.А. Краснова. М.: ИА РАН, 1995. 384 с.
- Вихляев В. И., Беговаткин А. А., Зеленцова О. В., Шитов В. Н., 2008. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части Среднего Поволжья. Саранск. 352 с.

- Краснов Ю. А.*, 1980. Безводнинский могильник. М.: Наука. 223 с.
- Леонтьев А. Е.*, 1996. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М.: Геоэко. 337 с.
- Леонтьев А. Е.*, 2018. Новые данные о городище Выжегша (результаты работ 2017 г.) // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 8 / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 26–38.
- Леонтьев А. Е., Александровский А. Л., Бейлекчи Вал. В., Кашкин А. В.*, 2017. Исследования городища Выжегша в 2016 г. // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 7 / Отв. ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН. С. 51–63.
- Хлебникова Т. В.*, 1984. Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука. 240 с.

Сведения об авторах

- Леонтьев Андрей Евгеньевич*, Институт археологии РАН, e-mail: Leont3@mail.ru;
Александровский Александр Леонтьевич, Институт географии РАН,
e-mail: Alexandrovskiy@mail.ru;
Бейлекчи Валентин Владимирович, ООО НИАБ «Артефакт»,
e-mail: benny1987@yandex.ru;
Палатникова Елена Владимировна, Институт археологии РАН,
e-mail: palatnikovaelena@mail.ru

A. E. Leontiev, A. L. Aleksandrovskiy, Val. V. Beilekchi, E. V. Palatnikova

RESEARCH OF VYZSHEGSHA HILLFORT, 2019

Summary. Excavation of fortified settlement allowed for the first time discovering depositions of an early iron age settlement that existed on the same place. It was established that the first settlement on the cape of coast had emerged in the middle of the first millenium B. C. The second stage started (possibly, after some lapse) in the period that lasted from the third century to third century A D. The time of early medieval settlement existence, according to data of a series of radiocarbon analysis and archeological data, is determined as the end of the sixth century to ninth century A. D.

Study of early medieval occupation layer allowed obtaining witness of casting and blacksmith shops, discovering a ritual ground (?)(a small coarsely stricken-off stone stelle and a round table are found at the ground). Finds of dirhems' fragments, details of belt decorations, and a chip of a jug of Saltovo type or the early Bulgar jag produced on a potter's wheel confirm the settlement's status and its stable exterior ties.

Aerial laser shooting of a territory of one square km allowed getting the image of the settlement and surrounding environment with no plant formation for the first time.

Keywords: early iron age, early Middle Ages, stratigraphy, chronology, radiocarbon dating, archaeological finds.

В. Л. Щербаков

ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННЫХ ТРАДИЦИЙ В КУЗНЕЧНОМ РЕМЕСЛЕ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КОСТРОМСКОГО ПОВОЛЖЬЯ В XII–XIII вв.¹

Резюме. Статья основана на результатах металлографического анализа кузнечных изделий из курганных могильников Костромского Поволжья XII–XIII вв. Производственные традиции сельского населения региона сформировались на базе традиций предшествующего периода и инноваций, привнесенных древнерусскими колонистами из Ростово-Суздальской земли. К числу инноваций относится широкое использование кузнечной сварки при изготовлении рубящих и режущих орудий для улучшения характеристик изделий.

Ключевые слова: археология, металлография, кузнечное ремесло, Средневековье.

Костромское Поволжье представляет собой территорию, наиболее близкую географически к центральным районам Северо-Восточной Руси. Юго-западная часть Костромского Поволжья фактически находится в пределах междуречья Волги и Клязьмы. В конце XIX – начале XX в. развернулись масштабные археологические исследования древнерусских курганов на территории региона: «К 1900 г. было раскопано не менее 1584 курганов, входивших в состав 196 курганных групп» (Рябинин, 1986. С. 15).

Изучение кузнечных изделий из Костромских курганов выявило некоторые отличия от материалов сопредельных регионов в технологическом отношении.

При помощи метода металлографии исследовано 73 предмета из раскопок курганных могильников XII–XIII вв., представляющих собой сельские некрополи небольших и средних размеров. Памятники приурочены к левым притокам Волги рекам Сендеге, Покше, Малой Покше, Стежере и правому притоку Волги – реке Кубани (рис. 1). Единственное исключение – могильник Аксениха, расположен-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФ, грант 19-18-00144.

Источники формирования производственных традиций в кузнечном ремесле сельского населения Костромского Поволжья в XII–XIII вв.

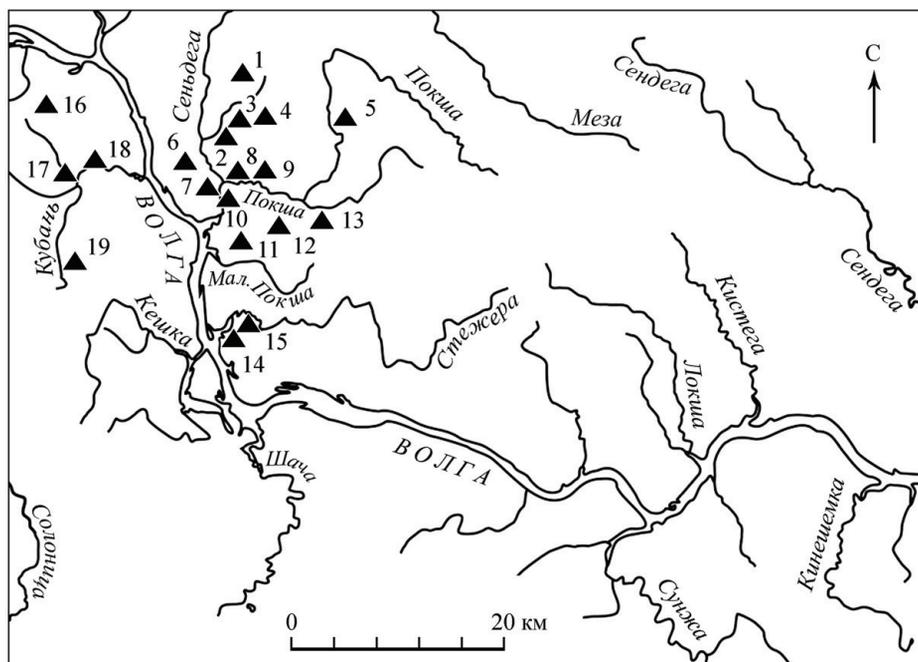

Рис. 1. Задействованные в исследовании курганные могильники Костромского Поволжья XII–XIII вв.: 1 – Татариново; 2 – Васильевское; 3 – Терешино; 4 – Гридино; 5 – Погорелово; 6 – Куликово; 7 – Тимонино; 8 – Нелидово; 9 – Турыгино; 10 – Исаево; 11 – Дренево; 12 – Мыльниково; 13 – Залогово; 14 – Кузьмино; 15 – Погост; 16 – Чижево; 17 – Пьянково; 18 – Покров; 19 – Сулятино.

ный на восточной окраине ареала распространения Костромских курганов. В число отобранных для анализа образцов входят депортированные топоры, которые однозначно связаны с курганными могильниками Костромского Поволжья XII–XIII вв., но не могут быть соотнесены с конкретным памятником.

В общей сложности в выборке присутствует 61 качественный предмет². Среди качественных изделий, наиболее информативных с точки зрения изучения производственных технологий, соотношение цельнометаллических и сварных предметов (технологических групп I и II соответственно) составляет 30/31. Среди сварных изделий 17 экз. – с наваренной рабочей частью, 7 экз. – трехслойные (рис. 2).

Для ответа на вопрос о происхождении производственных традиций местного населения, выраженных в использовании тех или иных методов и приемов изготовления качественных орудий, необходимо обратиться к истории заселения рассматриваемой территории в древнерусский период.

² Здесь и далее под качественными изделиями понимаются рубящие, режущие орудия и иные предметы, функциональное назначение которых предъявляет повышенные требования к их эксплуатационным характеристикам.

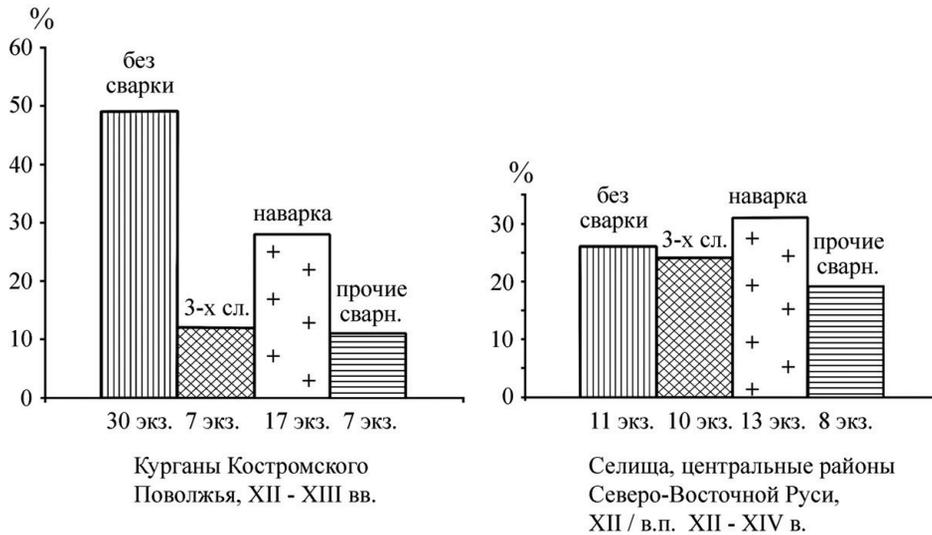

Рис. 2. Распределение качественных изделий из коллекций курганов и селищ по технологии изготовления.

Древнерусская колонизация Костромского Поволжья осуществляется с конца XI – XII в. сначала переселенцами из Новгородской земли, затем из «низовских» земель (Рябинин, 1986. С. 97–102). Появление Костромы и Галича во второй половине XII в. знаменует, по мнению Е. А. Рябинина, закрепление Костромского Поволжья за Ростово-Суздальской землей (Рябинин, 1986. С. 107, 108). Как отметили авторы коллективной монографии «Археология Костромского края», «активное участие в сложении сельского населения Костромского края выходцев из «низовских» земель не вызывает сомнений» (Археология Костромского края, 1997. С. 169). Учитывая, что колонизация из «низовских» земель носила двойственный характер: не только феодальный (княжеский), но и, во многом, стихийный крестьянский (Горюнова, 1961. С. 205; Рябинин, 1986. С. 99), можно предположить существенное влияние на разные аспекты жизни и быта населения Костромского Поволжья культуры сельского населения центральных районов Северо-Восточной Руси. В пользу этого могут отчасти свидетельствовать данные о лексике Костромского Поволжья: при наличии новгородского языкового влияния здесь преобладает лексика, которая, по заключению Г. Г. Мельниченко, сложилась на основе владимирско-поволжских говоров (Рябинин, 1986. С. 100, 101).

Собственно археологические свидетельства достаточно выразительны: на путях продвижения населения из Ростово-Суздальской земли в Костромское Поволжье известны могильники, имеющие черты погребальной обрядности и инвентаря, сближающие их с памятниками обоих регионов (Рябинин, 1986. С. 102, 103).

Уместно сопоставление технологических характеристик качественных кузнечных изделий из коллекций курганов Костромского Поволжья с синхронными материалами сельских поселений центральных районов Северо-Восточной Руси (Кидекша 1, Весь 5, Большое Давыдовское 2, Вишенки 3, Шекшово 2 в

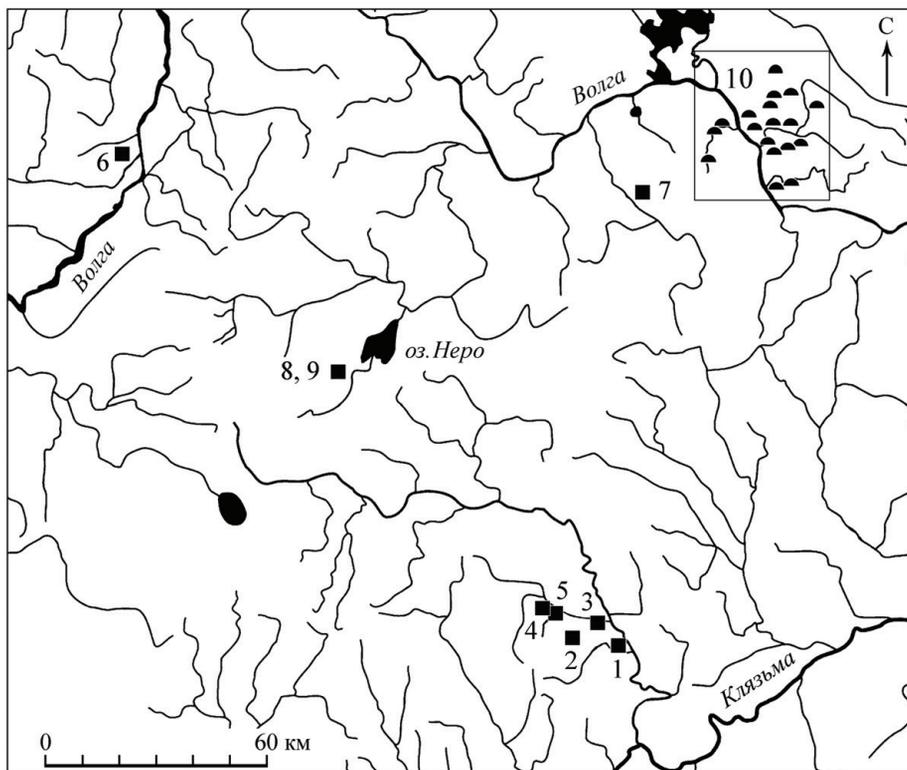

Рис. 3. Задействованные в исследовании селища центральных районов Северо-Восточной Руси с материалами XII – второй половины XII – XIV в. (№ 1–9) и курганы Костромского Поволжья (№ 10): 1 – Кидекша 1; 2 – Вишенки 3; 3 – Весь 5; 4 – Шекшово 2; 5 – Большое Давыдовское 2; 6 – Яковлевское 3; 7 – Тетеринское; 8 – Филимоново 1; 9 – Филимоново 2.

Суздальском Ополе; Филимоново 1, 2 в округе Ростовского озера; Яковлевское 3 в Угличском Поволжье; Тетеринское на границе Костромского и Ярославского Поволжья) (рис. 3), поскольку сельская металлообработка Костромского Поволжья, по крайней мере, отчасти должна была базироваться на тех же технологических традициях (Каретников, Щербаков, 2014. С. 13–17; Праздников, Щербаков, 2016. С. 190–195; Щербаков, 2014. С. 32–39). Полевые исследования перечисленных селищ производились на протяжении последних 20 лет (Макаров, 2008. С. 3–22; 2012. С. 194–211; Городилин и др., 2014. С. 51–58; Праздников, Пакин, 2014. С. 59–66; Федорина, 2014. С. 165–171; Шполянский, 2011. С. 34–48; Щербаков, 2016. С. 240–256).

Отметим ограниченность предлагаемого сравнения. С одной стороны, все рассматриваемые могильники оставлены сельским населением и ни по географическому положению, ни по размерам не могут быть связаны с древнерусскими городскими центрами Костромского Поволжья. Следовательно, инвентарь могильников

характеризует материальную культуру сельского населения. Однако обращают на себя внимание некоторые отличия категориального состава предметов в инвентаре костромских могильников по сравнению с селищами центральных районов Северо-Восточной Руси. В курганах высока доля предметов вооружения (универсального характера) и металлических украшений. Сельскохозяйственный инвентарь (косы и серпы), топоры и другие изделия в костромских могильниках чаще, чем на селищах, представлены целыми экземплярами, что объясняется преднамеренным помещением вещей с погребенным. В коллекциях курганов Костромского Поволжья отсутствуют некоторые категории предметов, встречающиеся на селищах, например, замки и их детали, пахотные орудия (сошники) и другие изделия. Поселенческие материалы Волго-Клязьминского междуречья и прилегающих районов и коллекции погребальных памятников Костромского Поволжья обнаруживают не только отличия, но и сходства категориального состава коллекций: большое количество ножей, представительность кресал разных типов, преимущественно универсальный характер находимых предметов вооружения.

В выборке качественных изделий второй половины XII – XIV в. из коллекций селищ центральных районов Северо-Восточной Руси соотношение цельнометаллических и сварных изделий (технологических групп I и II соответственно) – 11/31. В группе сварных изделий почти равными долями представлены трехслойный пакет и наварка (10 и 13 соответственно) (рис. 2), в материалах Костромского Поволжья наварка встречается в 2,5 раза чаще, чем трехслойный пакет. В обоих регионах трехслойная технология представлена главным образом своим восточно-европейским вариантом, определяющим признаком которого является использование в составе пакета железа обычной твердости и сырцового стали (*Завьялов и др.*, 2012. С. 17, 18).

Распределение технологических схем на примере качественных изделий Костромского Поволжья XII–XIII вв. требует объяснения. На наш взгляд, в данной ситуации большое значение имеет характер металлообработки населения Костромского Поволжья до колонизации. На длинном отрезке Волги ниже Тимерева, включающем Костромское Поволжье, неизвестны клады арабского серебра, маркирующие непосредственную вовлеченность территории в Волжско-Балтийскую торговлю (*Леонтьев, Носов*, 2012. С. 382–401). Мы не склонны отрицать опосредованные торговые связи местного населения, однако есть основания предполагать, что Волжско-Балтийская торговля не оказала такого влияния на производственную сферу Костромского Поволжья, как, например, в случае с летописной мерей, в период активизации международной торговли, ознакомившейся со скандинавскими производственными традициями (*Завьялов и др.*, 2012. С. 193–195), в частности, с изготовлением трехслойных ножей.

В этих условиях в Костромском Поволжье технология трехслойного пакета, видимо, не получила широкого распространения в среде местных кузнецов в доколониционный период. Единственной иллюстрацией данного положения являются материалы IX в. Поповского городища, где из 22 ножей только на 6 зафиксировано трехслойное лезвие (*Завьялов и др.*, 2009. С. 196).

Древнерусская колонизация территории в XII–XIII вв. совпала по времени с широким распространением наварной технологии в кузнечном производстве ис-

ходного региона – центра Северо-Восточной Руси. В то время, когда в сельской металлообработке исходного региона сохранялся технологический импульс, выраженный в изготовлении трехслойных клинков, полученный в предшествующий период, в Костромском Поволжье получили распространение разные варианты наварки. Большая доля цельнометаллических изделий (схемы группы I) связана с металлообработкой предшествующего периода (IX–XI вв.), развивавшейся без технологических инноваций извне. Кроме того, часть технологически простых изделий можно рассматривать как продукцию кузнецов невысокой квалификации или мастеров, не имеющих связи с источниками качественного сырья (стали) в условиях «стихийной» колонизации территории.

Таким образом, выражением связи Костромского Поволжья с сельскими поселениями центральных районов Северо-Восточной Руси в XII–XIII вв. в производственной сфере, давшими основную массу древнерусских колонистов, стало постепенное распространение сложных технологических схем, основанных на кузнечной сварке главным образом разных видов наварки при производстве качественных орудий. Нерешенным остается вопрос, почему в Костромском Поволжье трехслойные изделия менее представительны, чем в синхронных костромским курганам материалах сельских поселений в центре Северо-Восточной Руси? Очевидно, что решение проблемы невозможно без изучения методом металлографии материалов X–XI вв. из Костромского Поволжья.

Литература

- Археология Костромского края / Под ред. А. Е. Леонтьева. Кострома, 1997.
- Городилин С. В., Каретников А. Л., Киселев А. В., 2014. Разведочные работы ГМЗ «Ростовский кремль» в исторической округе Ростова в 2011 и 2012 гг. // Археология: история и перспективы: Шестая межрегиональная конференция: сборник статей / Под ред. А.Е. Леонтьева. Ярославль; Рыбинск: Рыбинский Дом печати. С. 51–58.
- Горюнова Е. И., 1961. Этническая история Волго-окского междуречья. М. 266 с. (Материалы и исследования по археологии СССР, № 94).
- Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н., 2009. История кузнечного ремесла финно-угорских народов Поволжья и Предуралья: К проблеме этнокультурных взаимодействий. М.: Знак. 264 с.
- Завьялов В. И., Розанова Л. С., Терехова Н. Н., 2012. Традиции и инновации в производственной культуре Северной Руси. М.: Анкил. 376 с.
- Каретников А. Л., Щербаков В. Л., 2014. Кузнечные изделия из коллекций средневековых селищ исторической округи Ростова Великого: технологическое исследование // История и культура Ростовской земли (2013). Ростов. С. 13–17.
- Леонтьев А. Е., Носов Е. Н., 2012. Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII–X в. // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / ИА РАН; отв. ред. Н.А. Макаров. Москва; Вологда: Древности Севера. С. 382–401.
- Макаров Н. А., 2008. Средневековое расселение в Суздальском Ополе: новые результаты и перспективы исследований // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 2 / Отв. ред. Н. А. Макаров, сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН. С. 3–22.
- Макаров Н. А., 2012. Суздальское Ополе // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / ИА РАН; отв. ред. Н.А. Макаров. Москва; Вологда: Древности Севера. С. 194–211.

- Праздников В. В., Пакин А. А.*, 2014. Селище 3 у д. Яковлевское Угличского района: результаты первых исследований // Археология: история и перспективы: Шестая межрегиональная конференция: сборник статей / Под ред. А. Е. Леонтьева. Ярославль; Рыбинск: Рыбинский Дом печати. С. 59–66.
- Праздников В. В., Щербаков В. Л.*, 2016. Кузнечные изделия из коллекции селища Яковлевское-3 в Угличском районе Ярославской области // Археология: история и перспективы: Седьмая межрегиональная конференция: сборник статей / Под ред. А. Е. Леонтьева. Ярославль. С. 190–195.
- Рябинин Е. А.*, 1986. Костромское Поволжье в эпоху средневековья. Л.: Наука. 160 с.
- Федорина А. Н.*, 2014. Средневековые памятники у села Весь под Суздаlem // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 236. С. 165–171.
- Шполянский С. В.*, 2011. Раскопки средневекового поселения Кидекша под Суздаlem // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 3 / Отв. ред. Н. А. Макаров, сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН; СПб.: Нестор-История. С. 34–48.
- Щербаков В. Л.*, 2014. О технологии древнерусских кузнечных изделий (по материалам селищ Суздальского Ополя) // Российская археология. № 1. С. 32–39.
- Щербаков В. Л.*, 2016. Археологические исследования селища Тетеринское XIII–XIX вв. в Нерехтском районе Костромской области в 2012–2014 гг. (предварительные итоги) // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 6 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН. С. 240–256.

Сведения об авторе

Щербаков Виталий Леонидович, автономная некоммерческая организация «Центр историко-культурных исследований и проектирования», г. Кострома, e-mail: Scherbakov-V-L@yandex.ru

V. L. Scherbakov

SOURCES OF THE FORMATION OF PRODUCTION TRADITIONS IN THE BLACKSMITHING CRAFT OF THE RURAL POPULATION OF THE KOSTROMA VOLGA REGION IN THE XII–XIII CENTURIES

Summary. The article is based on the results of a metallographic studies of blacksmith products from mounds of the Kostroma Volga region of the XII–XIII centuries. The rural population manufacturing traditions of the Kostroma region were based on the the traditions of the previous period and the innovations introduced by the colonists from the Rostov-Suzdal land. The widespread use of blacksmith welding in the manufacture of chopping and cutting tools to improve their quality is in the list of innovations.

Keywords: archaeology, metallography, blacksmithing craft, the Middle Ages

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ

С. А. Рузанова, Н. А. Баранов

НОВЫЕ ДАННЫЕ О МЕТАЛЛОПРОИЗВОДСТВЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО СУЗДАЛЯ

Резюме. В данной статье рассматривается опыт исследования шлаков и фрагментов горнов, найденных в ходе охранных археологических работ в г. Суздале на территории посада XII–XIII вв. В работе рассмотрены общие особенности подобного исследования, от морфологического до химического и микроструктурного анализа. Использование этих методов в данном случае позволило исследователям сделать вывод об одновременном (или близком во времени) существовании на указанной территории двух металлообрабатывающих производств с разным характером деятельности: мастерской, специализированной на обработке цветных металлов, и кузнечной мастерской. Полученные результаты свидетельствуют об информативности изучения шлаков как дополнительного источника при выявлении характера древних производств, связанных с металлообработкой.

Ключевые слова: Суздаль, Средневековье, посад, производственные отходы, шлаки, горны, естественно-научные методы.

В 2018 г. Волжской экспедицией ИА РАН проводились охранные археологические работы на участке реконструкции стадиона «Спартак» в г. Суздале Владимирской области по адресу: ул. Гастева, 1Б (рис. 1). Согласно представлению об исторической топографии Суздаля, в эпоху Средневековья этот район представлял собой часть посада, расположенного к северу от оборонительных укреплений Окольного города на левом высоком берегу р. Каменка (Варганов, 1946. С. 127). На участке реконструкции стадиона было заложено 20 небольших раскопов суммарной площадью около 180 м², а также были проведены археологические наблюдения на площади около 660 м² (рис. 2). В результате данных работ были вскрыты и изучены объекты и культурные напластования, датированные XII–XIII вв. и XVIII–XIX вв. (Баранов, Милованов, 2018. С. 16–18). На одном из раскопов (раскоп 7) и на участке наблюдения за подрезкой грунта (участок 1), кроме ряда бытовых предметов, украшений, предметов религиозного культа и фрагментов круговой керамики, были найдены материалы, несомненно, связанные с металлопроизводством.

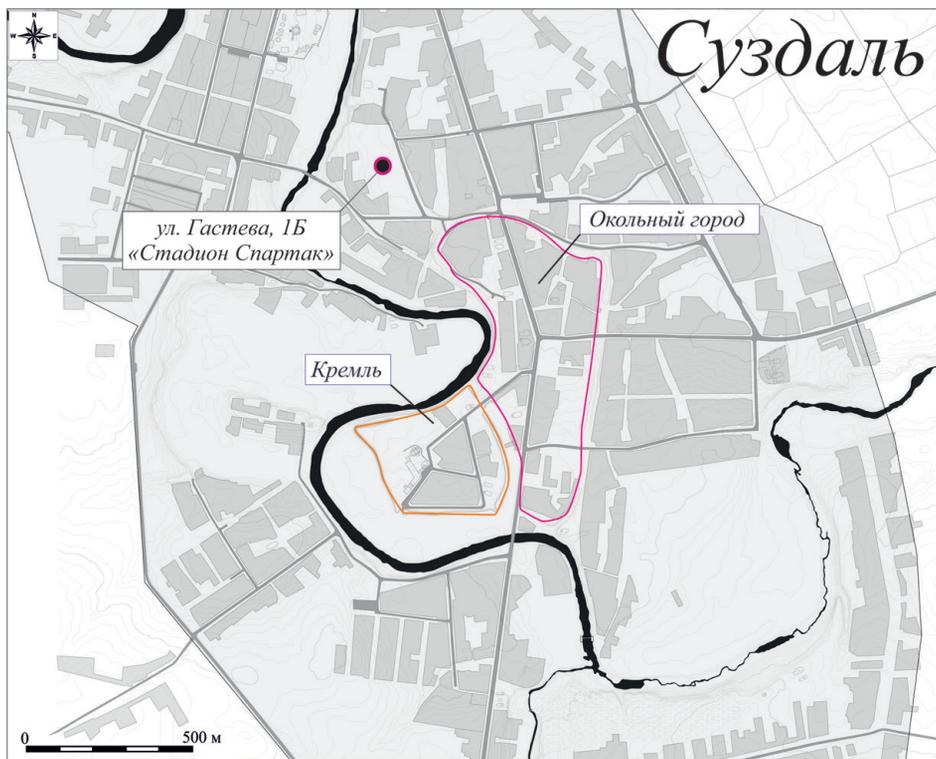

Рис. 1. План г. Суздаля с указанием участка проведенных работ

Представительный комплекс находок производственного характера был получен из объекта в раскопе 7 в северо-восточной части стадиона, в пределах которого была исследована небольшая часть средневековой усадьбы XII–XIII вв. (рис. 2). Большая часть этого комплекса состоит из сырья и отходов металлообработки в виде кусков проволоки, слитков цветного металла, многочисленных обрезанных и свернутых пластин из цветного металла, оплавок металла и бракованных изделий (общий вес около 1 кг) (Баранов, Милованов, 2018. С. 17, 18. Рис. 16, 17). Также было обнаружено большое количество фрагментов ошлакованных частей горнов, фрагменты ошлакованной керамики и несколько шлаков (рис. 3; 4: 1–3). Все перечисленные материалы находились у границы усадьбы в одной из ям (объект 2), которая, судя по всему, использовалась для утилизации отходов производства.

На участке наблюдения за подрезкой грунта (участок 1) в юго-восточной части стадиона в составе культурного слоя было обнаружено небольшое количество шлаков (рис. 4: 4–8). Объекты на этом участке по совокупности материалов датируются XII–XIII вв. (Баранов, Милованов, 2018. С. 17). На обоих исследованных участках отсутствуют следы каких-либо производственных сооружений и конструкций, а также специализированный инструментарий.

Следует отметить, что, как считают исследователи, сами по себе металлургические отходы, горны или их части могут быть надежными индикаторами для выделения производственных зон (Bachmann, 1982. Р. 3; Наумов, 2003. С. 143–153). Учитывая эту точку зрения, можно предположить, что производственные находки на участках реконструкции стадиона свидетельствуют о существовании в этом

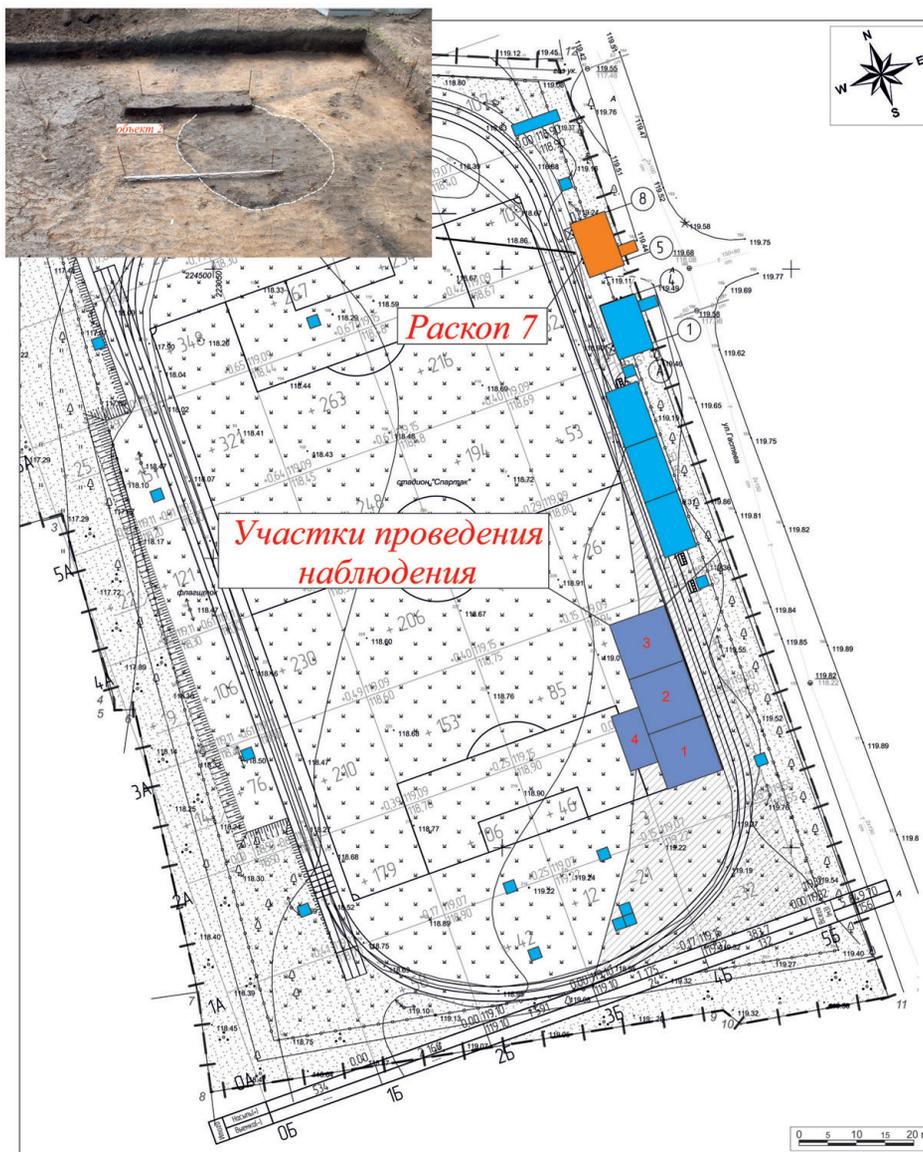
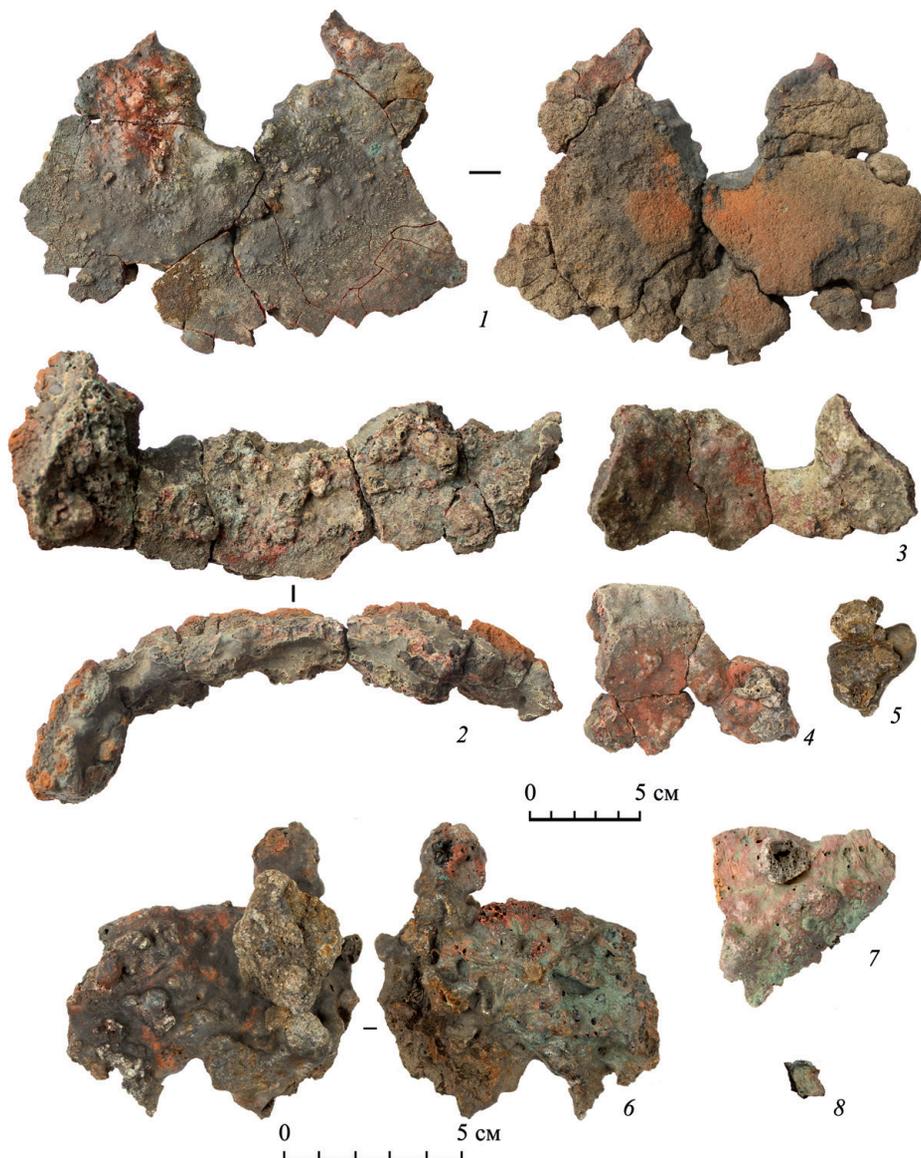

Рис. 2. План стадиона «Спартак» и расположения раскопа 7 и участка наблюдения за подрезкой грунта

районе средневекового посада производства, связанного с обработкой металла. Кроме того, подобные находки обладают определенным информационным потенциалом и могут служить источником по истории древнего ремесла. Их изучение

**Рис. 3. Производственные находки из ямы 2, раскоп 7: 1–5 – фрагменты ошлакованных частей горнов; 6–8 – фрагменты шлакообразного материала (группа III).
5 – образец 14; 6 – образец 13, 7 – образец 20, 8 – образец 43**

Таблица 1. Производственные находки на участках реконструкции стадиона

Образцы	Раскоп 7		Участок 1	
	кол-во	вес (г)	кол-во	вес (г)
Фрагменты ошлакованных частей горнов	217	2265	1	27
Шлаки				
<i>конгломераты</i>	2	442	8	1882
<i>корольки</i>	3	40	1	19
Шлакообразные образцы	9	202	0	0

требует применения естественно-научных методов, которые позволяют получить информацию, прежде всего, о технических аспектах металлургического производства, которые затем, в сочетании с другими археологическими данными, используются для реконструкции развития ремесла. Данная статья посвящена именно изучению возможности применения подобных методов для исследования таких категорий находок, как шлаки и фрагменты производственных горнов. В статье будут рассмотрены такие вопросы, как общая характеристика этих находок, более точная идентификация находок, уточнение типа производства, более детальная информация о производстве.

Практически вся коллекция фрагментов стенок горнов происходит из заполнения мусорной ямы (объект 2, раскоп 7). В яме вместе с сырьем и металлическим ломом было найдено 217 фрагментов стенок горнов, размер которых варьируется от 0,5 см до 10 см, а толщина – от 1 до 3,6 см. Общий вес составляет чуть больше 2 кг (табл.). Все изученные образцы представляют собой небольшие, сильно ошлакованные и деформированные фрагменты. Из небольшого количества фрагментов были собраны несколько частей стенок четырех горнов:

1) часть прямой стенки с круглым отверстием для дутья, общий размер – $18,8 \times 15,4$ см, толщина сохранившейся стенки – 3,3 см (рис. 3: 1);

2) часть круглого в плане горна с квадратным или прямоугольным отверстием, общий размер фрагмента – $13,6 \times 6,4$ см, толщина сохранившейся стенки – 1,6 см. Внутренний диаметр горна составлял около 25–30 см (рис. 3: 3);

3) часть овального или подпрямоугольного в плане горна, общий размер фрагмента – $19,5 \times 7,2$ см, толщина стенки – 3,3 см. Внутренний диаметр горна составлял около 35–40 см (рис. 3: 2).

4) небольшой фрагмент с отогнутым и слабо ошлакованным краем, размер – $8 \times 7,2$ см, толщина стенки – 2,9 см (рис. 3: 4).

Среди материалов отсутствуют нижние части горнов и их оснований, что сильно затрудняет их полную реконструкцию. Но, скорее всего, это были небольшие, 25–40 см в диаметре, открытые горны с отверстием для воздухоудовного аппарата в верхней или средней части стенки. Отсутствие отпечатков кирпичей или

камней и толщина фрагментов (почти 4 см) скорее свидетельствует о том, что стенки горнов сооружались только из глины.

Можно уверенно утверждать, что горны, остатки которых были обнаружены в заполнении объекта 2, использовались при работе с цветными металлами, т. к. на поверхности образцов присутствуют многочисленные мелкие капли металла,

Рис. 4. Шлаки: 1 – образец 10, 2 – образец 11, 3 – образец 9, 4 – образец 1, 5 – образец 4, 6 – образец 5, 7 – образец 8, 8 – образец 12.

1–3 – находки из ямы 2, раскоп 7; 4–8 – находки с участка 1

окрасившие их внутреннюю остеклованную поверхность в красный и светло-зеленый цвет.

На участке наблюдения за подрезкой грунта был найден только один фрагмент стенки горна темно-серого цвета с натеками шлака на поверхности ($3,7 \times 3,2$ см, толщина – 0,7 см) (табл.).

Вторая категория производственных находок – шлаки. По общим морфологическим признакам небольшой массив этих находок можно разделить на несколько групп. Группа I включает крупные плоско-выпуклые конгломераты шлаков плотного сложения (табл.). На поверхности есть припекшиеся фрагменты углей и ошлакованной обмазки. На участке 1 было найдено 7 целых экземпляров и 1 фрагмент (рис. 4: 4–8). Размеры конгломератов варьируются от $6,4 \times 4,2$ см до $13,6 \times 8,9$ см, вес – от 84 г до 640 г. Из заполнения ямы 2 (раскоп 7) происходит 2 экземпляра (рис. 4: 1–2). Размер этих образцов – $6,2 \times 3,8$ см и $10,8 \times 9,8$ см, вес – 92 г и 350 г соответственно. Морфология конгломератов (форма, размер, строение) типична для кузнечных шлаков, образованных в процессе обработки черного металла при производстве и/или ремонте предметов (McDonnell, 1989. P. 1; Serneels, Perret, 2003. P. 471; Pleiner, 2006. P. 112, 113).

В группу II были включены шлаки в виде небольших корольков темно-серого цвета (табл.). Три экземпляра найдены в заполнение ямы 2 (рис. 4: 3). Их размеры варьируются от $2,2 \times 1,8$ см до $4,2 \times 2,3$ см, вес – 9–19 г. Один образец происходит с участка 1 ($4 \times 2,5$ см, вес – 17 г). Шлаки в виде небольших корольков формируются при обработке черного металла в случае, если часть шлаковой массы не успевает спечься в общий конгломерат (McDonnell, 1989. P. 3; Crew, 1996. P. 1; Serneels, Perret, 2003. P. 471; Pleiner, 2006. P. 113, 119).

К группе III были отнесены фрагменты шлакоподобного материала в виде плоских лепешек из стекловидного материала с включениями многочисленных капелек цветного металла (7 экземпляров) (рис. 3: 6–8). На сколе просматривается губчатая структура материала, схожая со структурой ошлакованных фрагментов стенок горнов. Образцы, включенные в эту группу, были найдены только в заполнении ямы 2. Размеры фрагментов – $1 \times 0,8$ см – $7,1 \times 5,4$ см, вес – 1–96 г.

В целом состав производственных находок на обоих участках и их морфологические характеристики позволяют предположить, что в этом районе посада были размещены мастерские, связанные с разными видами ремесла. На участке 1, вероятно, было сосредоточено кузнечное производство. В мастерской, располагавшейся в пределах усадьбы (раскоп 7), занимались производством изделий из цветного металла. Находка шлаков в мусорной яме вместе с отходами цветной металлообработки может свидетельствовать о том, что здесь также обрабатывалось и железо. Но не исключены и другие причины появления этих материалов, т. к. шлаки могли вторично использоваться, например, как строительный материал.

Для того чтобы уточнить генезис разных групп материалов и вид производств, в результате которых они были получены, а также для получения данных об особенностях производства 10 шлаков (группа I и II) 3 фрагмента шлакообразного материала (группа III) и 1 фрагмент горна были изучены с помощью естественно-научных методов. На сегодняшний момент существует определенная методика изучения подобных материалов (Bachmann, 1982. P. 8, 9; Pleiner, 2006. P. 114).

Она включает комплексное использование нескольких видов естественно-научных анализов: общего химического состава, микроструктуры и минералогического состава.

Анализ химического состава предоставляет информацию об основных и сопутствующих элементах в материале образцов. Для этого вида анализа было отобрано 5 конгломератов шлаков (образцы 4, 8, 10–12), 1 королек (образец 9), 1 шлакообразный фрагмент (образец 13) и 1 фрагмент стенки горна из ямы 2 (образец 14)¹. Также был выполнен анализ химического состава материала 7 мелких каплей металла, обнаруженных на поверхности трех образцов группы III.

В элементном составе шлаков преобладают два компонента – оксид железа (Fe_2O_3) и диоксид кремния (SiO_2) (приложение: *табл. 1*). Другие элементы, такие как магний, алюминий, калий, кальций, марганец и фосфор, представлены в незначительном количестве, в среднем 1–2 %, в нескольких случаях 3–5,7 %. В шлаках групп I–II содержание оксида железа варьируется в пределах 39,44–74,87 %, диоксида кремния – в пределах 19,19–47,24 %. Подобные колебания основных компонентов в составе шлакового материала характерны для кузнечных отходов, т. к. их количество зависит от условий операций, прежде всего температурного режима, количества используемого флюса, качества материала и размеров обрабатываемого предмета. Низкое содержание других элементов указывает на то, что в качестве флюса использовался песок, в составе которого основным элементом является диоксид кремния.

Во всех образцах из ямы 2 отмечается высокое содержание микропримесей меди и свинца (приложение: *табл. 1*, образцы 9–11), и это подталкивает к предположению, что формирование этих шлаков происходило в тех же горнах, в которых проводились операции с цветными металлами (*Tylecote*, 1990. Р. 133; *Serneels, Perret*, 2003. Р. 472; *Pleiner*, 2006. Р. 120). Это подтверждает и анализ химического состава каплей металла, который выявил два типа материала – «чистую» медь и сплав меди со свинцом (приложение: *табл. 2*).

В составе шлакообразного материала (группа III) основным элементом является диоксид кремния – 68,21 %, другие элементы представлены в незначительном количестве (приложение: *табл. 1*, образец 13). Необходимо отметить, что в этом образце очень высоко содержание микропримесей меди, свинца, сурьмы, никеля, олова, мышьяка и цинка, что, безусловно, связано с большим количеством включений цветного металла в материал. Элементный состав образца 13 не характерен для шлаков, но концентрация диоксида кремния аналогична содержанию этого элемента в материале стенок горна (приложение: *табл. 1*, образец 14).

Считается, что самым информативным методом исследования шлаков является микроструктурный анализ, с помощью которого получают данные об общем строении материала, а также размере, формах и характере взаимного расположения кристаллических фаз (*Keesmann*, 1989. Р. 17–24; *Pleiner*, 2006. Р. 119, 120). Данный анализ также позволяет обнаружить присутствие нерасплавленных включений. Набор кристаллических фаз уточняется при помощи минералогического

¹ Исследование состава образцов проводилось с помощью безэталонного рентгенофлуоресцентного анализа на вакуумном спектрометре последовательного действия модели Axios Advanced в Лаборатории анализа минерального вещества ИГЕМ РАН.

анализа². Структура материала зависит от химического состава, рабочих температурных режимов, быстроты перехода из жидкого или тестообразного состояния в твердое и процесса охлаждения. Этот анализ позволяет определить характер исходного сырья, рабочие температуры, относительную скорость остывания материала. Для изучения микроструктур материалов из Суздаля были изготовлены аншлифы с 1 фрагмента стенки горна из объекта 2, 7 шлаков с участка 1, 3 шлаков из раскопа 7 и 3 образцов шлакоподобного материала³.

Фрагмент стенки горна (образец 14) представляет собой спеченную структурно-аморфную массу с включениями мелких круглых капель цветного металла (рис. 5: 1).

Похожую микроструктуру можно наблюдать в трех образцах шлакоподобного материала (13, 23, 43). В материале в большом количестве присутствуют включения мелких капель цветного металла и железа (рис. 5: 2–4). Минералогический анализ образцов определил их два основных компонента: кварц и его высокотемпературная модификация кристобаллит (приложение: табл. 3, обр. 21). Общие данные о микроструктуре и химическом составе этой группы образцов указывают на то, что эти находки являются фрагментами сильно ошлакованной обмазки или стенки горна.

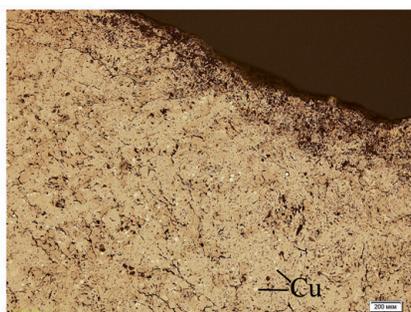
Что касается микроструктурного анализа шлаков, то следует сразу отметить, что одним из основных материалов, из которого формируется кузнечный шлак, является верхний окисленный слой железа (окалина), который появляется на поверхности металла при его нагреве в горне. Часть окисленного железа оседает в шлаке в виде оксидов железа – вюстита ($Fe_{1-x}O$) или магнетита (Fe_3O_4). Другая часть окисленного металла начинает активно вступать в реакцию с флюсом (песок), в результате которой формируются минералы из группы силикатов (*McDonnell*, 1989. P. 4; *Serneels, Perret*, 2003. P. 473; *Pleiner*, 2006. P. 100, 119). После остывания шлаковой массы микроструктура кузнечных шлаков состоит из нескольких основных компонентных фаз⁴: фазы минералов окислов железа, силикатной фазы, как правило, в виде фаялита и фазы стекла, т. е. фазы, в которой представлены полностью расплавленные элементы. Количество и форма, в которой представлены эти фазы, всегда зависят от температуры в горне, материалов и тех операций, которые производит мастер (*McDonnell*, 1989. P. 4).

В кузнечных шлаках хорошо диагностируются два типа микроструктур, которые связаны с разными кузнечными операциями. Первый тип микроструктур состоит из скоплений оксидов железа (вюстита) в виде геометрических дендритных структур и кристаллов фаялита, точка плавления которого 1205 °С (*Литвинова и др.*, 1972. С. 105). Подобный тип микроструктуры формируется при кристаллизации расплава, который затем быстро охлаждался, и характерен для отходов, обра-

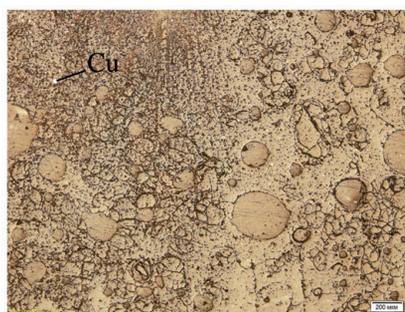
² Для исследования минералогического состава образцов использовался рентгенографический количественный фазовый метод. Анализ проводился на рентгеновском дифрактометре X'Pert PRO MPD во Всероссийском научно-исследовательском институте минерального сырья им. Н. М. Федоровского.

³ Аншлифы были изучены на оптическом металлографическом микроскопе Olympus MX 51 при различных увеличениях в отраженном свете (отдел археологических памятников, Исторический музей).

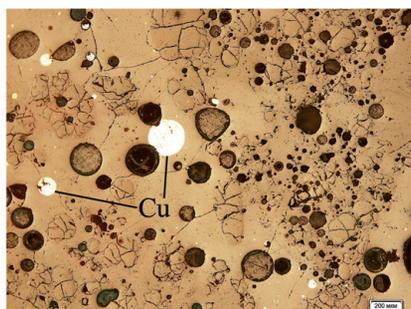
⁴ Фаза – однородная часть сплава, характеризующаяся определенным составом, типом кристаллической решетки и отделенная от других частей поверхностью раздела.

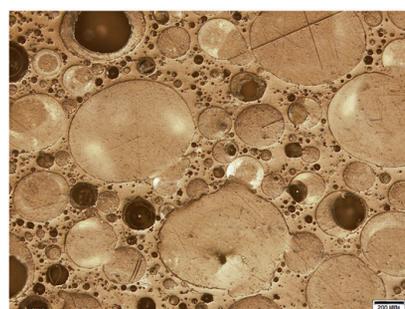
1

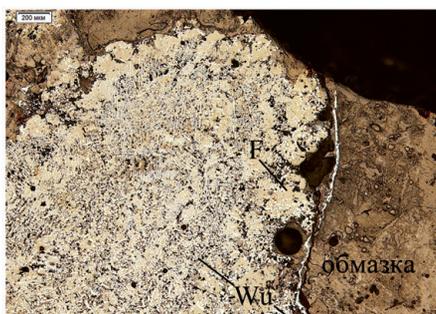
2

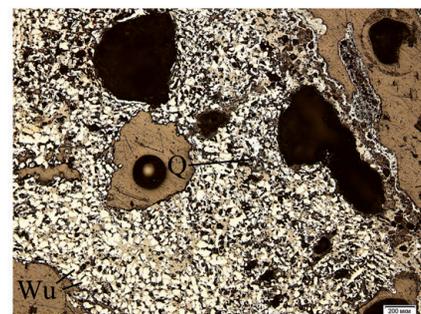
3

4

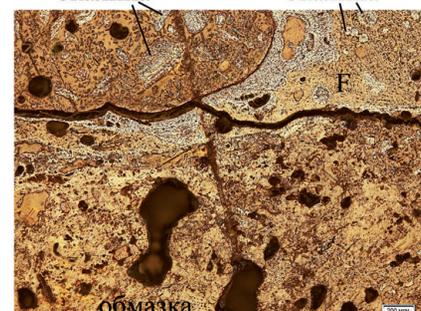
5

6

7

8

сварочные
операции

нагрев
металла

зующихся при кузнечной сварке. При данных работах расплав получается при нагреве металла с флюсом до требуемых высоких температур 1100–1300 °С (Pleiner, 2006. P. 110; Dungworth, Wikes, 2009. P. 34, 35).

Образование второго типа микроструктур, для которого характерна глобулярная форма зерен вюстита, происходит путем твердофазового спекания выпавших в шлак частиц окисленного железа (окалина). Исследователи связывают подобные структуры с такой операцией, как нагрев металла в горне при разных температурах (McDonnell, 1989. P. 4; Dungworth, Wikes, 2009. P. 35).

В крупных конгломератах (образцы 1, 2, 4, 5, 8, 17 – участок 1; образец 10 – яма 2) выявлена сложная структура, в которой сочетаются оба типа микроструктур (рис. 5: 5–8; 6: 1–2). В четырех образцах (1, 2, 5, 10) хорошо прослеживается последовательное «слоистое» расположение этих микроструктур: в нижней части образцов – структуры, характерные для сварки, в верхней – для нагрева металла в горне (рис. 6: 1). На участках структуры со скоплениями глобулярных зерен вюстита кристаллы фаялита, как правило, или отсутствуют, или находятся в начальной стадии формирования. Это говорит о том, что температура, при которой происходил нагрев металла, была ниже или около 1000 °С. Как показали кузнечные экспериментальные работы, подобное последовательное слоистое расположение структур можно обнаружить в отходах, полученных в результате полного цикла работ, от подготовки заготовки с использованием сварочных операций на начальных этапах работ до ее дальнейшей формовки путем горячейковки до готового изделия (Soulignac, Serneels, 2013. P. 122, 123).

В нескольких конгломератах (образцы 4, 8, 17) расположение разных типов микроструктур более хаотичное, что, возможно, указывает на формирование шлака в результате производства нескольких изделий.

Из исследованных материалов три образца являются шлаками (12 – участок 1; 9, 11 – раскоп 7), образованными при кузнечной сварке. Их микроструктура однородна и состоит из геометрических дендритов вюстита и лезвиеподобных кристаллов фаялита (рис. 6: 3, 4).

В шлаках с участка 1 содержание вюстита, выпавшего при нагреве металла, достаточно высокое. Учитывая сведения о зависимости процесса формирования шлаков от качества металла, мы знаем, что больше окисленного металла в шлак попадает при обработке стали, а не кричного железа (Pleiner, 2006. P. 117, 118; Soulignac, Serneels, 2013. P. 122, 123). Только один образец (5) можно связать с обработкой железа, так как его формирование связано с нагревом металла при более высоких температурах, то есть операции, более характерной для работы именно с железом (Гурин, 1987. С. 86; Pleiner, 2006. P. 53).

Рис. 5. Микроструктуры образцов: 1 – фрагмент стенки горна, образец 14; 2–4 – шлакообразный материал, образцы 13, 23, 43; 5 – шлак, образец 4, микроструктура, характерные для сварочных операций; 6 – образец 4, микроструктура, характерные для нагрева металла; 7 – образец 1, граница между двумя типами микроструктур; 8 – образец 5, в верхнем правом углу видны многочисленные фрагменты окалины в виде хлопьев, которая образуется при нагреве металла, в верхнем левом углу – в шлаковой массе присутствует окалина в виде шариков, которая образуется в результате сварочных операций.

Сu – медь, *Wu* – вюстит, *F* – фаялит, *Q* – кварц

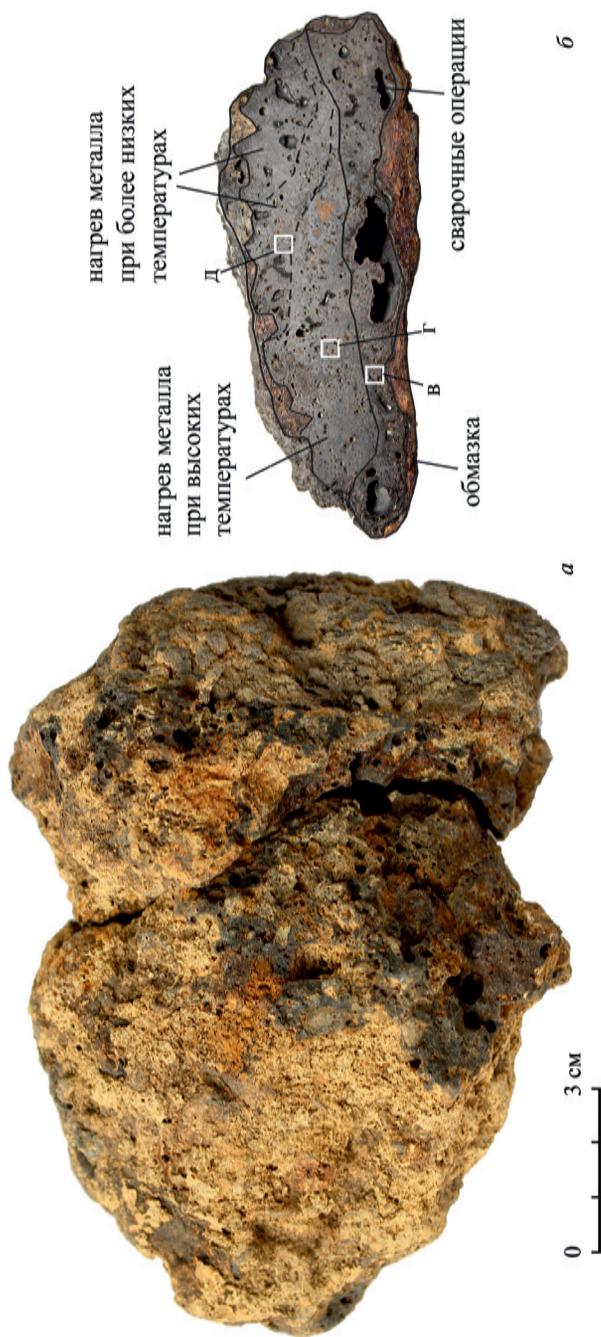

Рис. 6. Микроструктуры образцов. 1 – образец 2: а – шлак, б – шлиф и послойное расположение разных типов микроструктур

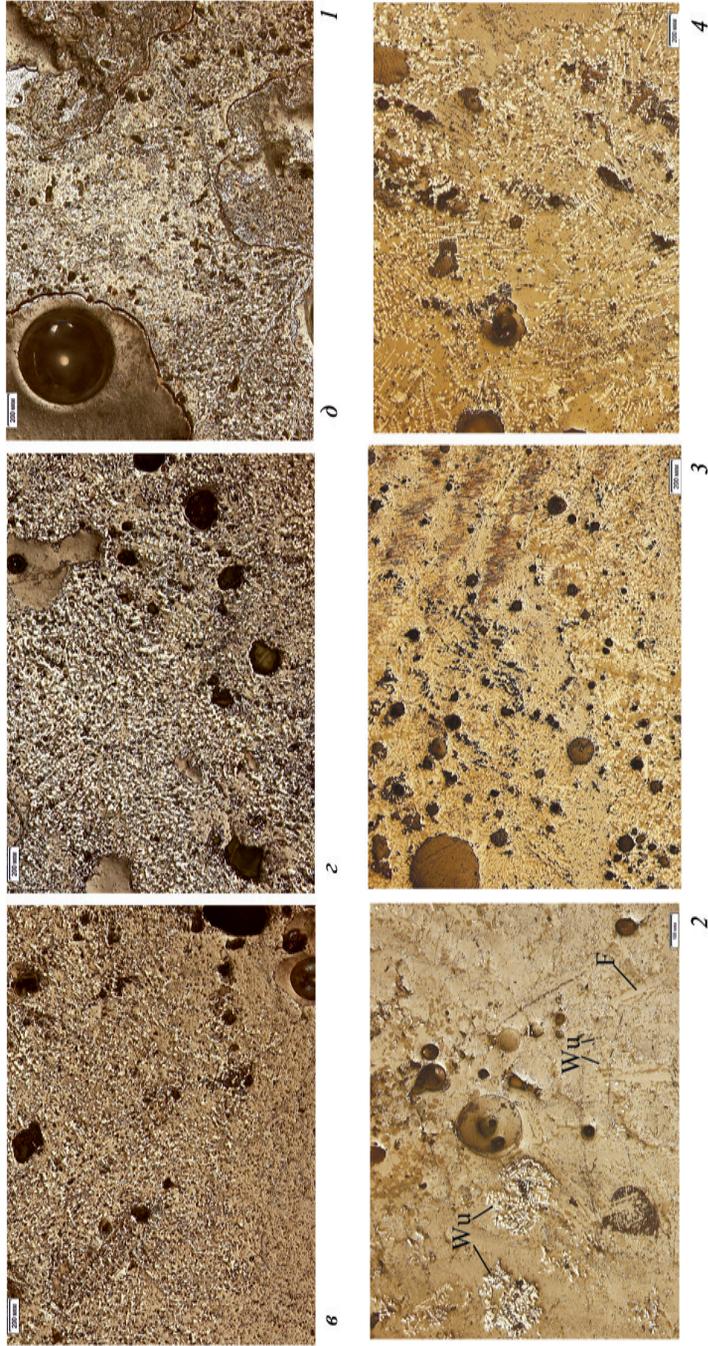

Рис. 6. Микроструктуры образцов. 6 – микроструктура, характерная для сварочных операций, 2-2 – микроструктуры, характерные для нагрева металла; 2 – образец 17, локализованные скопления вюстита, которые образовались в результате вторичного окисления окалины в виде хлопьев; 3 – образец 9, микроструктура, характерная для сварочных операций; 4 – образец 12, микроструктура, характерная для сварочных операций

В заключении описаний микроструктур необходимо отметить отличие микроструктуры конгломерата из ямы 2 (образец 10) от шлаков с участка 1. Микроструктура образца 10 говорит о том, что при работе с черным металлом использовалось больше песка и больше топлива. Безусловно, это может объясняться не разницей в технологии или другой традицией металлообработки, а индивидуальной особенностью работы определенного мастера. Но, так или иначе, это указывает на то, что шлаки из ямы 2 не имеют отношения к кузнице, ставшей источником шлаков в яме 1.

Итак, исследованные материалы показывают, что речь идет о существовании двух разных мастерских с разной специализацией. Масштабы археологических работ не позволяют понять, функционировали ли эти мастерские одновременно, и определить их конкретное местоположение.

Мы можем с уверенностью утверждать, что мастерская на территории усадьбы, которая частично вошла в раскоп 7, специализировалась на производстве изделий из цветного металла – меди, меди, загрязненной свинцом, или сплава меди со свинцом. В этой мастерской также обрабатывался черный металл. Основываясь на результатах исследования шлаков, можно также утверждать, что в этой мастерской не просто производились ремонтные работы или операции над готовыми изделиями, но производился полный цикл работ от подготовки заготовки до готового предмета. К сожалению, на данный момент собранного материала еще слишком мало, чтобы делать решительные выводы, была ли у этой мастерской более широкая специализация, или здесь лишь производили необходимые детали для полиметаллических изделий, либо практиковалось самообслуживание – производство необходимых в мастерской железных инструментов.

Вторая мастерская, определенно, специализировалась на изготовлении кузнечной продукции из разных материалов, и, судя по всему, ее специализация не предполагала работу с цветными металлами.

Таким образом, исследование шлаков на данном объекте позволяет не только выделить два разных по характеру производства, существовавших по соседству, но и приблизительно определить характер их деятельности. При этом следует отметить, что шлаки еще раз демонстрируют свою способность служить достаточно информативным источником даже в тех случаях, когда их количество среди находок оказывается сравнительно небольшим.

Литература

- Баранов Н. А., Милованов С. И., 2018. Кремль, окольный город и посадская часть города Суздаля (Владимирская область) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. М.: ИА РАН. С. 10–19. (Материалы спасательных археологических исследований; т. 25).
- Варганов А. Д., 1946. Из ранней истории Суздаля (IX–XIII вв.) // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XII. С. 127–134.
- Гурин М. Ф., 1987. Кузнечное ремесло Полоцкой земли. IX–XIII вв. Минск: Наука и техника.
- Литвинова Т. И., Пирожкова В. П., Петров А. К., 1972. Петрография неметаллических включений. М.

- Наумов А. Н.*, 2003. Черная металлургия и железообработка на сельских памятниках Куликова поля в конце XII – середине XIV вв.: дис. ... канд. ист. наук. М.
- Bachmann H.-G.*, 1982. The identification of slags from archaeological sites. London: Institute of Archaeology. (Occasional Publication; № 6).
- Crew P.*, 1996. Bloom refining and smithing slags and other residues. (Historical Metallurgy Society: Archaeology datasheet; № 6).
- Dungworth D., Wikes R.*, 2009. Understanding Hammerscale: the use of high-speed film and electron microscope // *Historical Metallurgy*. 43/1. P. 33–46.
- Keesmann I.*, 1989. Chemische und mineralogische Detailuntersuchungen zur Interpretation eisenreicher Schlacken // *Archaeometallurgy of Iron 1967–1987* (Symposium, Liblice, 1987) / Ed. R. Pleiner. Prague. P. 17–34.
- McDonnell J. G.*, 1989. A model for the formation of smithing slags. London. (Ancient Monuments Laboratory Report; 129).
- Pleiner R.*, 2006. Iron in Archaeology. Early European blacksmiths. Praha.
- Serneels V., Perret S.*, 2003. Quantification of smithing activities based on the investigation of slag and other material remains // *Archaeometallurgy in Europe. Proceedings of the International Conference, Associazione Italiana di Metallurgia, Milan, Italy. Milan.* P. 469–478.
- Soullignac R., Serneels V.*, 2013. Forging with Dogon smiths (Mali) // *Accidental and experimental Archaeometallurgy* / Ed. by D. Dungworth, R.C.P. Doonan. London.
- Tylecote R. F.*, 1990. The prehistory of metallurgy in the British Isles. London.

Сведения об авторах

- Рузанова Светлана Анатольевна*, Государственный исторический музей,
e-mail: ruzanova_s@mail.ru;
Баранов Николай Анатольевич, Институт археологии РАН,
e-mail: dr.till2011@yandex.ru

S. A. Ruzanova, N. A. Baranov

NEW EVIDENCES FOR MEDIAVAL METAL PRODUCTION FROM SUZDAL

Summary. This paper describes the scientific investigation of the medieval metal production residues from Suzdal. Different metallurgical materials were identified as smithing hearth bottoms or fragments of vitrified hearth lining. The samples were studied using chemical and microstructural analyses. The results of the analyses indicate that the residues originated from two different metal production processes.

Keywords: Suzdal, Middle Ages, settlement, metalworking residue, smithing slags, furnaces, archaeometry.

Приложение 1

Таблица 1. Результаты анализа элементного состава шлаков и фрагмента стенки горна

№ образца	группа	Na ₂ O (%)	MgO (%)	Al ₂ O ₃ (%)	SiO ₂ (%)	K ₂ O (%)	CaO (%)	TiO ₂ (%)	MnO (%)	Fe ₂ O ₃ (%)	P ₂ O ₅ (%)
шлаки											
4	I	0,41	1,39	3,76	28,53	1,89	2,27	0,19	1,40	59,33	0,68
8	I	0,16	1,83	4,01	26,30	1,55	1,96	0,22	1,91	61,81	0,13
12	I	0,60	1,43	5,70	47,24	1,63	1,72	0,44	0,46	39,44	0,94
10	I	0,39	1,00	2,80	40,82	1,27	2,03	0,18	0,79	49,99	0,37
11	I	0,20	1,12	1,74	19,19	0,49	1,37	0,11	0,61	74,87	0,04
9	II	0,22	1,43	2,85	23,16	1,12	2,25	0,14	0,88	67,51	0,08
13	III	0,47	0,62	3,22	68,21	2,60	2,71	0,23	0,08	6,81	0,32
стенка горна											
14		1,18	5,97	8,89	67,77	1,63	4,10	0,57	0,15	9,13	0,31

№ образца	группа	Cr (pp)	Ni	Cu	Zn	Pb	Sb	Sn	As
шлаки									
4	I	76	38	117	70	<10	<10	<10	<10
8	I	70	<10	105	50	<10	<10	<10	10
12	I	91	81	129	154	18	<10	<10	36
10	I	59	50	1238	50	287	<10	<10	27
11	I	66	<10	904	33	92	<10	<10	28
9	II	44	<10	1318	33	343	<10	<10	<10
13	III	31	645	67754	144	27055	914	398	379
стенка горна									
14		878	262	162	61	22	<10	<10	41

Новые данные о металлопроизводстве средневекового Суздаля

Таблица 2. Результаты анализа элементного состава капель металла

№ образца	Cu (%)	Sn	Pb	Bi	Si	Sb	As	Fe	Ni	Hg
15	88,47	0,22	4,29	0,11	0,61	0,25	0	5,79	0,04	0,21
20_1	95,68	0,02	3,41	0,04	0,11	0,05	0,39	0,21	0,06	0,04
20_2	99,46	0,02	0,28	0	0,1	0,04	0	0,07	0,03	0
20_3	90,64	0,06	8,13	0	0,12	0,1	0,07	0,78	0,04	0,05
20_4	86,89	0,03	12,07	0,04	0,09	0,07	0,15	0,62	0,04	0
22_1	98,66	0	1,03	0	0,05	0,03	0,14	0,03	0,05	0
22_1	96,55	0	3,1	0	0,07	0,04	0,12	0,07	0,06	0

Таблица 3. Результаты минералогического анализа шлаков и шлакообразного материала

минерал (фаза)	образец 4	образец 10	образец 21	теоретическая формула
кварц	5	12	16	SiO ₂
фаялит	16	32	0	Fe ₂ SiO ₄
кристобаллит	4	4	9	SiO ₂
лейцит	11	2	0	KAlSi ₂ O ₆
магнетит	3	0	0	Fe ₃ O ₄
вюстит	40	4	0	Fe _{0,98} O
гетит	5	7	0	FeOOH
гематит	3	2	0	Fe ₂ O ₃
лепидокрокит	5	0	0	FeOOH
сумма кристаллических фаз	92	63	25	

С. В. Очеретина

СУДЬБА РВА ДРЕВНЕРУССКИХ ФОРТИФИКАЦИОННЫХ СООРУЖЕНИЙ НОВОГО ГОРОДА ВЛАДИМИРА-НА-КЛЯЗЬМЕ В ПОЗДНЕЕ ВРЕМЯ

Резюме. Статья посвящена новым исследованиям одного из элементов оборонительных сооружений древнего Владимира – рва, участок которого обнаружен в ходе охранных археологических раскопок 2017 г. В статье прослежена дальнейшая судьба рва после утраты им своего оборонительного назначения. Для всестороннего рассмотрения вопроса привлечены данные письменных и картографических источников, учтено влияние природных факторов. Это позволило сделать вывод о том, что ров Нового города древнего Владимира на протяжении столетий не засыпался, склоны его постепенно становились более пологими. Никаких земляных работ по засыпке рва, расположенного к югу от Золотых ворот, на рубеже XIX–XX вв. проведено не было, т. к. к этому времени исследованный участок рва полностью заплыл в результате естественных эрозионных процессов. Позднее заполнение рва представлено слоистым намывным слоем, содержащим индивидуальные находки и керамический материал XVII–XVIII вв.

Ключевые слова: г. Владимир, древние оборонительные сооружения, ров, утрата оборонительного назначения, естественные эрозионные процессы, XVII–XVIII вв.

Визитной карточкой древнего Владимира являются Золотые ворота и вал около них. Это сохранившиеся части оборонительных сооружений, защищавших город в древности.

Неотъемлемой частью комплекса древнерусских фортификационных сооружений являются также и рвы. Искусственно откопанные участки рвов древнего Владимира не сохранились (рис. 1). Из краеведческой литературы известно, что рвы просуществовали долго, последние из них были засыпаны в конце XIX – начале XX в. (Глазов, 1978. С. 35).

Ответы на многочисленные вопросы, касающиеся рвов как части древнерусских фортификационных сооружений и дальнейшей их судьбы после утраты оборонительного назначения, могут быть найдены в ходе археологического изучения этих объектов.

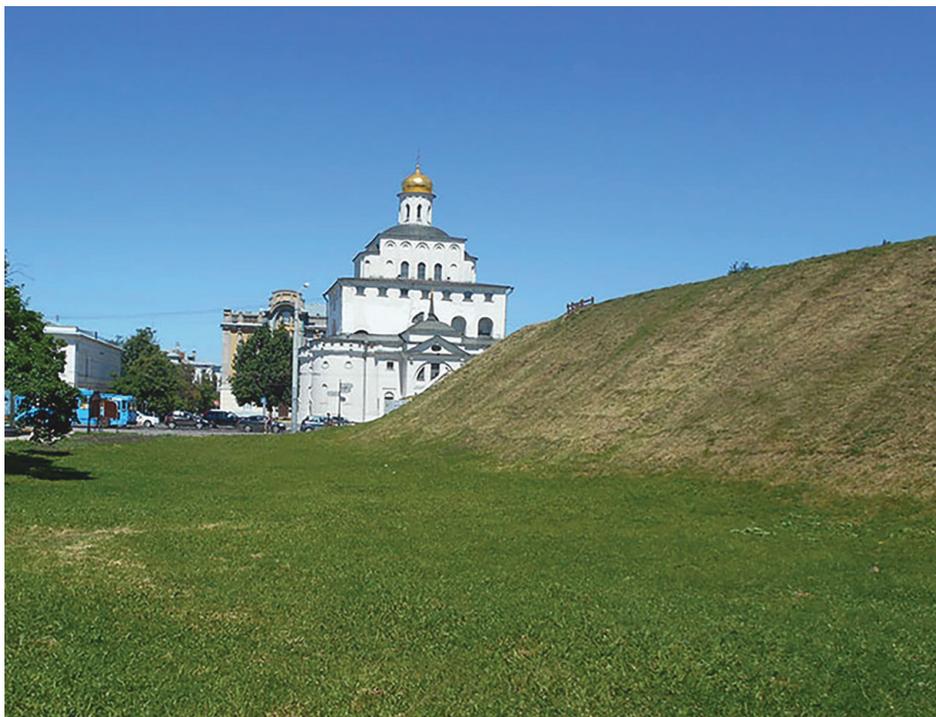

Рис. 1. Золотые ворота, Козлов вал и место древнего рва

В 2017 г. экспедицией Владимирского областного центра археологии при ВлГУ проведены охранные раскопки в г. Владимире по адресу: ул. Летне-Перевозинская, д. 1А. На участке площадью 251 м², расположенном у внешнего подножия Козлова вала в 170 м к югу от Золотых ворот, исследован участок древнего рва. В ходе археологических работ выяснены размеры рва, его конфигурация, дополнительное укрепление склонов керамическими плитками, уровень заполнения водой и другие вопросы, относящиеся ко времени функционирования рва. Анализ полученных данных о рве, как части древнерусских оборонительных сооружений, посвящена статья автора «К вопросу об оборонительных сооружениях древнего Владимира: исследование рва «Нового города» в 2017 году» (*Очеретина*, 2019. С. 90–96).

Свою оборонительную функцию фортификационные сооружения западной части древнего Владимира выполнили в феврале 1238 г. Лаврентьевская летопись подробно описывает осаду и штурм города войсками Батые и его военачальников: «В неделю Мясопустную рано утром начали штурм города месяца февраля в 7 день... и взяли город до обеда, ворвавшись от Золотых ворот у (церкви) св. Спаса по примету через городские стены, а отсюда с северной стороны от Лыбеди к Ориным воротам и к Медным, а отсюда от (реки) Клязьмы к Волжским воротам, и так вскоре взяли Новый город, и бежали Всеволод и Мстислав и все (оставшиеся в живых) люди в Печерный город» (ПСРЛ, 1926–1928. Т. I. С. 361). Судя по

сообщению летописи, описываемые события происходили там, где расположен исследованный участок рва.

Какова же была дальнейшая судьба древнерусских оборонительных сооружений «Нового города», в том числе рвов? Для ответа на поставленный вопрос привлечены данные письменных и картографических источников и исторической литературы.

До конца XIII в. Владимир подвергался неоднократным вражеским набегам, во время которых город был разорен, разграблен и сожжен (1239 г., 1252 г. – «Неврюева рать», 1281, 1282, 1283 гг., 1293 г. «Дюденева рать» и др.). Н. А. Артлебен, русский археолог и историк, исследователь древнего Владимиро-Суздальского зодчества, отмечал: «Можно полагать, что во все продолжение татарского нашествия Владимир не был укреплен» (*Артлебен*, 1878. С. 176). В это сложное время восстанавливать и обновлять оборонительные сооружения города сил не было, вероятно, они пребывали в руинах.

В 1364 г. Владимирское княжество было присоединено к Москве. В конце XIV – начале XV в., пребывая в составе Московского государства, Владимир по-прежнему неоднократно разорялся врагами. В некоторых сообщениях есть косвенные упоминания об отсутствии оборонительных сооружений города в то время. Патриаршая (Никоновская) летопись, сообщая о нашествии на Владимир войск татарского царевича Талыча в 1411 г., отмечает «града тогда не было» (ПСРЛ, 1897. Т. XI. С. 215).

Попытки возвести фортификационные сооружения во Владимире неоднократно предпринимались в конце XV – XVI в. В 1486 г. по указу великого московского князя Ивана III был «срублен град Володимер, а рубил дьяк Мамырев» (*Артлебен*, 1878. С. 177). Деревянный город неоднократно горел. По приказу Ивана IV Грозного после пожара 1536 г. для ремонтных работ и обновления стен и башен деревянной крепости был прислан «горододелец Истома Курчев» (*Артлебен*, 1878. С. 177).

Крупные работы по возведению оборонительных сооружений Владимира были проведены в XVII в. Подробному анализу этих работ посвящена статья Л. Д. Мазур «Укрепления кремля и посада Владимира в XVII веке» (*Мазур*, 2012. С. 44–49). На основании широкого круга письменных и картографических источников автор пытается реконструировать расположение фортификационных укреплений Владимира и приходит к выводу, что «в рассматриваемый период роль крепости в полном смысле слова продолжала играть только центральная часть Владимира» (Там же. С. 45).

Возведенные во второй половине XVII в. городские укрепления зафиксированы в «Описи укреплений города Владимира» 1674 г. (Опись укреплений города Владимира..., 1906. С. 213–219) и изображены на «Чертеже» 1715 г., уникальном источнике по дорегулярной планировке города.

Деревянные стены и башни показаны только в центральной части города. Укрепления западной и восточной частей Владимира в течение нескольких столетий не восстанавливались и постепенно разрушались. На «Чертеже» 1715 г. из них показан только вал Нового города с перерывинами, проходами и дорогами. Был ли ров около вала, по «Чертежу» судить сложно. К югу от Золотых ворот в подно-

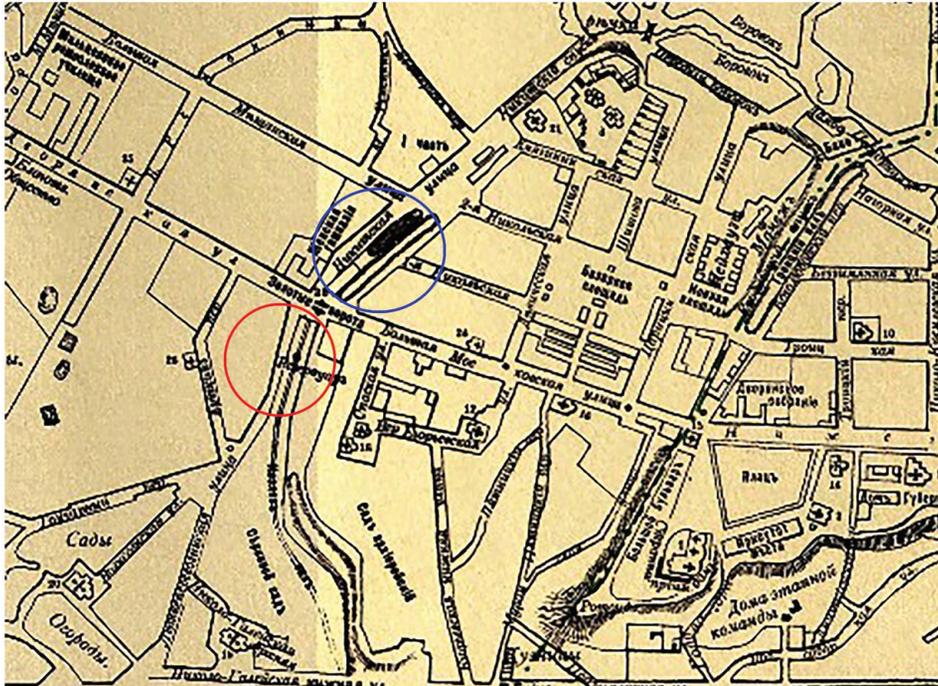

Рис. 2. Фрагмент плана губернского города Владимира 1899 г. с указанием древних оборонительных сооружений около Золотых ворот

жию вала, там, где в древности располагался ров, показаны квасницы (№ 101), несколько дальше обозначена «дорога подле осыпи рвом» (№ 100), находящаяся на значительном расстоянии от вала (Воронин, 1946. С. 150). Вероятно, в современной топографии – это улица Летне-Перевозинская.

Деревянные укрепления в очередной раз сгорели во время пожара 1719 г., после этого город Владимир был исключен из числа русских крепостей.

На планах Владимира второй половины XVIII в. (1769 г., 1781 г.) обозначены в целом линии оборонительных сооружений Владимира, в том числе и в западной части, без разделения на валы и рвы (Воронин, 1946. С. 147, 148).

С конца XVIII в. город стал застраиваться по-новому в соответствии с планом регулярной застройки, утвержденным Екатериной II. Остатки древнерусских оборонительных сооружений стали помехой для развития города. Они начинают постепенно исчезать: срываются валы, засыпаются рвы в различных частях города.

На планах XIX в. (1825 г., 1871 г., 1899 г.) изображены остатки древних оборонительных сооружений западной части Владимира. На плане губернского города Владимира с поквартальной застройкой 1899 г. к северу от Золотых ворот обозначен участок Театрального вала и пруд, являвшийся частью древнего рва (рис. 2). К югу от Золотых ворот отмечен Козлов вал, неоднократно упоминавшийся в прессе конца XIX – начала XX в. в связи со строительством водонапорной башни, устройством бульвара и «детских развлечений», позднее – в связи с запустением

Рис. 3. Зачистка поверхности раскопа на глубине -300. Делювиальные отложения около склона рва

этого бульвара. Никаких сведений о том, что рядом с Козловым валом располагался в то время ров, нет.

Отсутствие рва около вала к югу от Золотых ворот на планах конца XVIII – XIX в. позволяет предположить, что его в это время уже не было.

Интересующий нас участок искусственно откопанного рва расположен в верхней части склона коренного левого берега р. Клязьмы. Такое расположение предполагает значительное влияние природных факторов на формирование культурных отложений и их воздействие на судьбу антропогенных объектов.

Судя по данным, полученным в ходе археологических работ, в том числе фиксации планиграфических и стратиграфических разрезов, в древности на исследуемом участке активно происходили геоморфологические процессы плоскостного смыва и линейного размыва почв.

Плоскостной смыв почв происходит на ровных, достаточно пологих склонах под влиянием временных водных потоков: дождевых и (или) талых вод. На склонах они растекаются в виде многочисленных тонких струй, захватывают и перемещают вниз по склону часть рыхлого и мелкого материала. Он накапливается у основания склона. Под влиянием плоскостного смыва уменьшается крутизна склонов, они приобретают плавные очертания. В процессе плоскостного смыва образуются делювиальные отложения. Для них характерно расположение смытых слоев параллельно склону (Кухарчик, 2011. С. 118, 119).

Рис. 4. Зачистка поверхности раскопа на глубине -240. Слой овражного пролювия

При проведении археологических раскопок на участке исследования зафиксированы делювиальные отложения в виде прослоек желтого и серого песка, перелотложенной материковой глины и тонкой прослойки перелотложенного древнего гумусного слоя. Они расположены параллельно склону рва (рис. 3). В прослойке песка встречена линза погребенной почвы.

Делювиальные отложения накапливались в придонной части рва. На дне рва они читаются с глубины -560 при отметке дна рва -670. Они же уменьшали крутизну его склонов от 33–35° в верхней части до 25–28° – в придонной.

Со временем плоскостной смыв сменился линейным размывом почвы. Начало линейного размыва выражается в том, что текущие воды собираются в промоины и рытвины, которые со временем разрастаются в овраги. Канал стока периодически заполняется водой. Водный поток несет с собой частицы горных пород. В процессе линейного размыва почвы в углублениях образуются пролювиальные отложения. Главная их особенность – концентрическая зональность. Зоны пролювия в плане имеют вид полукружий, вложенных друг в друга. В вертикальном профиле овражный пролювий имеет слоистую структуру, т. к. накапливается маломощными и короткими временными водотоками (Кухарчик, 2011. С. 116, 117).

В ходе археологических работ выделен и исследован слой пестроватой серо-желтой супеси с горизонтальными прослойками серой супеси. Это овражный пролювий, постепенно заполнивший собой незасыпанный ров, который послужил ка-

Рис. 5. Фрагмент профиля северо-восточного борта раскопа. Слоистая структура овражного пролювия

налом стока для дождевых или талых вод. Воды текли по искусственно откопанному рву, переходящему в южной части в овраг, по склону в сторону Клязьмы, неся с собой частицы различных пород.

На фотографиях поверхности горизонтальных пластов хорошо видны полу-кружия, сложенные разными породами, на фотографиях вертикальных профилей – слоистая структура слоя овражного пролювия (рис. 4, 5).

Пестрый слоистый намывтый слой пролювия достигает начала спуска в ров. Это означает, что ров древних оборонительных сооружений на участке исследования на всю глубину заполнен грунтом, принесенным сюда талыми и дождевыми водами.

В процессе раскопок в намывтом слое пестровой серо-желтой супеси с горизонтальными прослойками серой супеси обнаружены немногочисленные находки и керамический материал. Находки представлены предметами, имеющими широкий временной интервал бытования (рис. 6). Более точно датируются 2 находки. Бронзовая шаровидная пуговица с цельнолитым туловом и фигурным профилированным ушком – XVI–XVII вв. (Пуговицы XI–XVIII вв..., 2015. С. 26, 33). Носик водолея в виде головы животного с острыми ушками изготовлен из теста, аналогичного белоглиняной посуде XVI–XVIII вв. (Коваль, 2001. С. 98).

Керамический материал данного слоя представлен 766 фрагментами, относящимися к различным хронологическим группам (табл.).

Судьба рва древнерусских фортификационных сооружений Нового города
Владимира-на-Клязьме в позднее время

Рис. 6. Находки из намытого слоя заполнения рва: 1 – гирька железная (№ 91); 2 – пробой железный (№ 12); 3 – пуговка бронзовая шаровидная с целнолитым туловом и фигурным профилированным ушком (№ 27); 4 – водолея белоглиняного фр-т (№ 34); 5 – оселок (№ 35); 6 – рог опиленный (№ 28); 7 – рукоятки ножа костяной фр-т (№ 13)

Наиболее многочисленны группы керамики в слое заполнения рва: красноглиняная без примесей, белоглиняная, чернолощенная, совместно бытовавшие в XVII–XVIII вв.

Таким образом, по археологическим данным, пестрый слоистый намытый слой пролювия, заполнивший весь незасыпанный ров, сформировался в XVII–XVIII вв.

В процессе изучения вопроса о судьбе древнерусских оборонительных сооружений «Нового города» после утраты ими оборонительной функции установлено следующее:

Таблица. Керамический материал

Группа керамики	Время бытования	Кол-во фрагментов	%
Красноглиняная керамика с примесью дресвы и песка	XII–XIII вв.	13	1,7 %
Красноглиняная керамика без примесей	XV–XVIII вв.	384	50,1 %
Белоглиняная керамика	XVI–XVIII вв.	212	27,7 %
Краснолощенная керамика	XV–XVI вв.	41	5,4 %
Чернолощенная керамика	XVII–XIX вв.	113	14,7 %
Белоглиняная керамика с поливой	вторая пол. XVIII–XIX в.	2	0,3 %
Красноглиняная керамика с поливой	XIX–XX вв.	1	0,1 %
ВСЕГО		766	100 %

– валы древнерусских фортификационных сооружений западной части Владимира сохранялись долгое время: Никитский (Театральный) вал срыт частично во второй половине XIX в., окончательно – в начале XX в., Козлов вал существует до сих пор;

– ров около Никитского вала был частично засыпан во второй половине XIX в., оставлена лишь его часть в виде пруда; окончательно засыпан в начале XX в. при строительстве здания губернского реального училища;

– искусственно откопанный ров, расположенный к югу от Золотых ворот у подножия Козлова вала, в том числе исследованный в ходе археологических раскопок 2017 г. участок, не был засыпан в ходе земляных работ на рубеже XIX–XX вв.;

– к этому времени указанный ров полностью заплыл в результате естественных эрозионных процессов; на планах XIX в. несуществующий ров не изображался, в начале XX в. эта территория была занята домами и огородами около них;

– естественное заполнение рва около Козлова вала происходило в XVII–XVIII вв. в течение 150–200 лет; вероятно, долгое время на месте рва оставалось небольшое углубление, в котором скапливалась вода, так называемая «Карлова лужа», упоминаемая в некоторых источниках и краеведческой литературе.

Литература

- Артлебен Н. А.*, 1878. Владимирский кремль-город по Описной книге 1626 г. // Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета. Вып. II. Владимир. С. 174–189.
- Воронин Н. Н.*, 1946. Социальная топография Владимира XII–XIII вв. и «Чертеж» 1715 г. // Советская археология. Вып. VIII. С. 145–174.
- Глазов В. П.*, 1978. В лето 6616-е (к топографии Владимира) // О крае родном. Люди, история, жизнь, природа земли Владимирской. Ярославль.

Судьба рва древнерусских фортификационных сооружений Нового города Владимира-на-Клязьме в позднее время

- Коваль В. Ю., 2001. Белоглиняная керамика в средневековой Москве // Российская археология. № 1. С. 98–109.
- Кухарчик Ю. В., 2011. Геология четвертичных отложений. Минск.
- Мазур Л. Д., 2012. Укрепления кремля и посада Владимира в XVII веке // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. № 2. С. 44–49.
- Опись укреплений города Владимира // Материалы для истории Владимирской губернии. Вып. 4 / Собр. А. В. Смирнов. Владимир, 1906. С. 213–219.
- Очеретина С. В., 2019. К вопросу об оборонительных сооружениях древнего Владимира: исследование рва «Нового города» в 2017 году // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 9.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей - Полное собрание русских летописей. Т. I, вып. 1–3. Л., 1926–1928.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Т. XI. СПб., 1897.
- Пуговицы XI–XVIII вв. из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Владимир, 2015.

Сведения об авторе

Очеретина Светлана Владимировна, ООО «Владимирский областной центр археологии при ВЛГУ», e-mail: svetoch0412@yandex.ru

S. V. Ocheretina

MOAT OF ANCIENT RUSSIAN FORTIFICATIONS'S FATE OF THE NEW TOWN OF VLADIMIR-ON-KLYAZMA AT A LATER TIME

Summary. The article is devoted to the new researches of one defensive installation element of ancient Vladimir – moat, the part of it was detected in process of protected archaeological excavations of 2017. The further destiny of this moat after its loss of defensive purpose was tracked in the article. The datas from written and cartographic sources were used, the influence of natural factors was taken into account. It helped to come to the conclusion that the moat wasn't covered with ground for centuries in case of full consideration of Vladimir, its slopes gradually became more gentle. No groundworks were carried out at the turn of XIX–XXth centuries to fill up the moat situated to the south from the Golden Gates, because the studied part of the moat was completely swamped by this time as a result of natural erosion processes. The later filling of the moat is represented by a layered alluvial layer containing individual finds and ceramic material of the XVII–XVIIIth centuries.

Keywords: Vladimir, ancient defensive installation, moat, loss of defensive purpose, natural erosion processes, XVII–XVIIIth centuries.

А. Д. Бабкина, Н. Н. Гончарова

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАСЕЛЕНИЯ МУРОМА И НИЖНЕГО НОВГОРОДА XVI–XVII вв.

Резюме. В статье рассматриваются две краниологические серии XVI–XVII вв., полученные в ходе археологических работ на территории кремля Нижнего Новгорода и в г. Муроме. На основании сравнительного анализа с другими материалами из этого региона обе серии демонстрируют тенденцию к брахикефализации и макросомизации черепа, характерную для городского населения. Этот процесс является также и эпохальным трендом.

По результатам статистического сравнения с более широким кругом выборок с территории европейской России изученные серии встраиваются в общие микроэволюционные тенденции. По результатам многомерного шкалирования наблюдается сближение по краниологическим признакам более крупных городов безотносительно их территориального расположения. В то же время в изученных городах Северо-Восточного региона население показывает собственный характерный комплекс признаков, который, скорее всего, связан с влиянием местного дославянского субстрата.

Ключевые слова: краниология, палеоантропология, микроэволюционные процессы, брахикефализация, городское население, Северо-Восточная Русь.

Антропологическая характеристика населения того или иного региона традиционно базируется на описании выборок сельского населения как более стабильного, консервативно сохраняющего антропологический тип. Однако такой подход неизбежно обедняет представления об исторических процессах. Без рассмотрения особенностей городского населения мы не можем в полной мере зафиксировать экологические изменения или миграционные потоки на какой-либо территории. Изучение процессов формирования антропологического типа среди городского населения позволяет уточнить существующее представление об истории региона. Материалы, датированные, к примеру, XV или XVIII в., позволяют получить представления о процессах, происходивших на территории страны после формирования единого Московского государства, во времена крупных экономических и политических потрясений. Учитывая тот факт, что в могильниках указанного периода

часто не находится иной археологической атрибуции, антропологические данные приобретают особенное значение и становятся ценным источником сведений.

Население любого города представляет собой достаточно сложно организованную популяцию, истоки которой не всегда очевидны. Оно втянуто в различные микроэволюционные процессы, которые зачастую не зависят от генезиса группы. Так, одно из наиболее существенных для антропологов явлений – увеличение размеров и массы тела в городских условиях (Алексеева, 1989; Зимина и др., 2019). Многочисленные исследования этого процесса проводились на современном населении, однако, несмотря на необходимую осторожность, в целом у нас нет оснований предполагать, что в предшествующие времена закономерности были принципиально иными. Это означает, что мы можем ожидать тенденцию к *макросомизации* городского населения, то есть к увеличению значений тех краниологических признаков, которые характеризуют габаритные размеры черепа.

Сложность анализа антропологических материалов из городских некрополей обусловлена и разновекторными процессами формирования городского населения, которые зависели в большей степени от социально-экономических процессов. Например, система закладничества, бывшая одним из наиболее распространенных способов уклонения от налогов, оказывала огромное влияние на демографическую структуру городов. В результате вокруг каждого города возникала целая вереница слобод, где проживало в основном окружающее сельское население. Данные об этом есть, например, по Мурому (Чернышев, 2006).

Также большое значение для формирования городского населения имели миграционные процессы. Основным направлением для миграций были недавно присоединенные земли Поволжья.

На основании имеющихся у нас сведений о высоком уровне миграции и смешивания населения при анализе антропологических материалов позднесредневекового периода XVI–XVII вв. по сравнению с более ранними периодами мы могли бы ожидать:

- постепенное усреднение антропологического типа между крупными и средними городами;
- возможные отклонения и исключения от этого тренда для каких-либо конкретных поселений, т. к. живущие в нем люди могут быть, например, потомками какой-то локальной миграции;
- изменение с течением времени соотношения и величины различий между выборками сельского и городского населения.

В данной работе центральным объектом интереса выступают две городские серии с территории северо-востока центральной части Московской Руси: из Мурома и Нижнего Новгорода. В качестве референтной группы – с целью выявления более или менее универсальных процессов сложения антропологических особенностей городского населения – использована выборка из городского кладбища г. Смоленска XVI–XVII вв.

Изученные выборки, датировка и численность представлены в таблице 1.

Для сравнения материалов взяты краниологические данные синхронных выборок, а также более ранних выборок XII–XIII вв – для того, чтобы проследить также возможные диахронные и эпохальные изменения (см. табл. 2; рис. 1).

Таблица 1. Изученные городские серии

	Локализация	Датировка	Мужчины	Женщины	Всего
1.	Муром	XVI–XVII вв.	9	4	17
2.	Смоленск	рубеж XVI–XVII вв.	17	19	36
3.	Нижний Новгород	XVI–XVII вв.	35	23	58

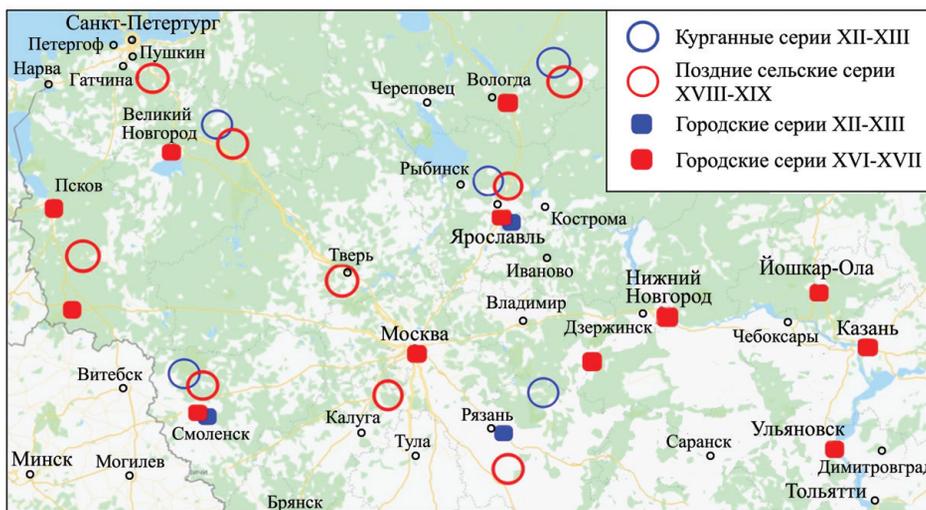

Рис. 1. Географическое положение краниологических серий

Таблица 2. Серии, использованные для сравнительного краниологического анализа

Локализация	Численность		Источник данных
	Мужчины	Женщины	
Городские серии XII–XIII вв.			
Смоленск	11	–	Алексеева, 1973
Старая Рязань	15	5	Там же
Ярославль	32	19	Гончарова, 2011
Городские серии XVI–XVII вв.			
Вологда, Парковый переулоч	46	32	Моисеев и др., 2012
Казань	39	20	Алексеев, 1969
Казань, церковь Параскевы Пятницы	42	28	Газимзянов, Макарова, 2012

**Антропологическая характеристика населения Муром
и Нижнего Новгорода XVI–XVII вв.**

Локализация	Численность		Источник данных
	Мужчины	Женщины	
Москва, Георгиевский монастырь	10	110	<i>Дубов, Дубова, 2000</i>
Москва, церковь Вознесения на Никитской	12	16	Там же
Москва, церковь Святителя Николая на Берсеневке	18	8	Там же
Москва, церковь Феодора Студита	15	11	Там же
Нижний Новгород	11	6	<i>Комаров, Васильев, 2014</i>
Новгород Великий	34	19	<i>Пежемский, 2000</i>
Новгород, Досланьский раскоп	24	17	<i>Евтеев, Олейников, 2015</i>
Псков	20	–	<i>Пежемский, 2013</i>
Свияжск	15	15	<i>Макарова, 2011</i>
Себеж	84	58	<i>Алексеев, 1969</i>
Симбирск	17	10	Там же
Старая Русса	11	–	<i>Пежемский, 2012</i>
Царевококшайск	36	15	<i>Макарова, Харламова, 2013</i>
Ярославль	9	10	<i>Гончарова, 2011</i>
Курганные серии XII–XIII вв.			
Владимиرو-рязанско-нижегородская группа	24	23	<i>Алексеева, 1973</i>
Вологодская область	43	27	<i>Гончарова, 2000</i>
Муромский уезд, д. Борисово	6	3	Конопелькин, <i>Гончарова, 2016</i>
Новгородская область	25	25	<i>Гончарова, 2000</i>
Смоленская группа	51	34	<i>Алексеева, 1973</i>
Ярославская группа	58	27	Там же
Сельские серии XVIII–XIX вв.			
Вологодская губ.	17	–	<i>Алексеев, 1969</i>
Московская губ.	12	–	Там же
Новгородская губ.	24	–	Там же
Петербургская губ.	42	15	Там же
Псковская губ.	15	3	Там же
Рязанская губ.	22	–	Там же
Смоленская губ.	16	–	Там же
Тверская губ.	63	11	Там же
Ярославская губ.	44	–	Там же

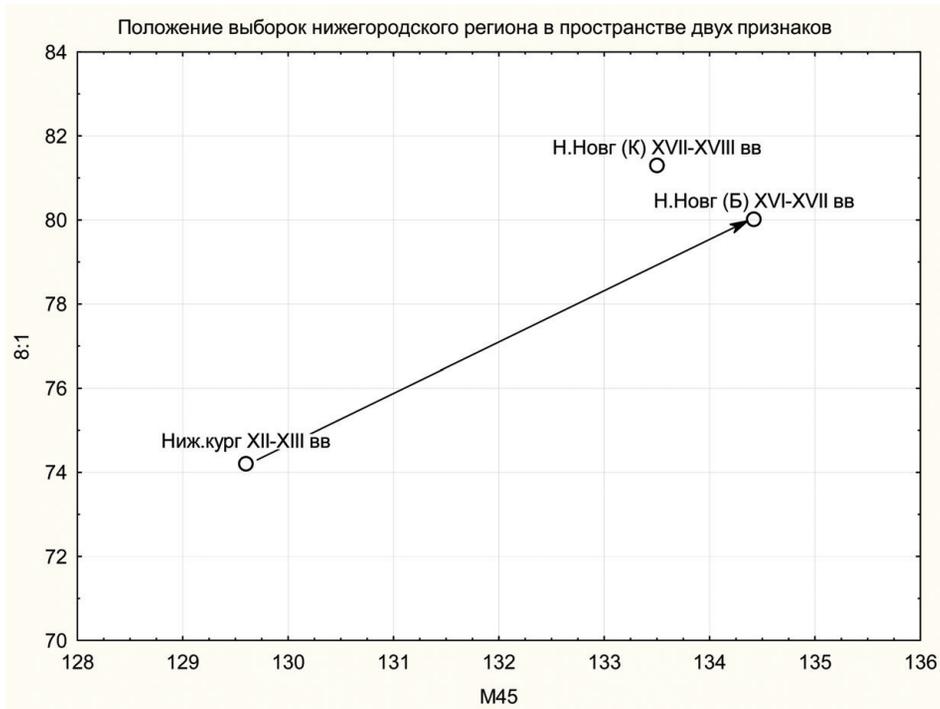

Рис. 2. Сопоставление населения нижегородского региона по скуловой ширине и черепному указателю

В работе были использованы классические краниметрические методики (Алексеев, Дебец, 1964). В качестве дифференцирующих в многомерных анализах были использованы 18 наиболее важных краниологических признаков.

Анализ данных проводился как по мужским, так и по женским сериям. Однако статистические анализы проведены по мужским выборкам: вследствие лучшей сохранности имеется больший по численности сравнительный материал.

По результатам краниологического описания было установлено, что все изученные выборки, а особенно ярко серия из Нижнего Новгорода характеризуются повышенными значениями показателей изменчивости, что может свидетельствовать о гетерогенности групп.

В начале был проведен анализ данных по методу, предложенному Т. И. Алексеевой (1973): сравнение групп по отдельным признакам. В качестве дифференцирующих показателей для населения средневековых городов и сел Т. И. Алексеева считала поперечно-продольный индекс и скуловую ширину лица.

На рис. 2 показано положение трех выборок из нижегородского региона. Наши данные по выборке из Нижнего Новгорода XVI–XVII вв (далее обозначены – Н. Новг (Б)) были сопоставлены с данными XVII–XVIII вв. по этому городу (далее – Н. Новг (К)) (Комаров, Васильев, 2014) и с серией владимиرو-рязанско-нижегородской группы курганов XII–XIII вв. (Алексеева, 1973).

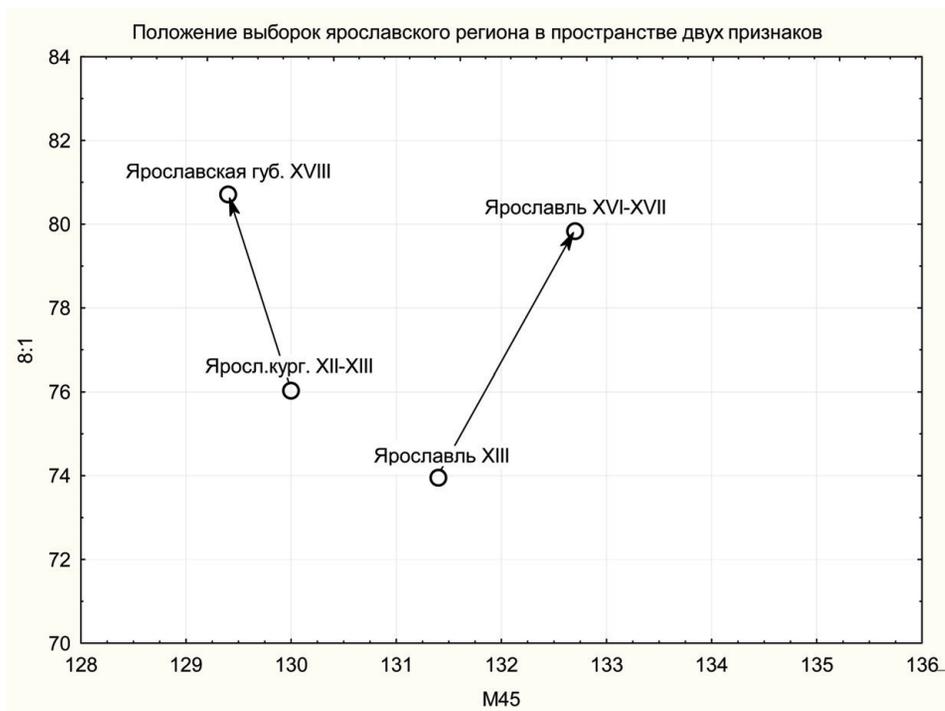

Рис. 3. Сопоставление населения ярославского региона по скуловой ширине и черепному указателю

Изученная нами серия Н. Новг (Б) обнаруживает не так много достоверных отличий от серии Н. Новг (К). В целом ее можно охарактеризовать как более макросомную: то есть все параметры мозгового и большинство параметров лицевого отдела крупнее, чем в выборке Н. Новг (К). Выборка Н. Новг (К) XVII–XVIII вв. оказывается в среднем несколько более брахицефальной и одновременно более узколицей.

Отличия от курганной серии XII–XIII вв. более заметно. Поздние городские выборки Нижнего Новгорода характеризуются заметно большей скуловой шириной и большей брахицефальностью – так же, как это показано в монографии Т. И. Алексеевой (1973).

Для понимания масштаба изменений приведем результаты аналогичного анализа для выборок ярославского региона. На рисунке 3 представлены данные по городской группе XII в., городской группе XVII в., ярославской группе курганов XII–XIII вв. и поздней сельской сборной серии Ярославской губернии XVIII–XIX вв. (табл. 2).

В целом наблюдаются те же закономерности: постепенная макросомизация и брахицефализация городского населения. Однако мы также можем зафиксировать важные закономерности и отличия между регионами.

Первое на что надо обратить внимание – изменчивость характеристик внутри регионов. Различия между ранними и поздними сериями ярославского региона

значительно меньше, чем между сериями нижегородского региона, что наглядно видно на рисунках (рис. 2, 3). Другой регион, в котором также обнаружена значительная изменчивость краниологических признаков, – Смоленск и его область (по результатам исследования смоленской серии XVI–XVII вв. планируется отдельная публикация). В качестве одной из причин для большого размаха изменчивости нами предполагается особенное положение этих городов: и Смоленск, и Нижний Новгород долгое время были пограничными для русских земель. Нижний Новгород вплоть до XVI в. имел значение военно-административного форпоста в войнах против Волжской Булгарии и Казанского ханства. На западе от Москвы подобную роль в начале Нового времени играл Смоленск, расположенный на стыке трех государственных образований. Возможно, эти обстоятельства в числе прочих обеспечивают значительную гетерогенность населения этих двух городов.

Вторая особенность – размах изменчивости значений краниологических характеристик между синхронными городскими и сельскими группами: более ранние выборки ярославского региона больше похожи между собой, чем более поздние.

Следующей задачей является соотнесение морфологических особенностей исследованных групп с более широким спектром краниологических материалов. В качестве сравнительного фона выбраны серии, характеризующие облик как более раннего (XII–XIII вв.) так и более позднего (XVI–XVIII вв.) населения центральной части европейской России (см. табл. 2).

Многомерные методы статистики позволяют анализировать группы по комплексу признаков, а не по каждому признаку в отдельности. В настоящей работе мы использовали канонический дискриминантный анализ (далее – КДА) и многомерное шкалирование. Поскольку эти методы имеют различный математический аппарат, результаты анализов дополняют друг друга.

С помощью КДА выделяется комплекс признаков, по которым группы разделяются наилучшим образом. Для этого рассчитываются дискриминирующие функции, называемые каноническими переменными (далее – КП). В анализе использованы 18 наиболее употребимых расоводиагностических признаков (рис. 4).

Наиболее значимы для разделения по КП I оказались продольный и поперечный размеры мозгового отдела черепа, кроме них имеют некоторое значение назо-малярный угол и высота переносья. В связи с этим на правом полюсе графика оказываются выборки с коротким и широким (брахикранным) черепом, более выступающим переносьем и менее уплощенным лицом на верхнем уровне. На левом полюсе – выборки с противоположным набором характеристик. Можно заметить, что КП I разделила выборки на ранние (слева) и поздние (справа).

Вторая каноническая переменная (КП II) разделила группы следующим образом: в верхней части графика расположены выборки с большим поперечным диаметром черепа, высоким и узким лицом, относительно уплощенным на обоих уровнях. В нижней части – выборки с противоположным набором черт. Очевидно, что КП II разделяет городские и сельские группы, при этом различия между ними прослеживаются более четко среди поздних выборок.

Необходимо обратить внимание на то, что наиболее многочисленная группа городских выборок XVI–XVII вв., в свою очередь, также разделяется на несколько частей:

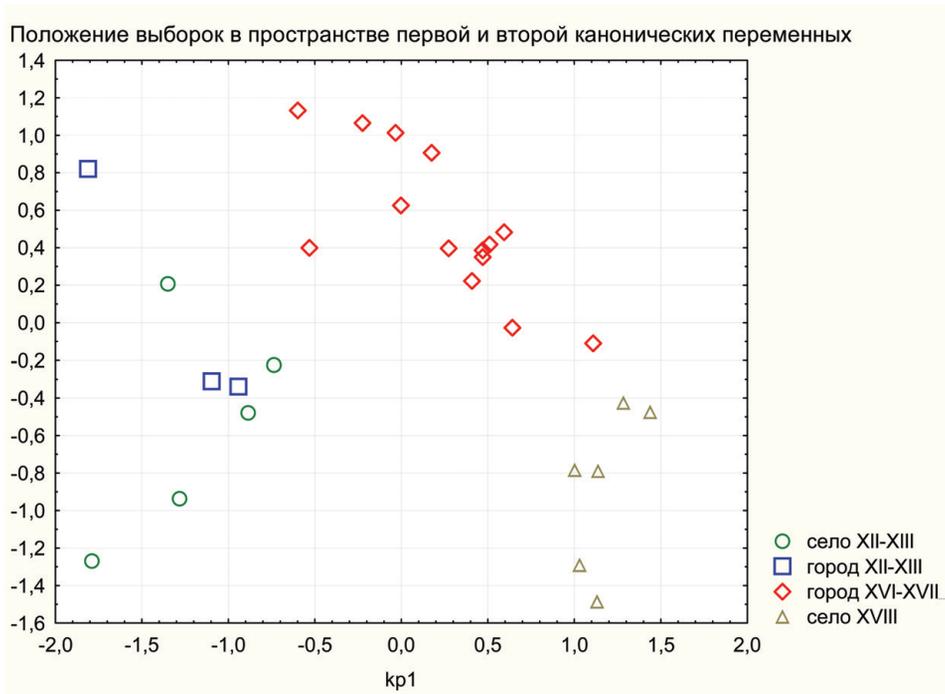

Рис. 4. Результаты канонического дискриминантного анализа. Положение выборок в пространстве КП I и КП II

1 – Смоленские кург.; 2 – Вологодские кург.; 3 – Ярославские кург.; 4 – Нижегородские кург.; 5 – Новгородские кург.; 6 – Смоленск XII в.; 7 – Ярославль XIII в.; 8 – Старая Рязань; 9 – Муром; 10 – Смоленск XVI–XVII вв.; 11 – Нижний Новгород (Б); 12 – Ярославль XVII в.; 13 – Вологда; 14 – Новгород (П); 15 – Новгород (Е); 16 – Казань (цпп); 17 – Казань (А); 18 – Москва; 19 – Симбирск; 20 – Себеж; 21 – Царевокошайск; 22 – Свяжск; 23 – Рязанская губ.; 24 – Новгородская губ.; 25 – Смоленская губ.; 26 – Вологодская губ.; 27 – Ярославская губ.; 28 – Московская губ

- На графике есть тесное скопление точек (14–18, 22), в которое попадают выборки из Казани, Новгорода, Москвы и Свяжска. Вероятно, этим подтверждается предположение, что некоторые из них имели тесные связи с Москвой, как это было показано в работе о населении Новгорода (*Пежемский, 2000*).

- Выборки из маленьких городов, таких как Себеж (20) и Симбирск (19), тяготеют к сельскому населению XVIII в., которое образует компактное скопление точек.

- Выборка из Смоленска XVI–XVII вв. (10) отдалена от синхронных городских выборок. Она тяготеет скорее к курганному населению XII–XIII вв., а также обнаруживает значительное отличие от выборки из Себежа, несмотря на территориальную близость. Этот факт заслуживает внимания и дальнейшей интерпретации.

В верхней части графика мы видим обособленный кластер из четырех выборок (9, 13, 21, 11), включающий Муром, Нижний Новгород, Вологду и

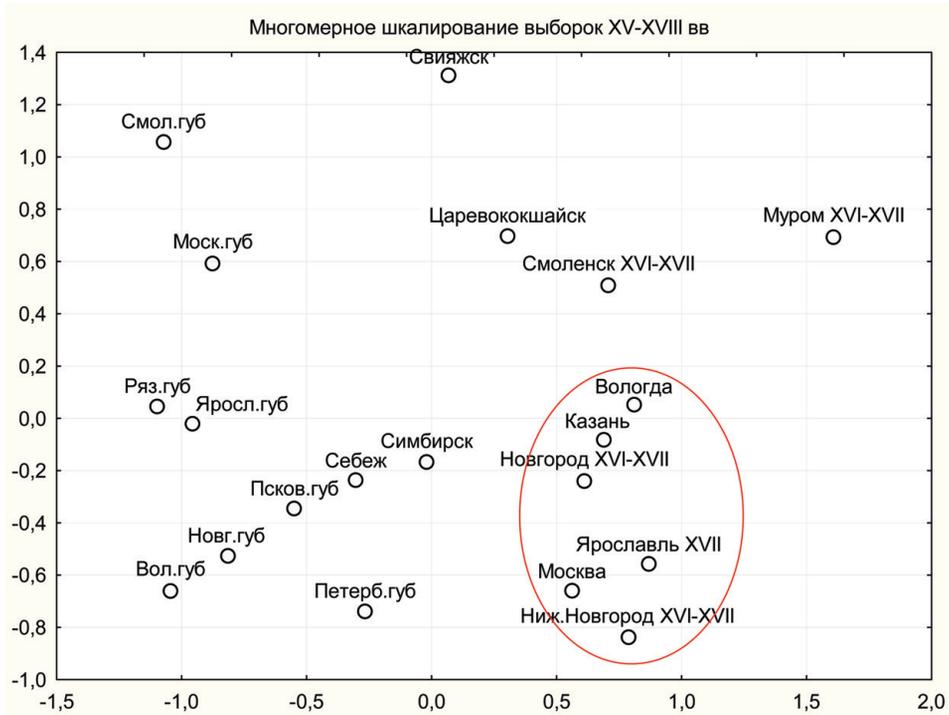

Рис. 5. Многомерное шкалирование выборок XV–XVIII вв.

Царевококшайск. Промежуточное положение по отношению к этой группе занимает выборка из Ярославля XVII в (12). Данный кластер представляет как раз означенный нами регион северо-востока русских земель. Для этих четырех выборок характерно специфическое сочетание признаков: относительно узкое лицо сочетается с некоторой уплощенностью на уровне скул и на уровне глазниц. Подобные характеристики свойственны финским группам Восточной Европы (Конопелькин, Гончарова, 2016).

Таким образом, достаточно вероятным видится предположение о наличии следов смешения жителей указанных городов с окружающим населением финно-угорских групп. Это предположение находит подтверждение в работах других исследователей: следы смешения различных финно-угорских групп и потомков славян находят в Царевококшайске (Макарова, Харламова, 2013) и Вологде (Моисеев и др., 2012). Об этом говорится и в других исследованиях (Конопелькин, Гончарова, 2016; Комаров, Васильев, 2014). Значит, мы можем констатировать, что характерное смешение имеет место только в городах и не затрагивает сельское население.

На последнем этапе для межгруппового сопоставления имеющихся материалов позднего периода был применен метод многомерного шкалирования. Этот метод позволяет визуализировать на плоскости расстояния между выборками, существующие в многомерном пространстве. Главное отличие этого метода от КДА

заключается в отсутствии априорного деления объектов на группы. Анализ был проведен на основании более широкого набора из 28 признаков (рис. 5).

В результате многомерного шкалирования – как и в случае КДА (рис. 4) – четко видны две разделившиеся группы: городские и сельские серии. При этом, в отличие от предыдущего анализа, сельские выборки здесь разделяются и по территориальному признаку.

Положение городских групп принципиально иное. Мы не видим никаких территориальных группировок, более того, полностью исчезли те скопления, которые мы выделяли на рис. 4. Тем не менее среди городских выборок на рис. 5 можно выделить новую группу точек (обведена линией). В нее попадают серии из более крупных городов, а остальные выборки оказываются на «периферии». Таким образом, по-видимому, мы можем наблюдать распределение выборок по степени урбанизированности городов.

Различия в результатах КДА и многомерного шкалирования связаны, по-видимому, с двумя факторами: во-первых, со сменой масштаба, поскольку в первом анализе задействованы и ранние, и поздние выборки; во-вторых, с включением в исследование дополнительных признаков, что позволило увидеть возможные новые закономерности.

Заключение

На примере изученных нами выборок из Нижнего Новгорода и Мурома XVI–XVII вв. видны общие тенденции изменений антропологического типа, характерные для жителей городов. К таким тенденциям относится брахикефализация и макросомизация городских жителей по сравнению с представителями сельского населения, а также с населением более ранних эпох. Отметим, что эти тенденции характеризуют одновременно и общие эпохальные трансформации антропологического типа; они могут проявляться неравномерно и несинхронно друг с другом в разных регионах. Так, для Нижнего Новгорода зафиксирован значительно больший масштаб морфологических изменений от XII к XVII в. по сравнению с другими городами северо-восточного региона. Такое же наблюдение было сделано для выборок, относящихся к смоленскому региону.

Изученные выборки из Мурома и Нижнего Новгорода в целом вливаются в общий тренд, характерный для позднесредневекового периода XVI–XVII вв.: более крупные города сближаются между собой по антропологическим характеристикам населения вне прямой зависимости от территориального расположения, а более мелкие провинциальные города остаются на периферии этого процесса.

В то же время мы можем наблюдать некоторые особенности антропологического типа, характерные именно для городов северо-востока русских земель, к которым относятся наши выборки: вероятно, в их антропологических характеристиках прослеживаются следы смешения с финно-угорскими группами коренного населения этих мест.

В дальнейшем полученные результаты будут с необходимостью уточняться, поскольку археологические работы на могильнике в Нижнем Новгороде продолжаются.

Литература

- Алексеев В. П.*, 1969. Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М.: Наука. 325 с.
- Алексеев В. П., Дебец Г. Ф.*, 1964. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука. 128 с.
- Алексеева Т. И.*, 1973. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М.: Изд-во МГУ. 332 с.
- Алексеева Т. И.*, 1989. Проблема биологической адаптации и охрана здоровья населения // Антропология – медицине. М.: Изд-во МГУ. С. 16–36.
- Газимзянов И. Р., Макарова Е. М.*, 2012. К антропологической экспертизе черепов из храма «Во имя святой великомученицы Параскевы Пятницы» // Актуальные вопросы археологии Поволжья. Казань: ЯЗ. 166–179 с.
- Гончарова Н. Н.*, 2000. Особенности антропологического типа новгородских словен в связи с вопросами происхождения // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Ч. 2 / Отв. ред. Т. И. Алексеева. М.: Старый сад. С. 66–94.
- Гончарова Н. Н.*, 2011. Формирование антропологического разнообразия средневековых городов: Ярославль, Дмитров, Коломна // Вестник антропологии. № 19. С. 202–216.
- Дубов А. И., Дубова Н. А.*, 2000. Антропологическая характеристика четырех краниологических серий с территории города Москвы // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Ч. 2 / Отв. ред. Т. И. Алексеева. М.: Старый сад. С. 130–150.
- Евтеев А. А., Олейников О. М.*, 2015. Археологические и палеоантропологические исследования на Даньславле улице в Великом Новгороде // Российская археология. № 1. С. 136–152.
- Зимица С. Н., Гончарова Н. Н., Негашева М. А.*, 2019. Изменчивость морфологических признаков под влиянием городской среды у мужчин и женщин // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. № 2. С. 15–25.
- Комаров С. Г., Васильев С. В.*, 2014. Краниологическое исследование группы лиц, погребенных в некрополях на территории Нижегородского Кремля // Вестник антропологии. № 1 (27). С. 93–112.
- Конопелькин Д. С., Гончарова Н. Н.*, 2016. Сравнительный краниологический анализ восточноевропейских городских и сельских выборок XVI–XVIII вв. // Российская археология. № 2. С. 75–87.
- Макарова Е. М.*, 2011. Первые поселенцы острова-города Свияжск. К вопросу об антропологическом составе населения // Историко-культурное наследие и современная этнология: материалы конференции молодых ученых. М.: Ин-т этнологии и антропологии РАН. С. 21–32.
- Макарова Е. М., Харламова Н. В.*, 2013. Население Царевококшайска (Йошкар-Олы) конца XVI – середины XVIII вв. по данным антропологии (предварительные результаты исследования) // Интеграция археологических и этнографических исследований: сборник научных трудов. Т. 2 / Под ред. Н. А. Томилова, Иркутск: Изд-во ИрГТУ. С. 82–88.
- Моисеев В. Г., Хартанович В. И., Ширококов И. Г.*, 2012. Краниология позднесредневекового населения Вологды // Антропология. № 3. С. 95–109.
- Пежемский Д. В.*, 2000. Новые материалы по краниологии позднесредневековых новгородцев // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Ч. 2 / Отв. ред. Т. И. Алексеева. М.: Старый сад, 2000. С. 95–129.

- Пежемский Д. В.*, 2012. Первые палеоантропологические материалы из Старой Руссы // Вестник антропологии. № 21. С. 37–48.
- Пежемский Д. В.*, 2013. Новые краниологические материалы по позднесредневековому населению Пскова // Вестник антропологии. № 3 (25). С. 121–126.
- Чернышев В. Я.*, 2006. Социоэкономическая история Мурома XVII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Сведения об авторах

Бабкина Анастасия Дмитриевна, МГУ им. Ломоносова, e-mail: poh.yolla@gmail.com;
Гончарова Наталья Николаевна, МГУ им. Ломоносова, e-mail: 1455008@gmail.com

A. D. Babkina, N. N. Goncharova

**THE POPULATION OF MUROM AND NIZHNIY NOVGOROD IN XVI–XVII:
ANTHROPOLOGICAL CHARACTERISTICS**

Summary. The article discusses two craniological series obtained during archaeological work in Nizhny Novgorod (excavations in the Kremlin) and Murom cities. Both series are chronologically related to the XVI–XVII centuries.

Based on a comparative analysis with other materials from the region, both series show a tendency to brachycephalization and macroscopic skull, which is specific to the urban population. This process is also an epochal trend.

Based on the results of comparison with a wider range of craniological samples from the territory of European Russia, the studied series are integrated into general microevolutionary trends. According to the multidimensional scaling results, there is a convergence of craniological characteristics of city population, observed regardless of the territorial location.

At the same time, the population of the northeastern cities demonstrates a distinctive set of signs, which is most likely associated with the influence of the local pre-Slavic substrate.

Keywords: craniology, paleoanthropology, microevolutionary processes, brachycephalization, urban population, north-eastern European Russia

Е. А. Турова

ПРОДОЛЖЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ДВОРЦОВОГО КОМПЛЕКСА АЛЕКСАНДРОВСКОЙ СЛОБОДЫ В 2019 г.

Резюме. Археологическими исследованиями Древнерусской экспедицией Государственного Эрмитажа на территории юго-западного участка соборной площади древней Александровской Слободы в 2019 г. раскрыты остатки двух каменных палат великокняжеской и царской резиденции, датируемых началом XVI в и 1570-ми гг. Впервые археологически исследованы остатки парадных сооружений, которые упомянуты в чинах и разрядах свадеб Ивана Грозного и царевича Ивана Ивановича и могут быть соотнесены с изображениями на гравюрах И. Т. де Бри из издания записок Я. Ульфельда 1578 г.

Ключевые слова: археология, Государственный Эрмитаж, Александровская Слобода, древнерусская архитектура XVI в., большая каменная палата.

Изучение Александровской Слободы ведется Древнерусской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа с 2005 г. по настоящее время.

До 2015 г. исследования преимущественно проводились на участке между ц. Успения и надкладезной палаткой XVIII в., соотносимом с территорией «царицына двора».

В 2015 г. прирезкой 12 раскопа 1 были начаты работы в центральной части резиденции между Распятской колокольней и настоятельским домом, в юго-западной части существующего пространства соборной площади (Турова, 2018а. С. 125. Рис. 1).

Место раскопок было выбрано исходя из предполагаемого направления переходов от ранее исследованной нами палаты на царицыном дворе к неизвестному сооружению к западу от палаты. Два столба этого перехода раскрыты М. В. Фроловым в 2000 г.

В раскопе площадью 24 м², поврежденном тремя линиями водопровода и двумя теплотрассами (одна действующая), удалось выявить частично поврежденные заливки желтовато-серым известковым раствором, продолжавшиеся более чем на

2 м ниже предполагаемой отметки материка. В углу раскопа был раскрыт небольшой фрагмент валунной забутовки на более прочном растворе. Почти вертикально пролитые по поверхности этой забутовки слои заливки позволили предполагать, что фрагмент является участком бутовой кладки разобранной стены подвального помещения в месте расположения дверного или оконного проема.

В 2017 г. прирезкой 13 с частичным перекрытием раскопа 2015 г. на той же площадке был раскрыт участок почти полностью разобранной юго-западной стены заглубленной каменной постройки и внутреннего пространства подвала, глубиной 4 м, полностью забутованного многослойными заливками известковым раствором и строительным мусором (рис. 1, 2).

Трасса стены, прослеженная на 8,3 м, маркировалась на протяжении более 3,5 м стенкой котлована фундамента с остатками известкового раствора, сохранившего отпечатки прилежавших к ней белокаменных квадров.

Снаружи сохранился фрагмент лицевой белокаменной кладки стены с участком лицевой поверхности в просвете дверного проема входа в подвал.

Центральную часть раскрытого участка стены с внутренней стороны занимала валунная кладка, поверхность которой была залита очень прочным известковым раствором. Кладка выступала в пространство подвального помещения и заняла большую часть доступной площади раскопа. На поверхности выступа сохранились остатки песчано-глинистой слоистой забутовки, вероятнее всего, представлявшей собой забутовку внутренней лестницы в подвал.

К северо-западу от основания внутренней лестницы, на участке длиной немного более метра удалось зафиксировать валунную кладку стены подвала со следами примыкания разобранной белокаменной тетивы лестницы. Облицовка стены со стороны интерьера подвала оказалась полностью разобранной. Очевидно, это произошло на этапе разрушения здания, перед забутовкой подвала.

Толщина юго-западной стены палаты без облицовки на этом участке – около 3,1 м, предполагаемая с облицовкой – не менее 3,5 м. Отметка верха субструкций, соответствующая основанию пола подвала, на 0,2–0,3 м выше соответствующих отметок других археологически исследованных подвальных помещений.

Техника кладок, по отдельным характеристикам, не очень качественная, при значительной степени разрушения, судя по позднейшим перекопам заливок, – неоднократно, не давала возможности однозначной датировки.

Не оправдались надежды на датировку кладки по форме субструкций. Канал единственной обнаруженной на участке сваи, в основании стены, оказался частично разрушенным, и определить форму ее сечения как прямоугольную или круглую не удалось.

В створе дверного проема снаружи от стены было зафиксировано прямоугольное основание кладки в виде площадки около 1,5 × 1,5 м, к которому примыкали глиняные забутовки, первоначально атрибутированные как площадка и забутовка в конструкции наружного крыльца палаты.

Участок пространства снаружи стены, на уровне основания надземной части кладки, содержал чередующиеся линзы подсыпок отесов белого камня и цемяночной крошки. Аналогичные подсыпки с проливками небольшим количеством известкового раствора фиксировались в 2007–2012 гг. у стен построек, датируемых

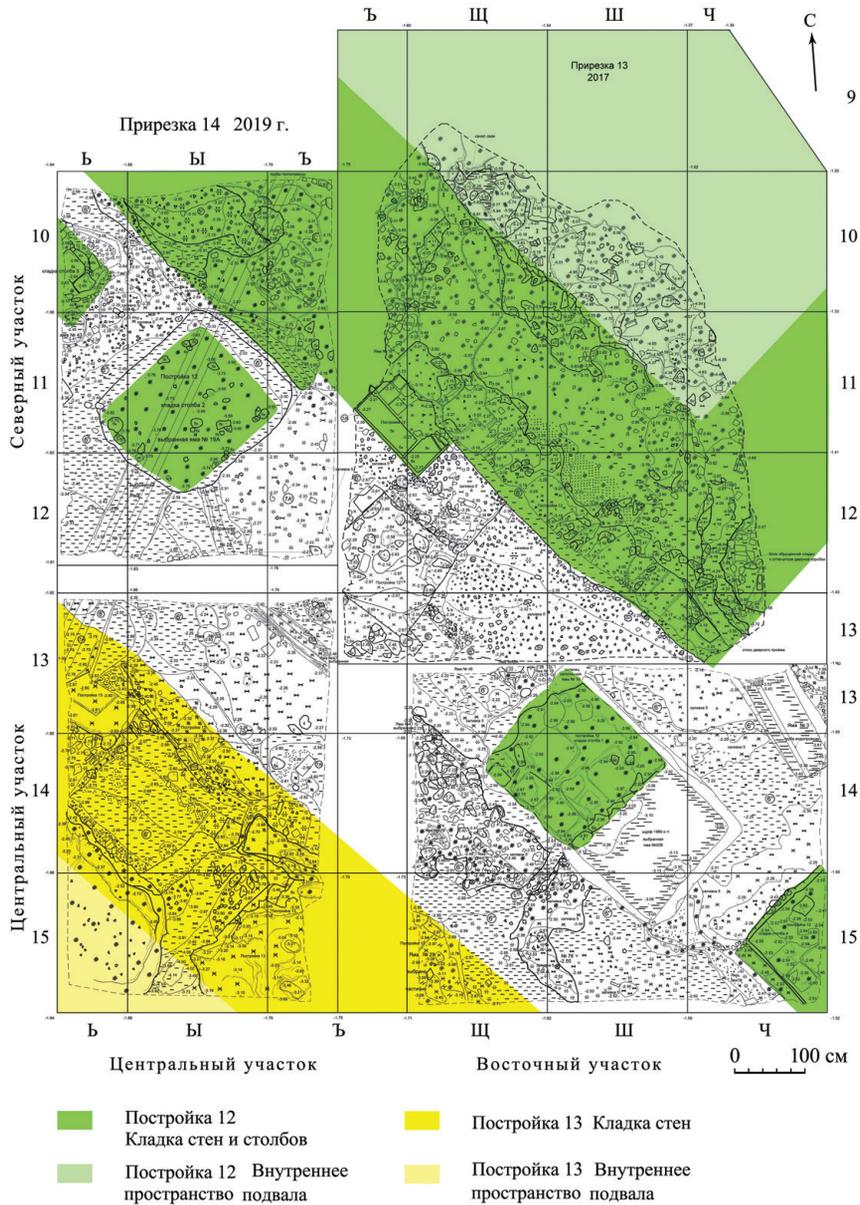

Рис. 1. Александровская Слобода. Раскоп 1. Прирезки 13 и 14. Совмещенный план раскопанных сезонов 2017 и 2019 гг. на территории юго-западного участка соборной площади. Кладки нижних частей стен и наружных столбов построек 12 и 13. Начало XVI в., ок. 1575 г. Фиксация площадки раскопа на уровне поверхности частично сохранившихся строительных нивелировок 1570-х – 1610-х гг. Обмеряли В. Фомичева, М. Доготер, М. Мурзина, А. Ахвердян, А. Ахокос

Рис. 2. Александровская Слобода. Раскоп 1. Прирезка 13. Кладка основания юго-западной стены и южного угла постройки 12. Остатки дверных проемов входов в подвал и основания ведущей в подвальное помещение лестницы. Вид с северо-востока

началом XVI в., но этой технологической характеристики для однозначной датировки постройки было недостаточно.

В юго-восточном углу раскопа были зафиксированы два нижних ряда белокаменной кладки внутреннего откоса дверного проема перпендикулярной стены здания. Здесь же зафиксирован обрушившийся под тяжестью заливаемого в проем раствора фрагмент штукатурной притолоки двери с участком бутовой кладки стены и отпечатком деревянной дверной коробки. Местоположение откоса и направление заливки раствором, имеющее крутой угол падения, точно маркировали перпендикулярно расположенную стену здания и обозначили южный угол палаты.

Были зафиксированы обрушенные в подвал участки полубутовой кладки юго-восточной стены, основание которой треснуло от обрушения.

Следы разборки стен, уже после забутовки подвала, были четко зафиксированы, но, вследствие позднейших перекопов, датировке не поддавались.

Здание по местоположению было атрибутировано как большая каменная палата, упомянутая в свадебных чинах второй половины XVI в. (Турова, 2018б. С. 203–208).

Прирезка 14 (2019 г., вплотную к раскопу 2017 и 2015 гг.) ставила целью исследование ближайшего участка, прилегающего к южному углу большой пала-

Рис. 3. Александровская Слобода. Раскоп 1. Прирезка 14. Общий вид раскопа после окончания работ. Участок фундаментного рва юго-западной стены постройки 12 с остатками бутовой кладки. Кладка участка северо-восточной стены и лестницы в подвальное помещение постройки 13. Кладка оснований каменных столбов площадки между палатами. Столбовые ямы от деревянных столбов, предшествовавших каменным

ты, на предмет выявления конструкции крыльца, наличия или отсутствия галерей (рис. 1, 3)

Как и в предшествующие сезоны, участок предсказуемо поврежден трассами двух водопроводов, действующей теплотрассой и трассами двух кабелей телефона. Поздние перекопы в основном сформированы переотложенным печным и строительным мусором XVIII–XIX вв. Ниже зафиксирована поверхность многослойной заливки по мелкому и крупному строительному мусору, мощностью до 0,8 м, выполненной снаружи здания.

Заливка частично повреждена перекопами. На южном участке раскрыт ранее неизвестный шурф, по составу засыпки, вероятнее всего, относящийся к работам В. П. Глазова рубежа 1980-х гг. Разборка заполнения шурфа позволила выйти на остатки конструкции фундамента наружного прямоугольного столба обстройки палаты. Закладке шурфа, вероятно, предшествовали землекопные работы, выполненные бульдозером, вследствие чего часть заполнения фундаментной траншеи времени разборки столба оказалась нетронутой. В заполнении шурфа найден фрагмент треугольной белоглиняной плитки пола со светло-зеленой поливой, с прямоугольным гнездом для соединения, датируемый началом XVI в.

Рис. 4. Александровская Слобода. Раскоп 1. Прирезка 14. Центральный участок. Постройка 13. Кладки северо-восточной стены и основания лестницы в подвал. Вид с юго-запада

Рис. 5. Александровская Слобода. Раскоп 1. Прирезка 14. Остатки субструкций – свай прямоугольного сечения в основании фундамента стены постройки 13, раскрытые зондажем в материковой глине

Кладка столба была выбрана в рамках строительных мероприятий не ранее середины XVII – не позднее первой четверти XVIII в. Тогда же была произведена и разборка части юго-западной стены большой палаты. Весьма вероятно, что разборке подвергались уже фрагменты кладок, заметные на поверхности.

В 2019 г. открыт участок юго-западной стены, представляющий наружную часть стены на половину ее толщины. Он сохранился в виде фундаментного рва, частично забутованного строительным мусором с заливкой извести с раствором, частично заполненного переотложенными фрагментами разрушенных заливок и блоков бутовой кладки.

Та же засыпка заполняет фундаментную траншею второго наружного прямоугольного столба, выбранного до основания в ходе тех же работ. Сохранилась заливка подошвы фундамента по верхним частям деревянных субструкций. Прямоугольные каменные столбы располагались на одной линии, в 0,7 м от лицевой поверхности юго-западной стены (или выступающей лопатки обрамления входного проема) большой палаты, на расстоянии 5,6 м друг от друга. Размеры столбов по верхнему обрезу фундамента – 2,40 × 2,04 м и 2,22 × 1,99 м, мощность фундаментов – 1,60–1,66 м.

Разрушение стены и столбов происходило в несколько этапов, последний из которых заключался в разборке остатков уже разрушенного здания и относится к монастырским работам рубежа XVII–XVIII вв.

Предшествующий этап разборки здания связан с устройством мощной заливки известковым раствором снаружи здания. Есть основания отождествлять заливку с попытками постемутных строительно-восстановительных работ еще в рамках существования резиденции и предварительно датировать серединой – второй половиной XVII в. Не исключено, что многослойная забутовка внутреннего пространства подвала большой палаты была выполнена тогда же, но однозначных подтверждений этому пока не получено вследствие многочисленных позднейших ее перекопов.

Заливку подстилают линзы строительного мусора, преимущественно битой черепицы и терракотовых плиток пола со следами раствора, развала известковых растворов, щебня кирпича и белого камня, реже – фрагменты штукатурок, в т. ч. фресок, отложившиеся уже после разрушения палат.

Заливка перекрывает поверхность кладки еще двух столбов ромбической формы, расположенных на линии с прямоугольными столбами, но не строго симметрично, а немного ближе и немного дальше от здания. Кладки столбов вошли в границы раскопа частично.

Столбы разобраны заподлицо с дневной поверхностью времени устройства заливки. Очевидно, что на момент завершения заливки столбы уже не существовали, но были видны на поверхности, что спровоцировало их последующую полную разборку и одновременную повторную разборку сохранявшихся нижних частей стен уже разобранных каменных строений на той же площадке.

Уровень дневной поверхности последнего периода существования палат маркирован подстилающей заливку прослойкой желтовато-серого суглинка, мощностью 4–8 см. На восточном участке раскопа 2019 г. на поверхности прослойки вокруг столбов выявлены отпечатки наружного дощатого мощения по проливке тонкого слоя белого известкового раствора. Прослойка перекрывает каменные выкладки в уровне верхнего обреза фундаментов выбранных каменных столбов и маркирует окончание строительных работ, связанных с возведением столбов и корректировкой наружной линии юго-западной стены большой палаты. Датировка этой прослойки определяется двумя монетами (рис. 6), одна из которых – курляндский шиллинг 1575 г. без следов длительного хождения – особенно примечательна. Чин свадьбы Ивана Васильевича и Анны Васильчиковой, произошедшей в 1575 г. в Александровской Слободе, упоминает большую новую каменную палату, в которой и происходило главное торжество. (Чин бракосочетания..., 1900. С. 2; Турова, 2018б, С.205).

Разборка залегающих ниже напластований дала возможность зафиксировать особенности фундаментных конструкций столбов и части стен большой палаты и строительных технологий, использованных при их возведении.

Фундаменты столбов впущены в траншеи подпрямоугольного профиля. Верхние участки субструкций, выступающие над поверхностью дна фундаментной траншеи, засыпаны мелким кирпичным щебнем, мощностью до 20 см, с проливкой известковым раствором. В нижних частях фундаментов прямоугольных столбов ряды валунов чередуются с выравнивающими подсыпками кирпичного щебня. Во внутренних участках кладки зафиксированы отпечатки подпрямоугольной формы от утраченных белокаменных блоков. В кладке столбов ромбической

Рис. 6. Александровская Слобода. Находки с участка. Прирезка 14 раскопа 1: 1 – фрагмент терракотового архитектурного профиля с пальметтой. Начало XVI в.; 2 – монета серебряная шиллинг, Герцогство Курляндское, 1575 г.; 3 – монета серебряная «КНЗЬ ВЕЛИКИ И ГДРЬ ВСЕА РУСИ» 1533–1547 гг. (1 – из верхних горизонтов предматериковых напластований, под нивелировками, маркирующими первые строительные мероприятия на участке; 2, 3 – из нивелировки, маркирующей окончание строительства постройки 12 и столбов площадки между постройками 12 и 13)

формы подсыпки кирпичного щебня зафиксированы только в основании фундаментов.

Верхние части фундаментов столбов клались открытым способом. Несмотря на утрату кладки, для прямоугольных столбов такая техника находит подтверждение в зафиксированных за пределами выбранного абриса фундамента каменных выкладках, составляющих единый массив с фрагментами кладки, сохранившимися на стенках фундаментной траншеи.

Площадка вокруг столбов, на уровне верхних горизонтов фундаментной кладки, выравнивалась при помощи брусьев прямоугольного сечения, уложенных в качестве горизонтальных «маяков». Пространство между брусьями частично заполнено выкладками из мелких валунов и булыжника, иногда с включениями крупного щебня кирпича и обломков белого камня, частично забутовано переотложенной материковой глиной с проливкой сверху и снизу известковым раствором, местами по подсыпкам – песка, кирпичной крошки и отесам белого камня. После окончания забутовки брусья изымались из кладки, образовавшиеся пустоты заполнялись глиной, щебнем кирпича и белого камня, частично заливались раствором. Неровности площадки окончательно нивелировались переотложенной материковой глиной и

перекрывающей ее заливкой известковым раствором, местами – двухслойной по отесам белого камня и по подсыпкам кирпичной крошки.

В кладке ромбических столбов верхний обрез фундамента частично (на не поврежденных при разборке участках) перекрыт глиняной нивелировкой, возможно служившей и для гидроизоляции по верхнему обрезу. Контур фундаментных кладок ниже нивелировки корректировался до правильной формы прикладками плоских обломков белого камня, поставленными вдоль граней кладки на ребро. Прикладки выполнены почти насухо, щели заполнены подсыпками под финишную заливку и глиной нивелировки, местами – с небольшой проливкой раствором, визуально идентичным раствору основного массива, что позволяет с уверенностью говорить об исправлениях в процессе строительства.

На площади раскопа в уровне верхних частей фундаментов столбов и юго-западной стены большой палаты зафиксировано два слоя нивелировки, сформированной переотложенной материковой глиной, представлявшей собой выброс из фундаментных траншей. Мощность верхнего – 0,05–0,18 м, нижнего – 0,27–0,44 м. Нижнюю границу нивелировок подстилают технологические заливки светлым желтовато-белым известковым раствором со значительным содержанием речного песка, местами раствор пролит по подсыпкам из отесов белого камня и крошки кирпича. При разборке технологической заливки по поверхности нижнего горизонта глиняной нивелировки найден фрагмент бывшего в употреблении печного красноглиняного изразца со светло-серым ангобом, с изображением двуглавого орла, возможно украшавшего разрушенную палату-предшественницу.

В раскопе 2019 г. продолжено раскрытие юго-западной стены большой палаты, прослеженной на длину 5,6 м. В границы раскопа вошел наружный участок стены на ширину около 2,80 м, при полной ширине около 4,0 м.

Стена сохранилась в виде фундаментного рва с участками бутовой кладки *in situ*, частично заполненного переотложенными фрагментами заливок и блоков бутовой кладки, отложившихся в период разборки нижних частей стены и столбов.

Нивелировка переотложенной материковой глиной, зафиксированная вокруг столбов, понижается, равномерно заполняя наружный участок котлована стены большой палаты. В заполнении котлована глиняная нивелировка, в среднем горизонте, дополнительно «армирована» тонкими (до 5 мм) проливками качественного однородного прочного известкового раствора. Линия начала понижения совпадает с линией вертикальной лицевой поверхности сохранившегося в раскопе 2017 г. участка наружной белокаменной облицовки юго-западной стены. Таким образом, размер котлована скорректирован снаружи материковым выбросом в сторону уменьшения на ширину полосы в 0,9 м в той части, которая не занята кладкой.

При разборке нижнего горизонта заполнения фундаментной траншеи, сформированного переотложенной материковой глиной, найдена монета чешуйка твердое пуло.

На заключительном этапе работ эта часть площади котлована выровнена двухслойной заливкой раствором по отесам белого камня и кирпичной крошке, как и остальная площадка. Основанием под наружную облицовку стены в котловане слу-

жит не кладка, а в нижнем горизонте – опускающийся на дно котлована материковый выброс, мощностью до 0,9 м, включая переотложенные «блоки» грунта, содержащие материковую глину и сохранившие стратиграфию предматериковых напластований, а в верхнем – довольно рыхлая по структуре забутовка, образованная заливкой белым известковым раствором с довольно большим содержанием речного песка по крупным обломкам кирпича и белого камня, мощностью от 0,6 м – у наружной границы стены, до 1,20 м – ближе к линии задней границы внешней облицовки стены (зафиксирована только в раскопе 2017 г.).

После раскрытия верхних участков фундаментных кладок ромбических столбов стало очевидно, что, несмотря на близость формы, эта кладка очень сильно отличается от имевших ромбическую форму столбов белокаменных переходов, раскрытых в 2007–2008 гг. и датировемых началом XVI в.

Размер углов ромба столбов большой палаты $100\text{--}105^\circ$ к $80\text{--}85^\circ$, у столбов переходов это соотношение 120° к 60° .

Столбы переходов имели мощные, геометрически почти безупречной формы, прямоугольные основания – фундаменты, сложенные из белокаменных квадратов на очень прочном однородном растворе, с дубовыми субструкциями прямоугольного сечения (10×10 см). Используемый в верхних горизонтах кладки в качестве горизонтальных «маяков» деревянный тесаный брус из кладки не изымался, а выравнивающие подсыпки были уложены ровными горизонтальными слоями.

Кладка ромбических столбов в раскопе 2019 г., технологически неряшливая, с многочисленными неоднородными корректирующими докладками в верхних частях, не имеет в основании никаких дополнительных конструкций, выходящих за пределы абриса надземной плановой конфигурации, фундамент сложен не из пригнанных белокаменных блоков, а в бутовой технике, его формы далеки от строго геометрических.

Кладка столбов и основания стены большой палаты, зафиксированного на участке раскопа 2019 г., а также участка наружной облицовки стены (2017 г.) выполнена в рамках одного строительного мероприятия и может быть отнесена ко времени около 1575 г.

Датировка кладки основания стены со стороны подвального помещения, требует дополнительного исследования. Зафиксированные в 2019 г. корректирующие забутовки в наружной части котлована могут быть как следствием изменений в процессе строительства, так и следствием радикальной перестройки уже существовавшего здания.

Траншеи фундаментов столбов и стены большой палаты впущены с уровня поверхности многослойного перекопа, включающего переотложенные предматериковые напластования.

Перекоп сформировался при выборке и затем засыпке нескольких столбовых ям под круглые деревянные столбы, диаметром от 35 до 50 см (отпечатки прочитались на дне ям). Три из них расположены в одну линию, повторяя положение возведенных позднее каменных столбов (рис. 3). В заполнении одной из ям найден фрагмент терракотового изразца с орнаментом в виде жгута ренессансной стилистики, со следами нагара на обороте зеркала. Значительная просадка строительных нивелировок в верхние горизонты заполнения ям свидетельствует о том, что изъ-

ятие деревянных столбов произошло непосредственно перед началом постройки каменных столбов.

В этом контексте представляется существенным, что постройке новой большой палаты каменной, упомянутой в чине и разряде свадьбы Ивана Васильевича 1575 г., предшествовало упоминание в чинах свадьбы Ивана Васильевича и Ивана Ивановича 1571 г. палаты большой новой деревянной, просуществовавшей около пяти лет (Свадьба государя царя и великого князя..., № 16.15.15. Л. 159 об., 162–163, 169–169 об.; *Турова*, 2018б. С. 203–206).

На центральном участке раскопа 2019 г. раскрыты остатки основания северо-восточной стены другой, ранее не известной, заглубленной каменной постройки, получившей наименование постройки 13 (рис. 1, 3, 4), сохранившиеся в виде участков кладки из белокаменных квадров на однородном желтовато-белом качественном прочном известковом растворе и участков бутовой кладки с использованием белого камня неправильной формы, лицевой ряд утрачен как снаружи, так и изнутри. Стена ориентирована параллельно юго-западной стене большой палаты и расположена в 4,6 м от нее. Стена прослежена на расстоянии около 7,3 м, толщина стены без белокаменной облицовки – около 3,0 м. На участке длиной 2,6 м выявлена СЗ граница бутовой кладки, в которой можно с осторожностью предполагать внутреннюю границу юго-восточной стены той же постройки.

Фундамент палаты впущен с уровня верхней границы прослойки предматерикового серого золистого суглинка, в верхнем горизонте которого найден фрагмент терракотовой порезки с пальметтой ренессансной стилистики, без следов использования в кладке (рис. 6).

По всей толщине юго-восточной стены постройки 13 расположен равномерно понижающийся внутрь здания подпрямоугольной формы массив многослойной забутовки, мощностью до 1,2 м, шириной около 2,3 м, образованной слоями переложной материковой глины, щебня белого камня и линзами речного песка, на поверхности массива зафиксирована кладка из мелких валунов и кирпичича, образующая уступы глубиной 0,3–0,4 м, высотой 7–8 см.

Массив представляет собой остатки лестничного марша спуска в подвал. Поверхность кладки стены в основании массива находится на 0,8–0,9 м ниже отметки материка. Лестничный марш возобновлялся при возведении большой палаты. Основанием для ступеней новой лестницы стала глиняная подушка, единая с нивелировкой времени строительства столбов. Тогда же устроена новая верхняя площадка лестницы перед входным проемом, сменившая кирпичное мощение (зафиксировано три кирпичича вдоль наружной границы стены).

Раскрыто основание кладки западного откоса дверного проема, расположенного, как и лестничный марш, точно напротив входа в подвал большой палаты. Устроенные на одной оси входы в подвалы двух палат разделяла линия столбов.

Глубину подвального помещения установить не удалось. Оно вошло в пределы раскопа на площади менее 4 м² и оказалось занятым блоком заливки площадки лестницы, съехавшим в заглубленную часть постройки во время окончательной разборки и забутовки нижней части здания (рис. 4).

Заполнение подвала образовано многослойным печным и строительным мусором, включающим линзы печины, печного мусора, насыщенного фрагментами

кухонной и архитектурной керамики, развала строительных растворов, кирпичного щебня, углистой супеси. Идентичные по составу засыпки, датируемые фрагментами изразцов и гончарной керамики рубежом XVII–XVIII в., но включающие линзы более раннего строительного и иного мусора, уже фиксировались на исследованных в 2005–2015 гг. остатках заглубленных построек. Они выполнялись при крупных работах в монастыре в первой четверти XVIII в.

По верхней границе засыпки постройки 13 было не ранее первой четверти XIX в. устроено дощатое мощение.

В числе находок из финальной засыпки подвала – изразцы и посуда второй половины XVII в., а также, предположительно, более ранние, возможно, датируемые периодом существования резиденции. Это изразцы с коробчатой румпой и гладким зеркалом и миниатюрный белоглиняный поливной ковшик с ручкой, декорированной изображением единорога, имитирующий драгоценный металлический.

После выхода на уровень материка были исследованы субструкции прямоугольных столбов и ромбического столба на восточном участке. В подбивках были выявлены по два канала деревянных свай, круглой формы, длиной до 60 см, диаметром 14–15 см, что дает дополнительный аргумент для датировки их грозненским временем.

В подбивке к кладке нижней части северо-восточной (?) стены постройки 13 раскрыты две сваи прямоугольного сечения, размером 10 × 12 см, длиной около 70 см (рис. 5). Такие характеристики субструкций дают дополнительное основание относить их к деятельности мастеров-итальянцев и связывать со строительством периода возникновения резиденции.

Работы Древнерусской экспедиции ГЭ сезона 2019 г. продолжили исследование открытой в 2015–2017 гг. большой каменной палаты, раскрыв участок юго-западной стены, вероятнее всего, выходящего на соборную площадь ее главного фасада. Положение и масштабы постройки позволяют считать здание большой палатой, упомянутой в свадебных чинах Ивана Грозного и Ивана Ивановича (аналогом кремлевской Грановитой палаты). Находками монет, терракотовых и белокаменных деталей декора и технико-технологическими характеристиками кладок, а также стратиграфически постройка может быть датирована 1570-ми гг., с учетом данных свадебных чинов – около 1575 г. Раскрыты основания каменных столбов вдоль юго-западного фасада палаты. По итогам сезона они не могут быть атрибутированы окончательно, поскольку являются частью более масштабной архитектурной конструкции. Однозначно можно говорить о том, что прямоугольные столбы поддерживали площадку галереи у южного угла здания, являющуюся общей для двух палат и организовывающую проход в оба здания со стороны парадной площади. Столбы ромбической формы, возможно, являлись частью конструкций крылец.

Раскопками раскрыта небольшая часть ранее неизвестного каменного здания с заглубленным подвальным помещением, постройку которого по технико-технологическим и стратиграфическим характеристикам следует отнести к периоду возникновения великокняжеской резиденции и предварительно датировать началом XVI в. Это здание было отремонтировано одновременно с постройкой боль-

шой палаты, в 1570-е гг. и соединялось с большой палатой общей каменной галереей.

Учитывая данные свадебных чинов, можно предполагать во втором здании столовую палату (избу). (Чин бракосочетания..., 1900. С. 1, 3, 6.; *Турова*, 2018б. С. 205, 208). Обе палаты окончательно разобраны на рубеже XVII–XVIII вв.

Обнаружены детали ранее не встречавшегося терракотового и поливного белоглиняного декора ренессансной стилистики, датируемые началом XVI в. Представляется важным выявление остатков столбовых конструкций, в которых можно уверенно признать конструкции временной деревянной большой палаты.

Раскрытие палат в центральной части великокняжеской резиденции позволяет впервые соотнести результаты исследований последних лет с письменными источниками и выполнить попытку первой гипотетической реконструкции топографии дворцового комплекса великокняжеской резиденции. Существенно уточняются данные по топографии ее главной соборной площади, государева и царицына дворов.

Впервые археологически выявлены постройки, которые с высокой долей вероятности могут быть соотнесены с изображениями большой палаты на гравюрах И. Т. де Бри из издания записок Я. Ульфельда 1578 г.

Литература

- Назаров В. Д.*, 1976. Свадебные дела XVI в. // Вопросы истории. № 10.
- Свадьба государя царя и великого князя Ивана Васильевича Всея Руси а выбрал за себя Васильева дочь Собакину Марфу октября 7080 году // Библиотека Академии наук. Отдел рукописей. № 16.15.15.
- Турова Е. А.*, 2018а. Александровская Слобода. Каменные палаты начала XVI века на Царицыном дворе (по результатам раскопок Древнерусской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2008–2015 гг.) // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 82 / Отв. ред. Н. А. Макаров, сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН. С. 124–140.
- Турова Е. А.*, 2018б. Перестройки дворца в Александровской Слободе при Иване Грозном по данным археологических исследований Государственного Эрмитажа 2005–2015 гг. // Эпоха Ивана Грозного и ее отражение в историографии, письменности, искусстве, архитектуре: сборник материалов всероссийской с международным участием научно-практической конференции (16–17 октября 2017 года, г. Александров). Т. 2. Владимир. С. 195–209.
- Чин бракосочетания царя Ивана Васильевич с царицею Анною Васильчиковых (7083/1575 г.) // Известия русского генеалогического общества. 1900. Т. 1. Отд. 3, с. 1–13.

Сведения об авторе

Турова Екатерина Алексеевна, ООО «Еврогрупп», e-mail: e.turowa@yandex.ru

E. A. Turova

**CONTINUATION OF THE ARCHAEOLOGICAL RESEARCH OF THE GRAND
CHAMBER OF THE PALACE COMPLEX OF THE ALEXANDROVSKAYA
SLOBODA IN 2019**

Summary. Archaeological research by the old Russian state Hermitage expedition on the territory of the South-Western section of the Cathedral square of the ancient Alexander Sloboda in 2019 revealed the remains of two stone chambers of the Grand Ducal and Royal residence, Dating from the beginning of the XVI century and the 1570s. For the first time, the remains of ceremonial structures that are mentioned in the ranks and categories of the weddings of Ivan the Terrible and Tsarevich Ivan Ivanovich and can be correlated with the images on engravings by I. T. de Brie from the 1578 edition of the book by Jacob Ulfeld have been studied archaeologically.

Keywords: archaeology, the State Hermitage Museum, Alexandrovskaya Sloboda, old Russian architecture of the XVI century, Grand stone chamber

МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

И. Е. Зайцева¹

ДРЕВНЕРУССКИЕ ШУМЯЩИЕ ЗООМОРФНЫЕ УКРАШЕНИЯ ИЗ РАБОТ СУЗДАЛЬСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ РАН

Резюме. Целью исследования является систематизация и введение в научный оборот находок шумящих древнерусских зооморфных украшений из коллекции предметов, полученной в результате новейших работ Суздальской археологической экспедиции Института археологии РАН (67 предметов). Сделаны типологические описания находок. Трасологическим методом на основе оптической микроскопии определена технология изготовления изделий.

Находки подвесок-уточек и подвесок-коньков со следами использования и отдельных привесок от них на многих сельских памятниках позволяют утверждать, что зооморфные украшения носились жителями Ополья в повседневной жизни, а не были деталью погребального костюма. На основе привлечения широкого круга аналогий определены хронологические рамки бытования этих предметов: от конца XI до второй половины XIII – XIV в. Временем их наибольшей популярности были XII–XIII вв.

Представляется, что древнерусские зооморфные шумящие украшения Суздальского Ополья не являются типологическим продолжением многочисленных в регионе мерянских шумящих украшений X–XI вв. Древнерусские подвески заметно отличаются от мерянских как технологически, так и стилистически. В Ополье представлены как типы уточек и коньков, получивших распространение на всей территории Северной Руси, так и региональные (плоские петушки), являющиеся продукцией местного ремесла.

Ключевые слова: Древняя Русь, Суздальское Ополье, шумящие украшения, зооморфные подвески

Введение. За 19 лет работ Суздальской археологической экспедиции Института археологии РАН (2001–2019 гг.) в ходе обследования средневековых сельских поселений Суздальского Ополья в верхнем распахиваемом слое при помощи металлодетектора собрано 13553 индивидуальные находки. Они обнаружены на 294 поселе-

¹ Работа подготовлена в рамках выполнения коллективной плановой темы № АААА-А18-118021690056-7.

ниях округа Суздаля, Юрьева-Польского и Переславля-Залесского. 4683 предмета (34,5 %) из них сделаны из цветных металлов и серебра. Систематизация и введение в научный оборот этой обширной коллекции, являющейся в настоящее время одним из крупнейших региональных собраний археологических артефактов, стало задачей всех сотрудников экспедиции.

Одной из самых многочисленных групп в коллекции находок среди предметов из цветных металлов являются шумящие украшения финно-угорских и древнерусских типов и их фрагменты: около 800 находок, происходящих с разных памятников. Преобладают финно-угорские украшения. Преимущественно это обломки цепочек и привески: колоколовидные, бутылковидные, лапчатые. Находок самих подвесок немного: это фрагменты коньков «владимирского» типа, треугольные, прямоугольные, круглые, трубчатые, полутрубчатые и перстневидные подвески. Довольно многочисленны украшения обуви, представленные в основном одно- и двуспиральными пронизками и подвесками. Большинство предметов имеют аналогии в финно-угорских древностях и с большой долей уверенности связываются с мерянским автохтонным населением региона (Зайцева, 2019; Зайцева, Зеленцова, в печати).

Отдельную группу составляют зооморфные шумящие украшения древнерусских типов. Это подвески-коньки и подвески-уточки, а также привески к ним. Работа посвящена детальному рассмотрению этих находок.

Памятники и находки. Собранная экспедицией коллекция древнерусских зооморфных шумящих украшений и их фрагментов насчитывает 66 предметов: 23 подвески и 43 привески к ним. Находки собраны на 30 сельских поселениях Суздальского и Юрьевского Ополя: Мордыш 1 (3 находки), Черниж 2 (6 экз.), Михали 3 (7 экз.), Михали 4, Павловское 2 (2 экз.), Тарбаево 5 (5 экз.), Суворотское 8 (2 экз.), Суворотское 1 (2 экз.), Теренево 1 (4 экз.), Новгородское 1 (4 экз.), Васильково 1, Турабьево 2, Гостево 1, Улово 1 (2 экз.), Спасское городище 6, Спасское городище 7, Кистыш 3 (3 экз.), Вишенки 3, Кибол 3, Кибол 11, Поганое озеро 1, Крапивье 6, Вышеславское 3, Вышеславское 5 (2 экз.), Вышеславское 18 (2 экз.), Осовец 2, Сорогужино 2, Сорогужино 5, Веска 1 (2 экз.), Григорово 3, и одном курганном и грунтовом могильнике (Гнездилово 12). Памятники располагаются в разных частях Ополя – от поселений у с. Суворотское в южной части этого региона (окрестности современного г. Владимира), до Большого Давыдовского 2, входящего в Шекшовский комплекс памятников, располагающийся на притоке р. Ирмез р. Урде и памятников Юрьевского Ополя у деревень Сорогужино, Григорово, Веска на севере (рис. 1).

В этом списке представлены памятники, относящиеся к категории так называемых «больших поселений». Это селища крупных размеров «со следами производственной деятельности, находками предметов, связанных с дальней торговлей, и престижных вещей, а также многокомпонентным характером культуры, включающей элементы, принадлежащие различным этническим традициям» (Макаров и др., 2019. С. 7). Категория памятников была выделена в результате работ экспедиции. Находки шумящих украшений древнерусских типов сделаны на Суворотском 8, Васильково 1, Киболе 3, Тарбаево 5 и могильнике селища Гнездилово 2 Гнездилово 12. Несмотря на то, что временем наибольшего рас-

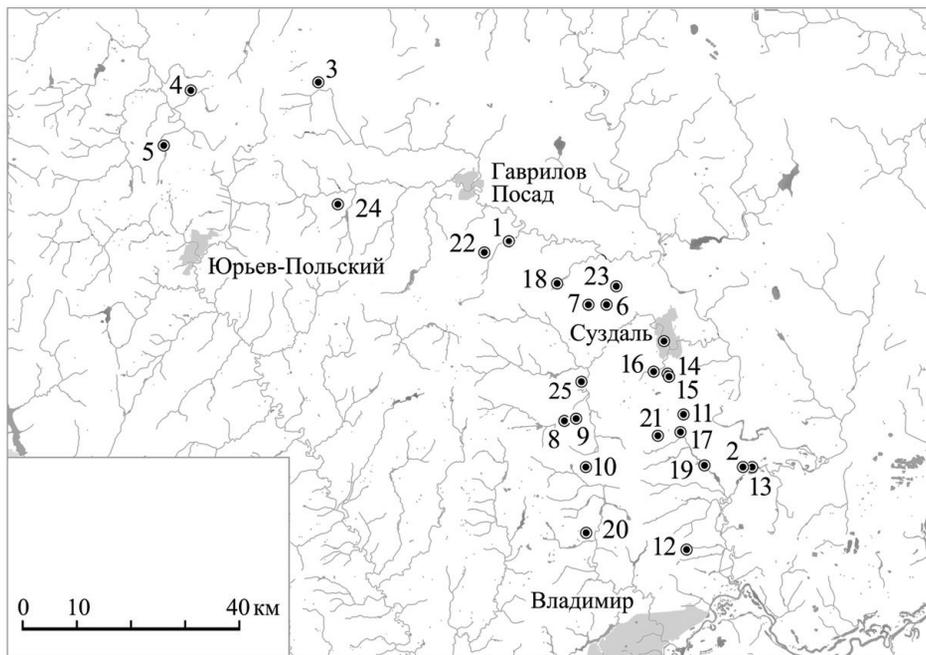

Рис. 1. Памятники с находками древнерусских шумящих зооморфных подвесок из работ Суздальской археологической экспедиции ИА РАН. 1 – Большое Давыдовское 2; 2 – Васильково 1; 3 – Григорово 3; 4 – Веска 1; 5 – Сорогужино 2, 5; 6 – Кибол 3, 11; 7 – Вишенки 3; 8 – Вишенки 3; Вышеславское 3, 5, 18; 9 – Гнездилово 12; 10 – Тарбаево 5; 11 – Спасское городище 6, 7; 12 – Суворотское 1, 8; 13 – Мордыш 1; 14 – Михали 3; 15 – Михали 4; 16 – Черниж 2; 17 – Павловское 2; 18 – Кистыш 3; 19 – Улово 1; 20 – Новгородское 1; 21 – Теренево 1; 22 – Гостино 1; 23 – Поганое озеро 1; 24 – Турабьево 2; 25 – Крапивье 6

цвета «больших поселений» являются X–XI вв., на всех этих памятниках, кроме Гнездилово 2, имеются материалы второй половины XII – первой половины XIII в., представленные разным числом находок (Макаров, 2012; Макаров и др., 2013; 2019. С. 21). Археологические раскопки могильника Гнездилово 12 в сезоне 2020 г. выявили на нем грунтовые погребения, относящиеся ко второй половине XI – первой половине XII в.

Остальные селища с находками шумящих зооморфных подвесок древнерусских типов возникают не ранее второй половины XI в. Большинство собранных на них материалов относится к XII–XIII вв. (Шполянский, 2017; Макаров и др., 2019. С. 10).

Краткий обзор литературы. В 1970–80-е годы Л. А. Голубевой и Е. А. Рябиным были изданы две полные сводки зооморфных украшений, обнаруженных в поселенческих и погребальных памятниках на всей древнерусской территории, разработаны типологические схемы находок, проведена работа по их хронологической атрибуции на основе закрытых комплексов (Голубева, 1979; Рябинин,

1981). В последующие годы в научный оборот вводились новые материалы из раскопок (см., например: *Степанова*, 2009. С. 247, *Рыкунов и др.*, 2010; *Кузнецова*, 2018а,б; *Кузнецова, Григорьева*, 2019; *Энговатова*, 2019. С. 104; *Покровская*, 2010; *Покровская, Тянина*, 2019 и др.). Большинство исследователей использовали существующие типологию и датировку.

В настоящее время зооморфные украшения из Новгорода активно изучаются Л. В. Покровской, рассмотревшей топографию и хронологию этих предметов в хорошо датированных культурных напластованиях города (*Покровская*, 2010; *Покровская, Тянина*, 2019). С. А. Кабатовым и В. Н. Кузнецовой вновь изучены украшения из Костромского Поволжья (*Кабатов*, 2014а, б; *Кузнецова*, 2017). Старые и новые находки с территории лесной зоны Восточной Европы были собраны и проанализированы В. Н. Кузнецовой (767 предметов; *Кузнецова*, 2016; 2018б). Ей разработан новый вариант классификации подвесок. Большое внимание уделено хронологии и территориальному распространению находок, а также стилистике образов и сюжетов.

Описание и типология предметов. Обратимся к детальному рассмотрению суздальских находок. Все они изготовлены из сплавов на основе меди. Технология изготовления украшений определена методом трасологии на основе оптической микроскопии, выполненной на стереомикроскопе STEMI 2000 Zeiss при различных увеличениях.

Подвески-коньки представлены 10 экз. Еще 3 предмета отнесены к этой группе предположительно. 6 изделий, 5 из которых дошли до нас фрагментарно, являются плоскими двухголовыми коньками, имеющими общее прорезное туловище с повернутыми в противоположные стороны двумя головами. Найдены два плоских одноглавых и два полых одноглавых конька. Ни на одной подвеске не сохранились шумящие привески.

На поселении Мордыш 1 обнаружено тулово двухголового конька, имеющее форму трапеции с 5 вертикальными овальными прорезями и округлым отверстием в верхней части для подвешивания (рис. 2: 1; тип VII, вариант 3 по Е. А. Рябину) (*Рябинин*, 1981. С. 21). Размеры фрагмента составляют 20 × 30 × 4 мм. По периметру тулово украшено рубчатым декором. Украшение отлито по оттиску готового изделия в форме с плоской крышкой. Качество отливки невысокое. Е. А. Рябинин приводит данные о 20 экземплярах этого варианта, распространенных в Северо-Восточной Руси и на сопредельных территориях. Датировка по закрытым комплексам погребений и культурному слою Новгорода – XII в. (*Рябинин*, 1981. С. 21).

В. Н. Кузнецова относит подвески в виде двухголовых животных с вертикальными прорезями к типу FII, подразделяя его на варианты по количеству прорезей (4–5–6). Всего на 2016 г. автором насчитывается 45 подвесок всех вариантов. Вариант FII.2 с 5 прорезями встречен преимущественно на памятниках Вологодской области. Две подвески обнаружены в курганах у с. Семухино (Ивановская обл.). Время возникновения варианта В. Н. Кузнецова определяет как первую половину XII в. (*Кузнецова*, 2016. С. 158–163). Нужно отметить, что исследовательница ставит под сомнение уже устоявшееся в литературе определение двухголового животного как конька, видя в некоторых отливках черты левкратов или кошачьих (*Кузнецова*, 2016. С. 160).

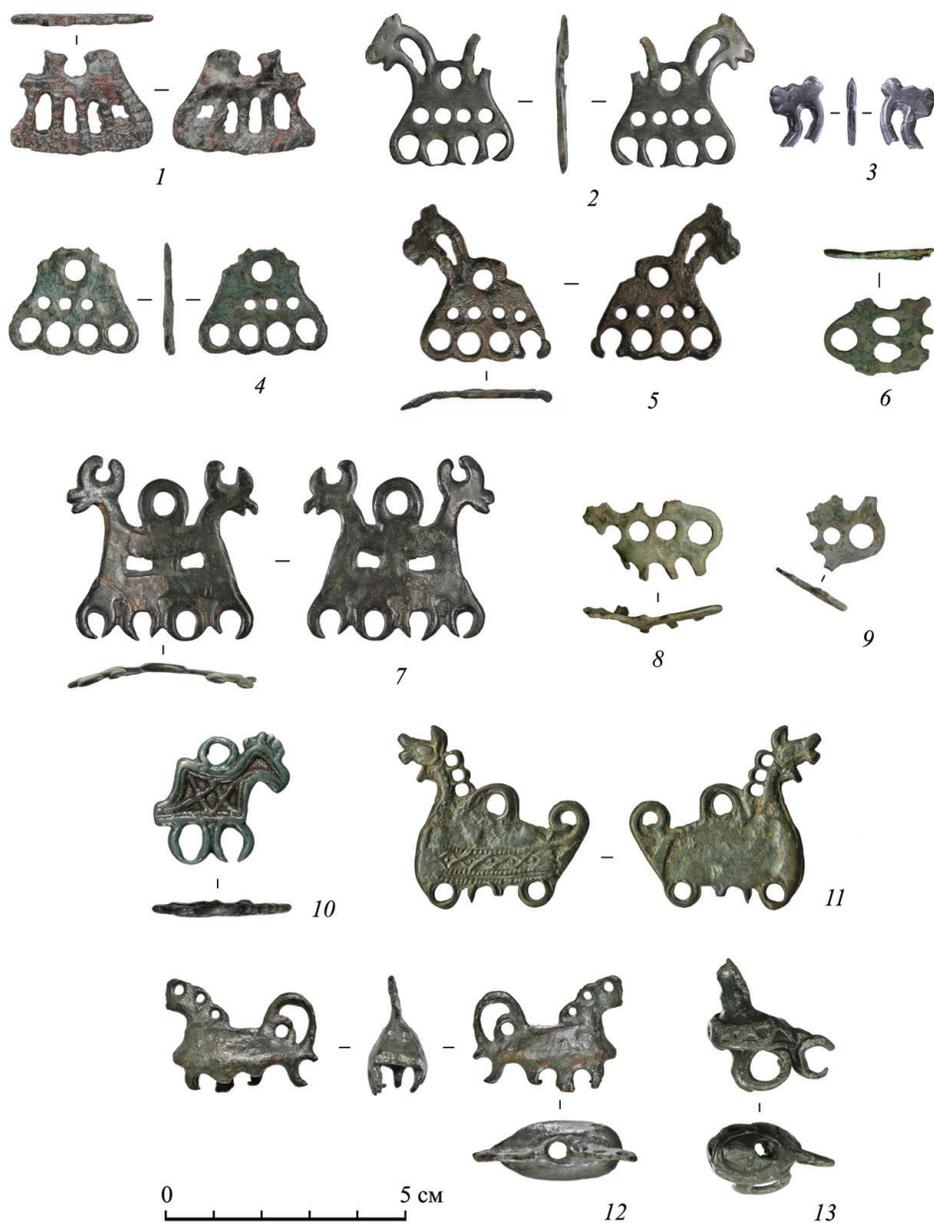

Рис. 2. Бронзовые подвески-коньки. 1, 8 – Мордыш 1; 2 – Павловское 2; 3 – Тарбаево 5, 2019; 4, 7, 9 – Михали 3; 5, 10 – Черниж 2; 6 – Улово 1; 11 – Павловское 2; 12 – Спасское городище 6; 13 – Кибол 11

3 экземплярами представлены двухголовые коньки с трапециевидными основаниями с 3 рядами круглых отверстий (рис. 2: 2, 4, 5). Низы подвесок оформлены в виде ряда из 4 колечек (тип VIIa по Е. А. Рябину; тип G1 по В. Н. Кузнецовой). Подвески собраны на поселениях Черниж 2, Павловское 2, Михали 3. На селище Тарбаево 5 обнаружена головка от такого конька (рис. 2: 3), но она в равной степени может принадлежать и подвеске с овальными прорезями. Подвески размерами $34 \times 28 \times 2$ мм отлиты или по оттиску готовых изделий в двустворчатых формах, или по оттиску в одностворчатых формах с плоскими крышками. Хорошо видны торцевые литейные швы, на которых заметно незначительное смещение рисунка. Качество отливок невысокое. Вероятно, модели для первоначальных отливок были вырезаны из целых пластин воска. У экземпляра из Павловского 2 основания нижних колечек перетерты, т. е. на подвеску были прикреплены шумящие привески.

В каталоге В. Н. Кузнецовой учтено всего 4 такие подвески, одна из которых происходит из Ярополча Залесского (Кузнецова, 2016. С. 575; Рябинин, 1981. С. 22).

На селищах Мордыш 1, Михали 3, Улово 1 найдены фрагменты изделий с рядами круглых и овальных прорезей, возможно являющиеся частями коньковых подвесок с четко выраженным уступом при переходе от туловища к голове (рис. 2: 6, 8, 9). Почти целая такая подвеска из кургана 4 из Иворовой (Костромские курганы) учтена Л. А. Голубевой и Е. А. Рябининым (Голубева, 1979. Табл. 19.6; Рябинин, 1981. С. 104). Обломок от другой с привеской-лапкой происходит из Ярополча Залесского (Седова, 1978. Табл. 6: 16).

С селища Михали 3 происходит подвеска с туловом трапециевидной формы с двумя прямоугольными прорезями (рис. 2: 7). Сверху в центральной части к тулову прикреплена петля для подвешивания, а по бокам – две коньковые головки с рогами округлой формы. Снизу к тулову приделаны 4 колечка для привесок. Нижние части колечек перетерты. Размеры подвески составляют $38 \times 39 \times 1,5$ мм. Изделие отлито по оттиску готового изделия. 5 подвесок этого типа представлены в сводке В. Н. Кузнецовой (тип G.14; тип IX по Е. А. Рябину) (Рябинин, 1981. С. 23). Две из них происходят из курганов Тверского Поволжья, одна из Ярославля, одна из кургана под Звенигородом и одна из Болгара (Кузнецова, 2016. С. 170). Датировка типа по курганным комплексам – XII–XIII вв.

Обращение к аналогиям показывает общую немногочисленность плоских двухголовых коньковых подвесок с округлыми и прямоугольными прорезями на тулове. Близость размеров и формы трех суздальских подвесок с округлыми прорезями позволяет предположить или их местное производство, или поступление в регион одной партии изделий. Датировка украшений укладывается в пределы XII–XIII вв.

На поселении Черниж 2 обнаружена плоская подвеска в виде одноглавого конька с туловищем подпрямоугольной формы, украшенным с обеих сторон рельефным декором, и гривой (рис. 2: 10). На спине конька сделано колечко для подвешивания, снизу – две перетертые петли. Размеры украшения составляют $33 \times 29 \times 2,5$ мм. В отличие от всех рассмотренных выше экземпляров этот конек отлит по восковой модели: на пластинку воска были прикреплены детали из восковых палочек, из них же свернуты колечки.

Плоские одноглавые подвески без ажурных прорезей Е. А. Рябинин объединил в тип V (*Рябинин*, 1981. С. 18, 19), а В. Н. Кузнецова разделила их более подробно. Наш конек относится к варианту непрорезных с петлями, расположенными под корпусом (тип D1-1; *Кузнецова*, 2016. С. 141). Хотя эти подвески довольно многочисленны – 84 экз., подавляющее их большинство имеет птичью голову (орнитоморфные). Голова конька представлена на экземпляре из кургана у д. Мальцева в Костромском Поволжье (*Рябинин*, 1981. С. 103). Подвески V типа датируются Е. А. Рябининым XII–XIII вв. (*Рябинин*, 1981. С. 19).

Индивидуальной манерой исполнения отличается отлитая по оттиску подвеска из Павловского 2, дошедшая до нас целиком (рис. 2: 11). Размеры подвески составляют 38 × 39 мм. Непрорезное тулово конька в нижней части украшено горизонтальным фризом из выпуклых ромбов с точками в центрах, оконечными рядами рубчатого декора. Под туловом помещены три петли. Голова конька с большим глазом, ухом и раскрытой пастью находится на длинной шее с кольчатой гривой. Хвост показан завитком. На веру спины имеется колечко для подвешивания. Аналогии этому предмету найти не удалось. С. В. Шполянский, впервые опубликовавший находку, отмечает стилистическую близость конька резным изображениям на Дмитриевском соборе во Владимире (*Шполянский*, 2017). На селище Павловское 2 получены материалы, связанные с обработкой цветных металлов, возможно, что и конек является продукцией местного ремесла.

Двумя экземплярами представлены полые одноглавые коньки. Один, из Кибола 11, отлит по грубо слепленной восковой модели. На тулово модели в нижней части была наклеена кайма из зигзагообразного валика и по два колечка с каждой стороны, находящиеся в плоскости подвески. Сзади расположен двойной петельчатый хвост (верх отломан). Шея конька тонкая, длинная, украшена сканной гривой. На спине конька проткнуто на модели отверстие овальной формы для крепления узла шнура (рис. 2: 13). Подвеска относится к типу XX (серия 2а) группы VI по Е. А. Рябину (*Рябинин*, 1981. С. 39–41).

Другой конек найден на селище Спасское городище 6. Он имеет длинную шею, украшенную кольчатой гривой и двойным петельчатым хвостом. На спине конька имеется отверстие для крепления узла шнура. Туловище конька гладкое, без рельефного декора. В нижней части с каждой стороны тулова сделано по 2 петли, расположенные в одной плоскости с корпусом (рис. 2: 12). Нижние части петель перетерты. Подвеска отлита по восковой модели. Украшение сделано достаточно небрежно. Подвеска относится к типу XX (серия 8) группы VI по Е. А. Рябину (*Рябинин*, 1981. С. 39–43). Местом производства коньков типа XX исследователь считает Новгород (Там же. С. 42).

Детальное рассмотрение новгородских находок типа XX предпринято Л. В. Покровской. Она подтверждает многочисленность находок коньков со сканной гривой в Новгороде, однако большинство экземпляров представлено коньками I серии по Е. А. Рябину. Серия 2 насчитывает 18 предметов, датирующихся концом XIII – серединой XIV в. (*Покровская, Тянина*, 2019. С. 150), серия 8 – 4 экземпляра, обнаруженных на Неревском раскопе в слоях второй половины XII и XIV в. и на Буяном раскопе (Там же. С. 150, 153).

В. Н. Кузнецова пишет о 73 одно- и двухглавых полых коньках со сплошной (сканой) гривой и 40 экз. с кольчатой (ажурной) гривой, обнаруженных на широкой территории от Карелии до Подмосковья, святилищ и могильников Коми (Кузнецова, 2016. С. 97, 421–433). Находки рассматриваемых нами серий 2 и 8 по Е. А. Рябинину не имеют определенной территориальной концентрации. Вопрос о месте их производства в Новгороде остается пока открытым (Покровская, Тянина, 2019. С. 152, 154). Важным представляется наблюдение о хронологии таких украшений: большинство экземпляров обнаружено в слоях конца XIII – XIV в.

Орнитоморфные подвески (уточки и петушки) обнаружены в количестве 10 экземпляров. 6 находок являются плоскими подвесками. 4 из них представляют фрагменты подвесок-петушков. Ни на одной подвеске не сохранились шумящие привески.

В Тернеево 1 найдена часть подвески, украшенная по краю рубчатым декором, 3 рядами округлых прорезей и нижним рядом колечек (рис. 3: 1). Подвеска отлита по модели, вырезанной из целой восковой пластины, а не собранной из отдельных элементов. Обломок относится к типу IV группы I по Е. А. Рябинину (Рябинин, 1981. С. 18). Целые подвески этого типа имеют голову с выраженным клювом и гребнем. На некоторых из них четко виден крупный глаз миндалевидной формы. Небольшой обломок такой птичьей головки найден на селище Суворотское 8 (рис. 3: 2). Возможно, он является частью подвески, аналогичной рассмотренной выше. Похожая голова венчает еще одну подвеску из Тернеево 1 высотой 48 мм, сохранившуюся частично (рис. 3: 4). Тулово этого украшения также отлито по восковой модели, вырезанной из целой пластины воска. Оно украшено рубчатым бордюром, оконтуривающим выпуклую композицию из кринов. Декор сделан на обеих сторонах подвески. Из Кистыша 3 происходит половина подвески, отлитой по оттиску готового изделия (сглаженные нечеткие линии), которое, в свою очередь, также было изготовлено по модели, вырезанной из пластины воска (рис. 3: 3). Высота подвески равна 42 мм. Клюв петушка раскрыт, на голове большой гребень, на тулове нет прорезей, имеется только выпуклая вертикальная перемычка.

В. Н. Кузнецова называет этот тип подвесок «подвесками с петлями на корпусе» (DII; Кузнецова, 2016. С. 539–549). Ей учтено 28 экз. одноглавых петушков. Они происходят из Владимира (один экземпляр из Владимира имеет непрорезное тулово с вертикальной перемычкой), Суздаля (всего 4 экз.), Ярославля, Усть-Шексны, Плеса, Луковца, кургана 9 Семухино (Ивановская обл.), курганов и грунтовых погребений Костромской, Ярославской, Вологодской и Архангельской областей. Есть еще одно обстоятельство: поскольку рассматриваемые нами суздальские находки дошли до нас фрагментарно, говорить определенно об общем виде целых изделий затруднительно. В каталоге В. Н. Кузнецовой представлены 6 экземпляров двухголовых петушков (тип G2; Кузнецова, 2016. С. 581–583), также имеющих вертикальные перемычки на тулове. Петушку с криновидным декором из Тернеево 1 близка двухголовая подвеска, обнаруженная в Чернобыльском кладе, оставленном, по предположению Г. Ф. Корзухиной, беженцем с севера (Рябинин, 1981. С.23). Возможно, некоторые рассматриваемые нами фрагменты происходят от двухголовых украшений.

Рис. 3. Бронзовые подвески. Петушки и уточки. 1, 4 – Теренево 1; 2, 6 – Суворотское 8; 3, 11 – Кистыш 3; 5 – Михали 4; 7 – Гостево 1; 8 – Турабьево 2; 9 – Спасское городище 7; 10 – Мордыш 1; 12 – Большое Давыдовское 2

Концентрация подвесок-петушков на памятниках Северо-Восточной Руси и их находки в городских центрах позволили Е. А. Рябину выдвинуть гипотезу об их местном изготовлении, возможно, в городах Владимире и Суздале (Рябинин, 1981. С. 18). Такие петушки получили название «владимирских» (Кузнецова, 2016. С. 149). Изделия датируются второй половиной XII – первой третью XIII в. (гибель городского ремесла). Л. В. Покровская указывает на находку такого петушка на Троицком раскопе в Новгороде в слое первой половины XIII в. (Покровская, 2010. С. 261).

Необычна целая прорезная подвеска из Михалей 4 размерами 50 × 43 мм (рис. 3: 5). Она изготовлена по оттиску готового изделия, полученного в результате многократного тиражирования. Первоначально это была уточка с двумя ногами типа III группы I по Е. А. Рябину, позже голова трансформировалась в конскую, а ноги в ряд из 5 колечек. В. Н. Кузнецова насчитывает 44 экз. подвесок типа III. Вслед за Е. А. Рябининым она говорит о прибалтийско-финском происхождении этого типа. Оба исследователя обращают внимание на особую группу изделий в рамках типа (5 экз.), у которых утиные головы трансформировались в конские, однако лапы у всех них сохраняются (Рябинин, 1981. С. 17; Кузнецова, 2016. С. 123). Такие экземпляры появляются в Ярославском и Костромском Поволжье вне пределов основного ареала. Как видим, экземпляр из Михалей 4 видоизменен еще больше.

На поселении Суворотское 8 найден фрагмент нижней части подвески, украшенной рубчатым орнаментом с двумя колечками под туловом (рис. 3: 6). В одном из колечек сохранились остатки звена для крепления привесок. Возможно, это обломок плоской непрорезной подвески-уточка с рельефным декором типа V группы I по Е. А. Рябину (Рябинин, 1981. С. 18, 19).

Обнаружены три полые уточки (селища Турабьево 2, Гостево 1 и Спасское городище 7). Уточка из Гостево 1 имеет размеры 23 × 24 × 8 мм (рис. 3: 7). Она отлита по восковой модели, собранной из спинки, головки и двух колечек по низу. Тело уточки гладкое, без рисунка, небольшая головка с гребешком, хвост загнут вверх. Сверху в спинке сделано отверстие для крепления шнура. Уточка из Турабьево 2 полностью повторяет экземпляр из Гостево 1, имея несколько большие размеры: ? × 36 × 14 мм (рис. 3: 8). Обе ее нижние петли отломаны. Размеры уточки из Спасского городища 7 составляют ? × 24 × 13 мм (рис. 3: 9). Эта уточка также изготовлена литьем по восковой модели. Ее тулово по низу украшено гладким валиком, хвост закручен наверх (спиральный диск), гладкий валик окружает шею, еще один валик (гребешок) расположен вертикально по голове от вздернутого клюва.

Все три рассмотренных экземпляра относятся к типу XVIII группы VI по Е. А. Рябину: первые два к варианту 3 (XI–XII вв.), третий к варианту 5 (XII в.; Рябинин, 1981. С. 37, 38). Происхождение этого типа подвесок связывается исследователями с юго-восточным Приладожьем, где отмечена наибольшая их концентрация (Рябинин, 1981. С. 37; Кузнецова, 2016. С. 82). В Новгороде, по наблюдениям Л. В. Покровской, они не получают большого распространения (Тянина, Покровская, 2019. С. 147). Однако находки подобных подвесок известны по всей северной Руси и в Прикамье (Кузнецова, 2018б). Вариант 3 Е. А. Рябинин считал

происходящим из Костромского Поволжья (*Рябинин*, 1981. С. 38). Важна достаточно ранняя дата этих украшений: с XI в.

Возможно, полые уточки изготавливались и в Ополе. На селищах Турабьево 2 и Большое Давыдовское 2 найдены две бронзовые цельнолитые сплошные фигурки уток без декора. Целый экземпляр из Турабьево 2 имеет размеры $23 \times 26 \times 11$ мм (рис. 3: 11). От второй фигурки сохранилась только головка (рис. 3: 12). Как предположение, такие фигурки могли использоваться для создания восковых моделей.

На селище Мордыш 1 обнаружен фрагмент оплавленной подвески (рис. 3: 10). Виден загнутый вверх хвост утки, украшенный небольшими колечками. Целый экземпляр утки с таким хвостом происходит из Кубасовой в Костромском Ополе (*Рябинин*, 1981. № 816).

В коллекции, собранной экспедицией на селищах Суздальского Ополя, насчитывается 43 находки привесок и звеньев цепей, которые крепились к зооморфным подвескам древнерусских типов (рис. 4). Это привески-лапки (26 экз.) и костыльковые звенья цепочек (17 экз.). Большинство привесок-лапок отлиты по оттиску готовых изделий, на них четко видна трехпалость. Также по оттиску отлиты и двухчастные звенья цепочек. И лапки, и звенья цепей значительно отличаются по облику от привесок финно-угорских подвесок: лапок, бубенчиков, бутылочек, колокольчиков, которые чаще всего крепились непосредственно к колечкам подвесок или монтировались на цепочки из перекрученных гладких палочек. У зооморфных украшений древнерусских типов привески, как правило, висели на цепочках.

Основным конструктивным отличием финно-угорских и древнерусских шумящих подвесок является то, что для первых сначала полностью изготавливалась восковая модель, которая набиралась из отдельных многочисленных ажурных элементов. Затем модель заливалась слоями глины, воск вытапливался, и через сложную систему литников производилась отливка сразу всего металлического изделия. Древнерусские украшения собирались из отдельно изготовленных элементов: тела подвески, звеньев цепочек и привесок. Модели подвесок или вырезались из целых пластин воска, или собирались из небольшого количества достаточно небрежно приделанных элементов.

Заключение. Детальное рассмотрение древнерусских шумящих украшений, полученных в результате новейших работ Суздальской археологической экспедиции, вводит в научный оборот достаточно крупную региональную коллекцию этих предметов. Находки шумящих уток и коньков с перетертыми нижними колечками, а также отдельных привесок и звеньев цепочек на поселениях позволяют говорить о том, что эти украшения носились жителями Ополя в повседневной жизни, а не использовались исключительно в погребальной практике (найжены в курганах, раскопанных А. С. Уваровым (*Спицын*, 1905. С. 162. Рис. 467). Обнаружение подобных предметов в городах (*Седова*, 1978; 1997. Рис. 75) свидетельствует о единстве регионального городского и сельского костюмов. Украшения появляются в Ополе, вероятно, во второй половине – конце XI в. (полые уточки) и широко распространяются в XII–XIII вв. Некоторые их типы, такие как полые коньки, датируются по новгородской хронологии второй половиной XIII – XIV в.

Рис. 4. Бронзовые звенья цепочек и привески к шумящим подвескам. 1, 32–34 – Черниж 2; 2, 11, 35, 38 – Михали 3; 3 – Поганое озеро 1; 4, 13 – Вишенки 3; 5 – Сорогужино 2; 6, 7 – Суворотское 1; 8 – Гнездилово 12; 9, 18 – Веска 1; 10 – Вышеславское 3; 12 – Кистыш 3; 14, 22, 26, 30 – Тарбаево 5; 15, 16 – Теренеево 1; 17 – Михали 4; 19 – Кибол 3; 20 – Сорогужино 5; 21, 29, 36, 39, 40 – Новгородское 1; 23, 41 – Вышеславское 18; 24 – Осовец 2; 25 – Улово 1; 27 – Григорово 3; 28, 43 – Вышеславское 5; 31 – Спасское городище 7; 37 – Крапивье 6; 42 – Васильково 1

Представляется, что древнерусские зооморфные шумящие украшения Суздальского Ополя не являются типологическим продолжением многочисленных в регионе мерянских шумящих украшений X–XI вв. Среди последних к числу зооморфных можно отнести только подвески-коньки так называемого «мерянско-го», или «владимирского», типа. Остальные экземпляры представлены каркасами различных геометрических форм. В XII–XIII вв. доля каркасных подвесок (колечковые, подтреугольные (Зайцева, 2019) заметно сокращается, численно преобладают зооморфные украшения. Древнерусские подвески отличаются от мерянских как технологически, так и стилистически. Если каждое мерянское украшение, отлитое по восковой модели, аккуратно сплетенной из тончайших ажурных элементов, является произведением искусства, то древнерусские коньки и уточки выглядят более примитивно. Часто они изготавливались по оттиску готовых изделий. В Ополе представлены как типы уточек и коньков, получивших распространение на всей территории Северной Руси, так и региональные (плоские петушки), являющиеся продукцией местного ремесла.

Древнерусские зооморфные подвески выглядят более миниатюрными по сравнению с изделиями мерянского облика. Возможно, это связано с их ролью в костюме: если мерянские подвески часто использовались как наконечники, то древнерусские являются именно подвесками, крепившимися к груди или поясу.

Литература

- Голубева Л. А., 1979. Зооморфные украшения финно-угров. М.: Наука. 112 с. (Свод археологических источников. Вып. Е1-59).
- Зайцева И. Е., 2019. Треугольные шумящие подвески на сельских памятниках Суздальского Ополя // Звучат лишь Письмена. К юбилею А. А. Мединцевой. М.: ИА РАН. С. 186–199.
- Зайцева И. Е., Зеленцова О. В. Треугольные ажурные «подвески» на древнерусских и муромских памятниках // Поволжские финны во второй половине I – начале II тыс. н. э. (В печати).
- Кабатов С. А., 2014а. Зооморфные украшения Костромского Поволжья // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. № 1. С. 39–51.
- Кабатов С. А., 2014б. Семантика зооморфных украшений сельского населения Костромского Поволжья // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2014. № 4. С. 49–51.
- Кузнецова В. Н., 2016. Орнитоморфные и зооморфные украшения населения лесной зоны Восточной Европы X–XIV вв.: дис. ... канд. ист. наук. СПб.
- Кузнецова В. Н., 2017. Пластинчатые зооморфные подвески из Костромских курганов // Костромской край и сопредельные территории в древности, Средневековье и в Новое время. К 135-летию со дня рождения В. И. Смирнова. Кострома. С. 51–57.

- Кузнецова В. Н.*, 2018а. Редкие разновидности древнерусских украшений в виде птиц и зверей // Археология и история Пскова и Псковской земли. Вып. 33. Материалы 63-го заседания. М: ИА РАН. 2018. С. 253–263.
- Кузнецова В. Н.*, 2018б. Полые орнитоморфные подвески лесной зоны Восточной Европы X–XIII вв. // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XIV. Пермь: Пермский гос. гуманитар.-пед. ун-т. С. 183–198.
- Кузнецова В. Н., Григорьева Н. В.*, 2019. Металлические зооморфные украшения средневековой Ладogi // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 32. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник. С. 185–193.
- Макаров Н. А.*, 2012. Средневековые селища вблизи сел Тарбаево и Туртино в Суздальском Ополье // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 4 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН. С. 65–86.
- Макаров Н. А., Федорина А. Н., Шполянский С. В.*, 2013. Земля и город: средневековые селища в округе Владимира-на-Клязьме // Российская археология. № 4. С. 64–80.
- Макаров Н. А., Шполянский С. В., Федорина А. Н., Узулава Н. Д.*, 2019. К изучению ближайшей округи средневекового Суздаля: исследования в верхнем течении р. Каменки в 2018–2019 гг. // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 9. М.: ИА РАН.
- Покровская Л. В.*, 2010. Привески-амулеты средневекового Новгорода (Неревский и Троицкий раскопы) // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб.: Нестор-История. С. 259–272.
- Покровская Л. В., Тянина Е. А.*, 2019. Полые зооморфные привески средневекового Новгорода // Российская археология. № 1. С. 146–160.
- Рыкунов А. Н., Рыкунова И. И., Иванов Л. М.*, 2010. Рыбинск: путешествие сквозь века. Археология земли Рыбинской. Рыбинск: МедиаРост. 168 с.
- Рябинин Е. А.*, 1981. Зооморфные украшения древней Руси X–XIV вв. Л.: Наука. 149 с. (Свод археологических источников. Вып. Е1-60).
- Седова М. В.*, 1978. Ярополч Залесский. М.: Наука. 158 с.
- Седова М. В.*, 1997. Суздаль в X–XV вв. М.: Русский мир. 320 с.
- Спицын А. А.*, 1905. Владимирские курганы // Известия Императорской Археологической комиссии. Вып. 15. СПб. С. 84–172.
- Степанова Ю. В.*, 2009. Древнерусский погребальный костюм Верхневолжья. Тверь: Тверской гос. ун-т. 364 с.
- Шполянский С. В.*, 2017. На границе княжеств: новые данные о средневековом археологическом комплексе у села Павловское // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 81–92.
- Энговатова А. В.*, 2019. Рубленый город Ярославля в домонгольский период по данным археологии // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 4. С. 91–111.

Сведения об авторе

Зайцева Ирина Евгеньевна, Институт археологии РАН, e-mail: izaitseva@yandex.ru

I. E. Zaytseva

**MEDIEVAL ZOOMORPHIC PENDANTS OF THE KIEVAN RUS TYPES FROM
THE SUZDAL EXPEDITION FIELD WORKS**

Summary. The aim of the study is the systematization and introduction into scientific circulation finds of zoomorphic decorations from the collection of items obtained as a result of the latest field works of the Suzdal archaeological expedition of Institute of archeology (68 items). Typological descriptions of the finds are made. The technology of manufacturing products is determined by the trasological method based on optical microscopy.

The findings of duck pendants and horse pendants with traces of use and separate attachments from them on many rural settlements let us suggest that zoomorphic ornaments were used by the inhabitants of Opole in everyday life, and were not only a part of the funeral costume. On the basis of a wide range of analogies, the chronological framework of the existence of these objects is determined: from the end of the XI to the second half of the XIII–XIV centuries. The time of their greatest popularity was XII–XIII centuries.

It seems that the zoomorphic jungling ornaments of Russian types in the Suzdal Opole are not a typological continuation of the numerous Meryan items of the X–XI centuries in the region. Medieval Russian pendants differ markedly from the Meryan ones both technologically and stylistically. Opole presents both types of ducks and horses that have become widespread throughout Northern Rus', as well as regional (flat cockerels), which are products of local crafts.

Keywords: Kievan Rus', Suzdal Opolie, jungling zoomorphic pendants

Н. В. Жилина

ВОКРУГ СУЗДАЛЬСКОГО ОПЛЕЧЬЯ

Резюме. Ожерелья из медальонов XII–XIII вв. с Деисусом и орнаментальными композициями из древнерусских кладов имеют стандартный облик. В статье А. С. Уварова по поводу ожерелья, найденного под Суздалем в 1851 г., намечена история категории христианских ожерелий.

Формы византийских ожерелий отличаются от древнерусского стандарта, аналогий которому нет в Западной Европе и славянских странах.

Но византийские прототипы имеют продолжение в древнерусском материале: категория христианских гривен; разнообразные, нестандартные подвески с христианскими сюжетами, орнаментальными композициями, драгоценностями. Эта более ранняя группа материала XI–XII вв. важна как связующая с ранневизантийскими формами.

Комплекты древнерусских ожерелий складывались не всегда единовременно, в них присутствуют различные по времени изготовления части. Есть основания считать древнерусские ожерелья из медальонов с христианскими сюжетами созданием древнерусской культуры, собственной разработкой византийских прототипов.

Ключевые слова: ожерелья, медальоны, византийские, прототипы, комплекты, древнерусские клады.

Ожерелья из медальонов с Деисусом и христианскими орнаментальными композициями XII – первой трети XIII в. из древнерусских кладов имеют стандартный облик: круглые медальоны диаметром 7,0–10,0 см с гладкой оборотной стороной на бусинном подвесном ушке. Распространены медальоны в технике черни, меньше известно эмалевых – клады из Сахновки Киевской губ. 1900 г. и Старой Рязани 1822 г.¹ (Жилина, 2014. № 127/6, 162/1, 2) (рис. 1: 1, 2). Статья посвящена выявлению связи довольно отдаленных от этого стандарта византийских прототипов и древнерусских ожерелий.

Сохранившееся почти в полном составе серебряное ожерелье из черневых медальонов и филигранных бусин, получившее название «суздальское оплечье», най-

¹ Указывается год находки клада. Ссылки на вещи кладов, в том числе и на рисунках, далее сокращены: указан № клада и через дробь – номер вещи с использованием буквенных обозначений в соответствии с обозначениями в публикации (Жилина, 2014).

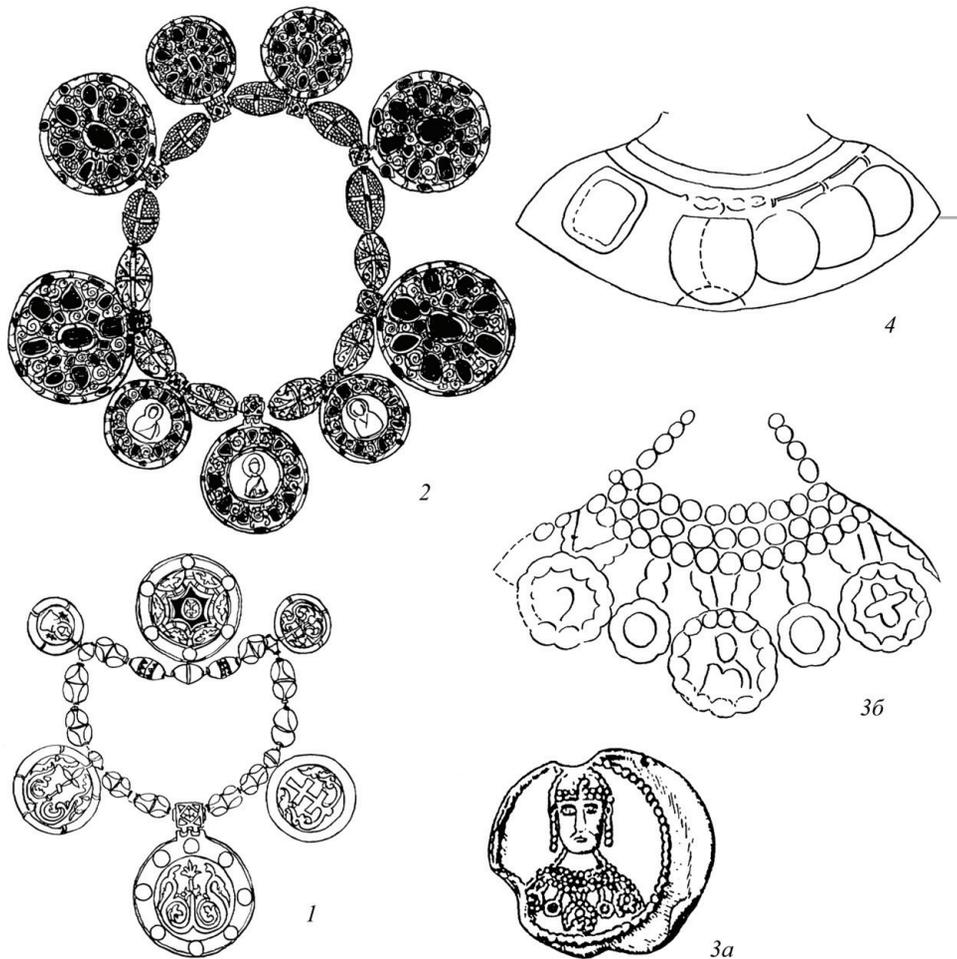

Рис. 1. Древнерусские ожерелья с медальонами и их прототипы: 1 – Исады под Суздалем, 1851 г., серебро, чернь; 2 – Старая Рязань, 1822 г., золото, перегородчатая эмаль, филигрань; 3 – печать болгарского князя Симеона Великого, конец IX – начало X в., Археологический музей, Пловдив (по: *Стерлигова*, 2014. Рис. 16); 4 – моливдовул с изображением императрицы Евфросиньи 1195–1203 г. (прорисовка ожерелий Н. В. Жилиной)

дено в 1851 г. в насыпи кургана под Суздалем близ д. Исады в процессе раскопок А.С. Уварова. Комплект ожерелья из 6 медальонов и 12 бусин не относился к погребению, а был сокрыт в качестве клада в боку насыпи на незначительной глубине. Один из медальонов несет на себе изображение князя Глеба как мученика, остальные – орнаментально-символические христианские изображения. В одной из бусин сохранились следы плотного текстильного шнура (Уваров, 1885. С. 1–6;

Жилина, 2014. № 169). Возможно, в комплекте не хватает парного медальона с изображением князя Бориса (рис. 1: 1; рис. 2).

А.С. Уваров посвятил ожерелью специальную статью, вышедшую за рамки характеристики только этой замечательной находки. Намечена история христианских ожерелий, прослежена связь древнерусских с византийскими прототипами. Выделены категории ожерелий из металла: гривны, обручи, мониста и цепи; правителям принадлежали гривны особой формы («гривна цатова» с подвесками, упомянутая в Шестодневе Иоанна Экзарха Болгарского). Отмечено, что металлические ожерелья впоследствии перешли в шитые, шитое оплечье – часть византийского императорского костюма. По изображениям сделан вывод, что императорские оплечья с рядами круглых украшений сформировались к XI в., а в XII в. распространились у православных соседей. Как время появления оплечий на Руси предлагается период с 1151 г. до 1216 г.: под первой датой в летописи на князе оплечье не упомянуто, под второй упомянуто как атрибут знатного человека. Шитые золотом оплечья понимаются как княжеская инсигния или принадлежность знатных людей, а более простые оплечья – русских людей. Форма ожерелья не окончательно сложилась: количество медальонов встречается разное. Суздальское ожерелье датировано XIII в., изображение князя Глеба – концом XII – XIII в. Как аналогии указаны изображения князей или святых на золотых колтах из клада в Старой Рязани 1822 г., колтах из клада во Владимире 1865 г.², киотцах оклада Мстиславова Евангелия. Аргументом в пользу такой датировки сочтена развитая форма изображения креста на медальонах, а также использование рядом изображением князя лилиевидной (кринообразной) фигуры, производной от шестиконечного креста (рис. 2: 1а). Сокрытие ожерелья в кургане связывается с битвой под Суздаlem 1445 г. (Уваров, 1885. С. 7, 8, 12–18).

Близкое выделение видов ожерелий использовалось и впоследствии (Кондаков, 1896. С. 153–186; Корзухина, 1954. С. 54–58; Жилина, 2016. С. 206–238). Иногда ожерелья из медальонов, с защищавшей христианина композицией Деисуса, носимые князьями и княгинями, рассматриваются как княжеское отличие (Толочко, 1963. С. 145–164).

Классифицируя украшения, правильной исходить из типологической и конструктивной характеристики, приводя соответствующие по письменным источникам названия, поскольку со временем они переходят с одного типа ожерелий на другие. Гривны и обручи были жесткими, мониста имели гибкую связь, их подвески или кресты закрепляли на цепи или нити. Гривны могли отличаться от жестких обручей, более сложной формой и дополнительными украшениями. «Гривная утварь» в 1289 г. сравнивается с милостынею, украшающей человека (Лукина, 1990. С. 150).

Датировка появления оплечий на основании отсутствия упоминаний в письменных источниках представляется ненадежной.

Ожерелье из Исад поставлено в общий ряд хронологического развития древнерусских украшений на основании анализа типологии вещей и стилистики орнаментальных изображений (Жилина, 2014. С. 319, 320. № 169). Комплект ожерелья сложился в период с первой половины XII по первую треть XIII в. (рис. 2).

² На колтах из клада во Владимире 1865 г. изображены неизвестные святые.

Наиболее ранним, на наш взгляд, является медальон с геометризованным изображением князя и крина (рис. 2: 1а); основная часть медальонов с композицией процветшего креста относится к середине XII в., растительная орнаментация переходит от геометризованной манеры к естественной (рис. 2: 1в, д) и утрированной (рис. 2: 1г, е). Клад относится к группе сокрытых в период от 70-х гг. XII в. до первой трети XIII в. (Корзухина, 1954. № 169), вероятно, в канун татаро-монгольского нашествия (Жилина, 2014. С. 159).

Изображения князей на приведенных как аналогии украшениях имеют и отличия от изображения Глеба на суздальском оплечье: другие формы головных уборов, менявшихся со временем (Жилина, 2001. Рис. 81:12–15). Головной убор Глеба на суздальском медальоне ближе шапкам сыновей Святослава на миниатюре в Изборнике 1073 г. и может относиться к концу XI – началу XII в. (Жилина, 2001. Рис. 81: 18, 19).

Мотив лилии/кринка известен на произведениях ранневизантийского периода: мозаика церкви Сан-Витале в Равенне, VI в. (см: Попова, 2006. Ил. 44); золотой крест из Константинополя, VI в. (см: Залеская, 2006. № 141). В IX–XI вв. крин представлен на византийских ювелирных изделиях с эмалью и чернью и в каменной резьбе: панель из Фессалоник (Everyday Life, 2002. № 518, 519.; The Glory, 2006. P. 37. 2B). Осмысление криновидных орнаментов связано и с символикой власти: венец императора Константина VII на костяной пластине X в. дополнен трилистником (см. Банк, 1966. № 124, 125). Такой знак понятен и рядом с изображениями русских князей.

Известные формы византийских ожерелий отличаются от древнерусских XII–XIII вв.

Круговые императорские оплечья с круглыми драгоценными украшениями по изображениях в женском уборе известны с VI–VII вв. (императрица Феодора, мозаика собора Сан-Витале в Равенне, 545–547 гг.; св. Агнеса Римская, мозаика в церкви Сант-Аньезе-фуори-ле-Мура, 625–638 гг., Рим), в мужском – с XI в. (Константин IX Мономах, мозаика Софийского собора в Константинополе, около середины XI в.). Изображения не позволяют различить на оплечьях медальоны.

В V–VII вв. в Византии распространены: гибкие ожерелья монетного типа (из соединенных монет или подражаний с портретами императоров); цепи с подвесками («золотые шнуры»); жесткие гривны с драгоценными и монетными дополнениями. Иногда на ожерельях выделен более крупный медальон. Гривна-пектораль с группой соединенных монетных медальонов включает один крупный с портретом императора Феодосия. Наградные мужские ожерелья вручались за службу императору (Niederle, 1930. S. 96–106. Abb. 42. Obg. 40; Залеская, 1997. С. 9). Гривны с крупным медальоном или драгоценностью в оправе показаны на знатных воинах в свите императора Юстиниана мозаики VI в. храма Сан Витале в Равенне; гривны с драгоценными дополнениями – на иконе святых Сергия и Вакха из Киевского музея Западного и Восточного искусства.

Дорогие гривны носили и женщины: в убор Св. Феодосии на росписи VI в. гробницы в Антиное (Средний Египет) входит гривна с тремя медальонами (диаметром примерно 5,0 см), с растительным и зооморфным орнаментом, вероятно,

в технике перегородчатой эмали. Выше просматривается ожерелье из небольших округлых подвесок и две нити бусин (рис. 3: 1). На мозаике из Равенны VI в. в уборе придворных дам свиты императрицы Феодоры просматриваются тонкие и более широкие (ленточные) ожерелья с подвесками (рис. 3: 2). Действительно, цепи в ранневизантийский период усложнились до широких лентовидных ожерелий из бляшек с подвесками и филигранными пластинчатыми звеньями (Niederle, 1930. Abb. 44, 6).

Золотые византийские ожерелья с гибкой основой из цепи или плетеного шнура VI–VII вв. имеют христианскую семантику, включают небольшие по раз-

Рис. 3. Ранние формы византийских ожерелий: 1 – гривна с медальонами, Св. Феодосия, роспись гробницы св. Феодосии в Антиное (Средний Египет), VI в. (по: *Лечицкая*, 2010. Рис. 2); 2 – ожерелье с подвесками на ленточной основе, придворная дама из свиты императрицы Феодоры, мозаика собора Сан-Витале в Равенне, 545–547 гг. (по: *Уваров*, 1885. Рис. 7)

меру (2,0–5,0 см) подвески, разнообразные по форме: лист, крест, овал, трубчатый футляр или обойма. Некоторые имеют христианские сюжеты (изображение Архангела). Известны ожерелья из Михаэльсфельда близ Анапы, Мерсины в Малой Азии, района реки Морской Чулек близ Таганрога (Залесская, 2006. № 132, 133, 135, 137).

Более простые ожерелья ранневизантийского облика из крымских погребений VI–VII вв. включают по несколько крестов, листовидные подвески, медальоны-реликварии со стеклянными крышками (Хайрединоva, 2017. С. 280, 284–287. Рис. 1, 3, 4) (рис. 4: 1). Каменные листовидные подвески складываются в три части как трилистники. Серебряное ожерелье из могильника в Сахарной головке включало лунничные, дисковидные и листовидные подвески (Борисова, 1959. С. 179–181. Табл. V: 8).

Возможно, к ожерельям относятся подвески из Херсонеса без точных дат: серебряная подвеска-крест (Наследие, 2011. № 105); бронзовые литые подвески в форме крина и птиц (№ 3039; 37041/195; 37041/196). В Херсонесе найдены литые формы для креста и листовидной подвески (раскопки Р.Х. Лепера 1909 г.; № 5473).

Лентовидная форма дорогого ожерелья известна и позже: ожерелье X в. из Преслава (Болгария) в технике перегородчатой эмали и филиграни с подвесками (The Glory, 1997. № 227). Византийские нагрудные золотые эмалевые медальоны, энколпионы, образки овальной, круглой или квадрифолийной формы могли носить и отдельно, и в ожерельях (The Glory of Byzantium, 1997. № 109, 112, 116, 117, 230). Из раскопок Херсонеса известны более простые медальоны и подвески с христианскими композициями X–XIII вв. (Наследие, 2011. № 146, 148, 207, 147, 69).

Рассмотренные формы ранневизантийских ожерелий все же находят аналогии в древнерусском материале.

Во-первых, на Руси имеют продолжение христианские гривны. Жесткая пластинчатая гривна из соединенных эмалевых круглых медальонов с Деисусом из клада в Каменный Брод (Киевская губ., 1903 г.) обеспечена шарнирами при переходе к пластинам застежки для удобства ношения (№ 138/3) (рис. 5: 2). Изменение системы крепления медальонов к основе показывает преемственность от гривенной формы: более ранними являются жесткие трубчатые ушки на черневых медальонах из клада в Старой Буде (Киевская губ., 1908 г.; № 112/3) (рис. 5: 1). Затем развивается подвесное ушко в форме бусины, позже получающее шарнир (рис. 1: 1). Наиболее сложно оформленные и роскошные медальоны имеют ушко кубической формы или в виде каста со вставками (рис. 1: 2). Тенденция идет более к гибкому закреплению.

Согласно «Шестодневу» Иоанна экзарха болгарского, восходящего к X в., болгарский царь Симеон носит на шее особую «гривну цатову», название подчеркивает в ее составе подвески, возможно, круглые медальоны – цаты; бояре же при этом имеют обычные гривны. Ношение боярами простых гривен реально для X в., но нельзя исключать, что в XII–XIII вв. у них также появились более сложные ожерелья из медальонов. В Слове о полку Игореве XII в. князь «изрони жемчужну душу из храбра тела чрес злато ожерелие» (Уваров, 1885, с. 9, 12; Слово, 1955. С. 92, 93; Библиотека, 1999. С. 134).

Рис. 4. Ожерелья с подвесками и крестами ранневизантийского облика и их производные: 1 – Лучистое, VI–VII вв. (по: Хайрединова, 2017. Рис. 1: 4); 2 – реконструкция ожерелья с кринообразными подвесками, XII в. Клад из Сахновки, Киевской губ., 1900 г. (прорисовка Н. В. Жилиной; № 127)

Шейное ожерелье болгарского князя Симеона с деисусом, отраженное на его печати конца IX–X в. сопоставляют с письменным упоминанием княжеской «гривны цатовой» из описания в Шестодневе Иоанна Экзарха Болгарского (рис. 1: 3). Здесь явственно изображены подвесные медальоны и просматривается композиция Деисуса. Возможно, что медальоны показаны на императорских облачениях на свинцовых моливдовулах: храма святой Софии XII в.; с изображением императрицы Евфросиньи 1195–1203 г. (рис. 1: 4) (см. Банк, 1966. № 176, 237).

Рис. 5. Ранние формы христианских ожерелья на Руси (прорисовки Н. В. Жилиной): 1 – реконструкция ожерелья из клада в Старая Буда Киевской губ., 1908 г. (№ 112/3); 2 – гривна с эмалевыми медальонами с композицией Деисуса (№ 138/3); 3 – реконструкция ожерелья из восьми черневых медальонов из клада в Киеве, ул. Трехсвятительская, 1901 г. (№ 85/4); 4 – реконструкция ожерелья с кринообразными подвесками, XII в. клад из Сахновки, Киевской губ., 1900 г. (№ 127); 5 – вариант реконструкции ожерелья из клада в Киеве, Михайловский монастырь, 1903 г. (№ 103)

Во-вторых, в комплектах древнерусских ожерелий использовались разнообразные, нестандартные и небольшие (2,0–4,0 см) подвески на жестких петлях: круглые, овальные, квадрифолийные – с христианскими сюжетами, орнаментальными композициями, драгоценностями. Такие вещи есть во многих кладах, но не составляют большинства. Данная группа материала важна как связующая с ранне-византийскими формами.

Примеры имеются в кладах из Киева: три серебряных черневых круглых медальона с растительно-завитковым орнаментом (рис. 6: 1; 5: 3); овальный серебряный медальон со вставками (ул. Стрелецкая, 1939 г.; № 101/16); круглые и квадрифолийные серебряные медальоны с чернью с изображениями святых (рис. 6: 3, 4); медные эмалевые ромбические подвески (ул. Кудрявская, 1986 г.; № 204/7). Клад из Сахновки Киевской губ. содержит круглый золотой медальон со вставками (рис. 4: 2); клад из Княжей Горы – золотые лунницы с филигранью (1891 г.; № 117/15).

В кладах из Владимира есть серебряные подвески: черневая круглая с цветным крестом (рис. 6: 2); дисковидные (1865 г.; № 167/8); литой круглый медальон с Михаилом Архангелом (1993 г.; № 201/6).

В кладе из Старой Рязани известны: овальный эмалевый медальон в филигранной оправе (возможно, византийского происхождения) с Распятием; эмалевый медный круглый медальон с Богородицею (1822 г.; № 162/3, 5).

Большую серию нестандартных подвесок дали клады Юго-Запада Руси: серебряные черневые медальоны с изображением св. Назария, птиц и другими изображениями; золотой медальон с Михаилом Архангелом (рис. 6: 5–9); костяная подвеска с изображением св. Георгия (Телиженцы Хмельницкой обл., 1973 г. – № 1; № 206/7); серебряные овальные подвески со вставками (Городище близ Шепетовки Хмельницкой обл., 1957 г. – № 2; № 214/5).

Эти подвески, вероятно, более ранние относительно сложившихся впоследствии стандартных медальонов, их ориентировочно можно относить к концу XI – первой половине XII в.

В третьих, ожерелья с несколькими крестами VI–VII вв. из Крыма, возможно, являются прототипами особых древнерусских ожерелий из тисненых кринообразно-крестообразных подвесок и бусин, также получивших на Руси стандартный отработанный облик. Наиболее полные комплекты таких ожерелий сохранились в кладах: из Киева (ул. Стрелецкая, 1949 г., № 109/5); из Сахновки, 1900 г. – центральный медальон с драгоценными вставками (№ 127/11) (рис. 4: 2; 5: 4); из Владимира, 1993 г. – центральный медальон с Михаилом Архангелом (№ 201/4, 5).

Медальоны зафиксированы в 29 древнерусских кладах (в основном, серебряные с чернью, есть золотые и медные с эмалью). Ожерелья из медальонов с христианскими сюжетами носили на широких округлых оплечьях парадных туник знатные христиане, женщины и мужчины, князья и бояре: «лучшие люди». Медальоны иногда находятся в кладах с остатками ткани: клады из Киева на ул. Трехсвятительской 1901 г., в Михайловском монастыре 1903 г.; клад из Сахновки 1900 г. (№ 85, 103, 127). Медальоны входят в состав различных групп кладов, разделенных по критерию богатства, представленности ювелирных техник на украшениях, наличию импортных изделий.

Рис. 6. Подвески различной формы из древнерусских кладов, конец XI – первая половина XII в.: 1 – Киев, ул. Трехсвятительская, 1901 г. (№ 85/4); 2 – Владимир, 1837 г. (№ 166/1); 3, 4 – Киев, Десятинная церковь, 1939 (№ 248/5, 6); 5–9 – Згарское Хмельницкой обл., 1970 (№ 205/2, 3, 5–7)

Группа из 8 небогатых кладов без импортных вещей (№ 88, 101, 147, 163, 166, 169, 174, 193) содержит серебряные с чернью медальоны, вероятно, соответствует небогатым боярам, дворянам, состоятельным горожанам; группа из 11 богатых

кладов без импортных вещей (№ 65, 107, 117, 138, 167, 186, 192, 204, 205, 250, 252) – серебряные с чернью, золотые и медные с эмалью медальоны – князьям и богатым боярам; группа из 9 чрезвычайно богатых кладов с импортными вещами (№ 90, 103, 112, 127, 162, 165, 197, 202, 248) – серебряные с чернью, золотые с эмалью медальоны – преимущественно князьям (Жилина, 2018). В 1216 г. перед Липецкой битвой князь Ярослав Всеволодович настраивает бояр убивать знатных людей: «Аще и золотом шито оплечье» (Софийская первая летопись, 2000. Стб. 267. Л. 230об)³.

Выделяются мужские и женские комплекты ожерелий. В центре мужского в композиции Деисуса находился медальон с Иисусом Христом (№ 90/2; 107/3), представлены образы святых князей (рис. 1: 1); в центре женского – Богоматерь, по сторонам – святые мученицы (№ 162/1) (рис. 1: 2).

Комплекты складывались не всегда одновременно, в них присутствуют различные по времени изготовления части. Со временем добавлялись новые медальоны, имеющие продвинутую конструкцию и стилистику. Поэтому ожерелья оказались не полностью единообразны по составу. К числу наиболее ранних можно отнести ожерелье из киевского клада 1903 г., включавшее крестообразные подвески скандинавского облика X – начала XI в., крест и черневой медальон второй половины XII – первой трети XIII в. (рис. 5: 5). Путь формирования ожерелий состоял в переходе от разнообразного состава – к единому стандартному комплекту из стилистически близких медальонов.

Для итоговой формы древнерусских ожерелий из медальонов неизвестно близких прототипов или аналогий в Византии, Западной Европе и других славянских странах. Учитывая, что византийский материал дошел фрагментарно, можно увидеть, что существование таких прототипов в IX–XI вв. отражает использование византийских эмалевых круглых вставок с христианскими сюжетами при оформлении церковных чаш, тарелей, окладов икон, книг, ставротек (The Glory, 1997. № 28, 29, 37, 41, 234).

Металлическое ожерелье из медальонов, жесткое или гибкое, может рассматриваться как общий признак достатка, знатности и власти. В парадном княжеском costume тенденция слияния металлических медальонов с шитым оплечьем привела к особому великолепию. Саккос митрополита Алексия XIV в. демонстрирует, как выглядели подобные оплечья: медальоны нашиты на горловину. Таким с большой долей вероятности можно видеть и оплечье княжеского costume. Наиболее близки к такому варианту медальоны из клада в Сахновке (№ 127).

Можно предполагать, что становление формы нагрудных ожерелий во многом связано с Русью. Несомненна их преемственность от византийских прототипов, комплекты из медальонов играют ту же роль защиты и оберегания христианина. Композиция Деисуса дополнилась на Руси образами русских князей-мучеников, Бориса и Глеба.

Древнерусские ожерелья из медальонов с христианскими сюжетами в значительной мере были созданием древнерусского искусства и художественного ремесла, собственной разработкой византийских прототипов.

³ В варианте рукописи другим почерком: «оплечие» (Уваров, 1885. С. 12, 13).

Список литературы

- Банк А.В.* Византийское искусство в собраниях Советского Союза. Л.; М.: Советский художник, 1966. 392 с.
- Библиотека литературы Древней Руси. Т. 2. XI–XII века. Под ред. Д.С. Лихачева и др. СПб.: Наука, 1999. 555 с.
- Борисова В.В.* Могильник у высоты «Сахарная головка» (По раскопкам и разведкам 1951 и 1953 годов) // Херсонесский сборник. Материалы по археологии Херсонеса Таврического. Вып. V. 1959. С. 169–190.
- Жилина Н.В.* Шапка Мономаха. Историко-культурное и технологическое исследование. М.: Наука. 2001. 247 с.
- Жилина Н.В.* Древнерусские клады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М.: URSS, 2014. 400 с.
- Жилина Н.В.* Ожерелья в костюме Московской Руси (предварительный очерк) // Археология Подмосковья. Материалы научного семинара. Вып. 12. М.: ИА РАН, 2016. С. 206–238.
- Жилина Н.В.* Социальный состав владельцев древнерусских кладов (IX–XIII вв.) // *Stratum plus*. 2018 г. № 5. С. 251–266.
- Залеская В.Н.* Прикладное искусство Византии IV–XII веков. Опыт атрибуции. СПб.: ГЭ, 1997. 57 с.
- Залеская В.Н.* Памятники византийского прикладного искусства IV–VII веков. Каталог коллекции. СПб.: Издательство ГЭ, 2006. 272 с.
- Кондаков Н.П.* Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода. СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1896. 214 с., ил. в тексте, 20 л. табл.
- Корзухина Г.Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1954. 226 с.
- Лечицкая О.* Коптские ткани. М: ГМИИ имени А.С. Пушкина, 2010. 416 с.
- Лукина Г.Н.* Предметно-бытовая лексика древнерусского языка. М.: Наука, 1990. 180 с.
- Наследие Византийского Херсона. Севастополь; Остин: Национальный заповедник «Херсонес Таврический», ГЭ, ГИМ, Телескоп, 2011. 708 с.
- Попова О.С.* Проблемы византийского искусства. Мозаики, фрески, иконы. М.: Северный паломник, 2006. 1088 с.
- Слово о полку Игореве. М.; Л., Государственное издательство детской литературы, 1955.
- Софийская первая летопись старшего извода // Полное собрание русских летописей. Том шестой. Выпуск 1. М.: Языки русской культуры, 2000. 312 с.
- Стерлигова И.А.* «Шапка с Деисусом» как памятник культуры Древней Руси // Материалы и исследования. Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-культурный музей-заповедник “Московский кремль”». Вып. 22. Отв. ред. А.Л. Баталов. М., 2014. С. 112–134.
- Толочко П.П.* Про принадлежність і функціональне призначення діадем і барм в Древній Русі // Археологія. Т. XV. Київ, 1963. С. 145–164.
- Уваров А.С.* Суздальское оплечье // Древности. Труды Московского археологического общества. Т. 5. Вып. 1. М., 1885. С. 1–18.
- Хайрединова Э.А.* Ожерелья с крестами последней четверти VI – VII вв. из некрополя Эски-Кермена // Владимирский сборник. Материалы международных научных конференций «I и II Свято-Владимирские чтения». Ред. Н.В. Жилина и др. Калининград: Издательский дом РОС–ДАОАФК, 2017. С. 280–287.

Everyday Life in Byzantium. Byzantine Hours, Works and Days in Byzantium. Ed. D. Papanikola-Bakirtzi. Athens: Hellenic Ministry of Culture, Epikoinonia Ltd. 2002. 599 p.

Niederle L. Příspěvky k vývoji byzantských šperků ze IV.-X. století. Praha: Nákladem České Akademie věd a Umění, 1930. 155 s.

The Glory of Byzantium. Art and Culture of the Middle Byzantine Era A.D. 843 – 1261. Ed. H.C. Evanc, W.D. Wixom. New York: The Metropolitan Museum of Art, 1997. 574 p.

N. V. Zhilina

AROUND SUZDAL NECKLACE

Summary. Necklaces of medallions of 12th–13th centuries with Deesis and ornamental compositions from hoards of Old Rus' have a standard image. A.S. Uvarov in article about necklace founded near Suzdal in 1851 outlined the history of the category of Christian necklaces.

The forms of Byzantine necklaces differ from the Old Rus' standard, also there are no analogies in Western Europe, Slavic countries. Nevertheless, Byzantine prototypes have a continuation in the material from Old Rus': category of Christian torques; various, non-standard pendants with Christian subjects, ornamental compositions and jewels. This early group of material of 11th–12th centuries is important as a link to early Byzantine forms.

Sets of Russian necklaces were not always formed at the same time, they contain different parts according to the time of manufacture. Necklaces of Old Rus' consisting from medallions with Christian plots were creations of an ancient Russian culture and as own development of Byzantine prototypes.

Keywords: necklaces, medallions, Byzantine, prototypes, kits, Old Russian hoard.

А. Г. Лапшин

К ВОПРОСУ О НАЗНАЧЕНИИ СУЗДАЛЬСКОГО ЗМЕЕВИКА

Резюме. *Суздальский змеевик* – обоюдовыпуклый круглый медальон из кровавой яшмы с изображениями и надписями на обеих сторонах. На одной его стороне расположены поименованные изображения Семи отроков Эфесских и молитвенные надписи о помощи, даровании животворного сна и преодолении лихорадки. Соседство изображений и надписи неслучайно: обращения к Семи отрокам Эфесским при лечении болезней зафиксированы в медицинских формулах-заклинаниях X–XIV вв. на латинском языке. Стилистическая и смысловая близость латинских формул и русских надписей *Суздальского змеевика* дает основание говорить о единой магико-медицинской традиции средневековой Европы.

Ключевые слова: амулет-змеевик, молитвенная надпись, восстановительный сон, лихорадка, средневековая медицина, кодификация магико-медицинских рецептов, Семь отроков Эфесских, Суздаль.

Особую группу памятников материальной и духовной культуры Древней Руси составляют амулеты-змеевики. Исторически эти амулеты происходили из Византии, с XI в. производились на Руси и имели хождение на протяжении всего Средневековья. Традиционно эта группа памятников рассматривается в контексте истории религиозности: подвески интерпретируются как обереги от немощей и болезней (*Гнутова, Зотова, 2000. С. 46; Николаева, Чернецов, 1991. С. 29–48; Коваль, 2007*). В настоящей публикации делается попытка конкретизировать данный тезис.

Во Владимиро-Суздальской земле известно немного амулетов-змеевиков, происходящих из Суздаля и его окрестностей (*Николаева, Чернецов, 1991. № 10. Табл. III: 1. С. 57, 96. № 12. Табл. XVII: 4. С. 110; Макаров, 2008; Макаров, Красникова, 2007. С. 63–72. Рис. 1, 2; Макаров и др., 2019. С. 18. Рис. 7: 3*). Самым известным из них является *Суздальский змеевик* – обоюдовыпуклый медальон диаметром 59 мм и толщиной 7 мм, выточенный из гелиотропа (кровавой яшмы). Изображения и надписи на поверхности выполнены в технике инталии (резьбой вглубь). На одной из сторон – изображения Семи отроков Эфесских с именны-

ми колончатými надписями (ANTONHNO, MAPTHNOC, EZAKVCTYЛHAN, MAZIMHЛIAIN, ДIОНVCHOC, HAMBЛHХЪ, IOANЪ). На другой стороне – изображение женской головы анфас со спокойным выражением лица и исходящими из нее шестью змеиными телами, завершающимися драконьими головами. По обоим сторонам – двустрочные русские молитвенные надписи (*Медынцева*, 1991. С. 134–148; *Гиппиус, Зализняк*, 1998. С. 540–562):

на стороне со змеиной композицией – + ГН ПЪМЪЗН РАЪ (OMATB)OHMA
НАРЪЧЪНЪМА ВЪ СВАТМЪЕ ХРЪЩЪННН МАРНН + Н ХРЪСТHNE ВЪ
MHP(EЖ)Ъ MHOСЛAVHE CЪ СТАРЕНШЪ СО ДЪЧЕРН СО AMHНЪ

на стороне с изображениями отроков – + ГН HCVСЪ КРЪСТЪ ДAVЪЕ
CЪНЪ :3: OTPOКЪ ВЪ COECЪCKEE ГOPЪ ЛAЖЪH. MA PAБЪMA CBOHMA +
ГЪOPЪГHEO XPECTHNE CЪНЪ ЖHBOЪТЪНЪЕ H MИPЪНЪЕ H BГACHCH(YOГ)
ЪHЪNVEO AMHНЪ (Прочтение надписей дается по варианту, представленному в описании амулета на официальном сайте ГИМ).

Амулет долгое время хранился в ризнице Рождественского собора г. Суздаля, обнаружен Г. Д. Филимоновым в 1866 г. (*Филимонов*, 1876), в 1890 г. был передан в коллекцию ГИМа. В настоящее время амулет выставлен в витрине зала № 10 «Удельный период Руси. XII – первая половина XIII в.» экспозиции Главного здания Государственного исторического музея (г. Москва, Россия). В электронном каталоге музейных предметов ГИМа медальон значится в коллекции «Драгоценные металлы» и имеет инвентарный номер 19726/OK 15560.

Суздальский змеевик неоднократно становился предметом внимания многих ученых. Наиболее значимые работы выполнены М. Н. Сперанским (*Сперанский*, 1893), А. С. Орловым (*Орлов*, 1926), А. Н. Рындиной (*Рындина*, 1972), М. В. Щепкиной (*Щепкина*, 1972), В. Н. Залесской (*Залесская*, 1974), Т. В. Николаевой и А. В. Чернецовым (*Николаева, Чернецов*, 1991. С. 82, 83), Д. Спайером (*Spier*, 1993), А. А. Гиппиус и А. А. Зализняк (*Гиппиус, Зализняк*, 1998).

По палеографическим и лингвистическим деталям надписей, а также стилистическим особенностям изображений было определено, что амулет принадлежал жене князя Всеволода III «Большое гнездо» Марии Шварновне и заказан был ею для исцеления своих детей и себя самой в 1189 г. (*Сперанский*, 1893; *Щепкина*, 1972; *Медынцева*, 1991а; 1991б; *Николаева, Чернецов*, 1991. С. 25). При неоднозначности решения вопроса об исторической принадлежности *Суздальского змеевика* его датировка укладывается в период от конца XI до начала XIII в.

Суздальский змеевик выделяется среди аналогий материалом (камень), мастерством исполнения, уникальностью поименованных изображений Семи отроков, наличием пространных именных заклинательных надписей на русском языке. Очевидно, что эскиз амулета был детальным, продуманным и, как нам представляется, апеллировал не к суевериям, но к системному медицинскому знанию эпохи Средневековья.

В европейской медицине эпохи Средневековья важную роль играли магические практики: приготовление и применение лечебного средства сопровождалось соответствующими действиями и вербальными формулами. В X–XI вв. в Европе появляются и распространяются записи медицинских рецептов, включающих фор-

мулу заклинания (Bonser, 1945; 1963. С. 12–50; Classen, 2017. С. 5–108; Ernst, 2011. С. 5–27; Young, 2018. С. 61–97). Кодификация магико-медицинских рецептов сделала возможным их применение любым знающим (умеющим читать) к любому больному. Эти рецепты и формулы составлялись как на латинском языке, так и на местных наречиях (Bonser, 1945; Ernst, 2011). Последнее является еще одним свидетельством в пользу массовости данных практик. Исцеляющая молитва предполагала трехчастное именование: 1 – того, к кому обращались за исцелением; 2 – того, об исцелении кого просили; 3 – именование болезни, об исцелении от которой просили. В кодифицированной формуле прописывалось имя целителя (адресат молитвы), а место имени больного обозначалось латинской буквой «N» (сокр. от лат. *nomine*).

В контексте рассматриваемой темы интерес представляют медицинские рецепты, включающие сюжет о Семи отроках Эфесских. Можно назвать семь таких текстов, составленных в период с X по XIV в. (Bonser, 1945; Лапшин, 2020). Рецепты предполагали произнесение обращенной к Господу молитвы о помощи поименованному рабу Божьему в защите от зла, выздоровлении от лихорадки (нарушении терморегуляции), освобождении от немочи, недопущении кровопотери, даровании сна и возвращении сил. Общее для всех рецептов – упоминание Семи отроков Эфесских по именам. Очевидно имена играли важную роль: их произнесение было обязательным. Более того, 4 из 7 «рецептов» предписывали нанести эти имена на *гостии* – евхаристические хлебцы из пресного теста (тонкие пластины круглой формы диаметром 6–8 см). Манипуляции с подписанными именами отроков *гостиями* предполагали физический контакт с больным: их клали на/под голову больному однократно или многократно. Все это сопровождалось произнесением соответствующей молитвы. Итак, в соответствии с вышеозначенными рецептами для защиты от зла (остановки кровопотери, излечения от лихорадки и умиротворения во сне) конкретного больного следовало произнести обращенную к Господу молитву с упоминанием имени пациента и проделать определенные действия с круглыми пластинами, несущими имена Семи отроков Эфесских.

Суздальский змеевик вполне вписывается в эту схему действий: он имеет форму круглой пластины, на одной из его сторон располагаются поименованные изображения Семи отроков Эфесских, по ободу круга идут обращенные к Господу моленные надписи о помощи Марии и ее дочери Хрестине, а также о даровании сна и *угашении силы огненной* (нормализации терморегуляции) Хрестине и Георгию. Если принять эту аналогию, то, в соответствии с латинскими рецептами, для «запуска» механизма амулета было достаточно физического контакта с поименованным заболевшим. С учетом уровня развития медицинского знания в Средневековье симптоматика, включающая *немочь* (недомогание, слабость), нарушения сна и терморегуляции, могла относиться к широкому спектру заболеваний – от разнообразных инфекций и отравлений до нервных расстройств. В таком случае можно сделать два предположения: 1) Суздальский змеевик – не предмет личного благочестия, а многообразный медицинский инструмент/средство, применяемый в случае болезни одного из трех названных персонажей; 2) амулет из Суздаля и европейские рецепты относятся к единой магико-медицинской традиции.

Второе предположение ослабляется видимыми различиями амулета и рецептов: 1) моленные надписи амулета из Суздаля – русскоязычные, а тексты рецептов – на латинском и староанглийском языках; 2) имена отроков на амулете даны в соответствии с традицией Симеона Метафраста, а в рецептах – с традицией *Золотой легенды*. Эти различия, на наш взгляд, не имеют принципиального значения. Воспроизведение сюжета о Семи отроках Эфесских в разных христианско-конфессиональных и религиозных культурах отразилось на вариативности имен отроков. Однако для всех христианских традиций неизменным оставалась важность сюжета об эфесских событиях в контексте понимания сна как состояния человека на границе (за границей) реальности и как доказательства возможности телесного возрождения. Именно этим объясняется популярность данного сюжета для лечения нарушений сна.

Выявленная связь между амулетом и рецептами усиливается еще одним аргументом. Парадоксально, но это каменный змеевик, идентифицированный как антикварная подделка (*Бобринский*, 1898; *Николаева, Чернецов*, 1991. № 43. С. 84, 85), представляющий собой комплект из двух каменных пластин: одна – квадратной формы, с изображением медальона с человеческой головой, из которой исходят шесть змеиных тел с драконьими головами; другая – прямоугольная, с семью медальонами, заключающими поименованные изображения отроков. На обеих пластинах имеются дефектные надписи, воспроизводящие надписи Суздальского змеевика, включая имена Георгия, Хрестины и Миославы. Местонахождение этих каменных пластин неизвестно. Возможно, комплект из двух пластин был воспроизведением оригинала – Суздальского змеевика. Но это было очень необычное воспроизведение – две отдельные пластины разного размера; не круглая, но квадратная/прямоугольная форма; семь медальонов с отроками вместо одного; расположение изображений на одной стороне пластин. Однако, с учетом вышеозначенных медицинских рецептов, такое «воспроизведение» становится понятным: заказчик или резчик, вероятно, знали о рецептах и видели Суздальский змеевик. Исходя из публикации А. А. Бобринского, можно судить о стилистической близости змеиной композиции суздальскому амулету и соответствии семи медальонов с изображениями отроков рецептам латинской традиции.

Таким образом, изображения, форма, надписи Суздальского змеевика были важными составляющими магико-медицинской механики амулета, при создании которого нашли отражение не только передовые технологии камнерезного мастерства XI–XIII вв., но и медицинские знания и практики Средневековья.

Литература

- Бобринский А. А.*, 1898. Несколько неизданных змеевиков // Записки Императорского Русского археологического общества. Новая серия. Т. 10, вып. 1, 2. Труды отделения славянской и русской археологии. Кн. 3. СПб. С. 310–315.
- Гиппиус А. А., Зализняк А. А.*, 1998. О надписях на Суздальском змеевике // Балто-славянские исследования. М. С. 540–562.
- Гнутова С. В., Зотова Е. Я.*, 2000. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литье XI – начала XX века. Из собрания Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева: альбом / фото С. И. Степина. М. 136 с.

- Залесская В. Н.*, 1974. К вопросу об атрибуции суздальского змеевика: В связи со статьей А. В. Рындиной «Суздальский змеевик» // Византийский временник. Т. XXXVI. М.: Наука. С. 184–188.
- Коваль В. Ю.*, 2007. О древнерусских амулетах-змеевиках // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 221. С. 54–63.
- Лапшин А. Г.*, 2020. Вербальная формула «Суздальского змеевика» // Вестник Владимирского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. № 1 (25).
- Макаров Н. А.*, 2008. Средневековое расселение в Суздальском Ополе: новые результаты и результаты исследований // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 2. М. С. 3–22.
- Макаров Н. А., Красникова А. М.*, 2007. Христианские древности суздальских селищ: новые находки // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 221. С. 63–72.
- Макаров Н. А., Шполянский С. В., Федорина А. Н., Узулава Н. Д.*, 2019. К изучению ближайшей округи средневекового Суздаля: исследования в верхнем течении р. Каменки в 2018–2019 гг. // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 9. М.: ИА РАН. С. 7–29.
- Медынцева А. А.*, 1991а. Подписные шедевры древнерусского ремесла. М. С. 134–148.
- Медынцева А. А.*, 1991б. Суздальский змеевик // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М. С. 34–52.
- Николаева Т. В., Чернецов А. В.*, 1991. Древнерусские амулеты-змеевики. М. 124 с.
- Орлов А. С.*, 1926. Амулеты-«змеевики» Исторического музея // Отчет Государственного исторического музея за 1916–1926 гг. М. 55 с. Приложение V.
- Рындина А. В.*, 1972. Суздальский змеевик // Древнерусское искусство: художественная культура домонгольской Руси. М. С. 217–234.
- Сперанский М. Н.*, 1893. О змеевике с семью отроками // Археологические известия и заметки, издаваемые Императорским Московским археологическим обществом. Т. I, № 2. М. С. 49–60.
- Филимонов Ю. Д.*, 1874–1876. Змеевик суздальского Рождественского собора // Вестник общества древнерусского искусства при Московском Публичном музее. № 1–12. Отд. IV: Смесь. С. 73–75.
- Щепкина М. В.*, 1972. О происхождении Успенского сборника // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М. С. 74–80.
- Bonser W.*, 1945. The Seven Sleepers of Ephesus in Anglo-Saxon and Later Recipes // Folklore. Vol. 56, № 2. P. 254–256.
- Bonser W.*, 1963. The Medical Background of Anglo-Saxon England. A Study in History, Psychology and Folklore. London. 448 p.
- Classen A.*, 2017. Magic in the Middle Ages and the Early Modern Age – Literature, Science, Religion, Philosophy, Music, and Art. An Introduction // Magic and Magicians in the Middle Ages and the Early Modern Time. The Occult in Pre-Modern Sciences, Medicine, Literature, Religion, and Astrology / Ed. by A. Classen. Berlin; Boston. P. 1–108.
- Ernst W.*, 2011. Beschwörungen und Segen Angewandte Psychotherapie im Mittelalter. Köln. 386 S.
- Spier J.*, 1993. Medieval Byzantine Magical Amulets and Their Tradition // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. Vol. 56. London. P. 25–62.
- Young F.*, 2018. A History of Exorcism in Catholic Christianity. Cham. 275 p.

Сведения об авторе

Лапшин Александр Геннадьевич, Владимирский государственный университет имени
Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых,
e-mail: lapshin-lapshin@mail.ru

A. G. Lapshin

ABOUT DESTINATION OF THE «SUZDAL HYSTERA-AMULET»

Summary. The article presents an attempt to interpret *Suzdal hystera-amulet* in the context of medical practices of the Middle Ages. On the side of the amulet there are named images of the Seven sleepers of Ephesus and prayers for a life-giving dream and a decrease of the “fire power”. The appeals to the mediation of the Seven sleepers of Ephesus in prayers for good dream and against fever are fixed in medical Latin formulas of the X–XIV centuries. The stylistic and semantic parallels of Latin formulas and Russian inscriptions on *Suzdal hystera-amulet* gives reason to talk about a unified magic-medical tradition in Medieval Europe.

Keywords: Hystera-amulet, prayer inscription, restorative dream, fever, medieval medicine, codification of magico-medical recipes, Seven sleepers of Ephesus, Suzdal, London.

С. В. Томсинский

КАМЕННЫЕ ИКОНКИ ИЗ РАСКОПОК В УГЛИЧЕ: ПРОБЛЕМЫ АТРИБУЦИИ

Резюме. Две каменные иконки из раскопок в Угличе, датируемые концом XIII и XV в., представляют значительный интерес для характеристики взаимодействия различных художественных традиций сакрального искусства в Новгородской земле и Волго-Окском междуречье в эпоху Средневековья.

Ключевые слова: Древняя Русь, Московское царство, Углич, каменные иконки.

Значение материалов археологических исследований в изучении портативной (т. е. *переносимой владельцами*) сакральной пластики из камня – резных иконок, принадлежащих эпохе Древней Руси и Московского царства, не следует преувеличивать по вполне объективным причинам. Исследователи этих миниатюрных рельефов давно признали непреодолимые сложности их датировок и атрибуций, поскольку резные иконки как предметы личного благочестия легко перемещались на огромные расстояния, да и после выхода из употребления оказывались порой далеко от места изготовления и бытования (*Порфиридов*, 1972. С. 201, 207; 1975. С. 75, 80; *Рындина*, 1978. С. 6–9; *Николаева*, 1983. С. 8, 9, 45–47; *Архипова*, 2010. С. 420; *Томсинский*, 2017. С. 397). Следовательно, каждая находка каменных иконок на том или ином археологическом памятнике с неизбежностью поставит новые вопросы, многие из которых так и останутся без ответа. Тем не менее каждая такая находка всегда будет привлекать особое внимание, поскольку миниатюрный рельеф материализует как религиозные практики социума, так и обращенные Горним силам молитвы навсегда оставшегося неизвестным владельца.

Разумеется, в полной мере это относится и к двум каменным иконкам, которые обнаружены в антропогенных отложениях угличского кремля в процессе археологических исследований 1989–2002 гг. Эти находки представляют несомненный интерес для конкретизации представлений о взаимодействии различных традиций сакрального искусства Верхнего Поволжья XIII–XV вв. и оказываются весьма выразительными иллюстрациями отдельных эпизодов долгой и драматичной истории города.

«Спас на престоле с предстоящими». Конец XIII в. 1992 г. Фрагмент шиферной иконки с изображением Спаса на престоле с предстоящими происходит с участка раскопа 6 1992 г., заложенного в ЮВ части угличского кремля перед зданием Присутственных мест. Здесь исследованы остатки большой усадьбы, принадлежавшей зажиточным горожанам и уничтоженной, судя по находкам, в 1293 г., во время разгрома Углича «Дюденовой ратью». Нижняя половина иконки утрачена, видимо, в момент потери.

Поскольку первые публикации этой иконки не привлекли должного внимания исследователей, считаем необходимым кратко напомнить здесь наши выводы с некоторыми уточнениями, неизбежными по прошествии четверти века после находки (Томсинский, 1995; 2003. С. 214, 215).

Иконка вырезана на прямоугольной с закругленным верхом пластинке голубовато-серого шифера. Композиция «Спас на престоле с предстоящими», исполненная в низком плоском рельефе, заключена в неглубокий ковчег с широкими полями; надписи, именующие изображенных, помещены на полях и на фоне. Сохранились верхняя часть фигуры Христа, лик и плечи Богоматери и лик Иоанна Предтечи, представленных в стрельчатом киоте. На киоте помещены фигуры архангелов с приподнятыми крыльями. (рис. 1) Одежния изображенных разделены глубокими параллельными линиями, воспроизводящими складки, скуластые, крупные лики с выпуклыми глазами трактованы широко, уверенными порезами камня. Поиски аналогий приводят к группе резных иконок, признаваемых Т. В. Николаевой и А. В. Рындиной новгородскими и датируемых XIII–XIV вв., а самой близкой аналогией представляется иконка с изображением Богоматери на лицевой стороне и св. Николая и Харитония на оборотной (Николаева, 1983. С. 27, 28, 69; Рындина, 1978. С. 161. Рис. 52, 53). Сходство представляется настолько очевидным, что позволяет, на наш взгляд, предположить создание обеих иконок одним мастером. Уместно отметить, что сам по себе этот прием передачи складок одежний глубокими параллельными линиями, известный еще с античности в разных культурных традициях, разумеется, не может быть признан достоверным аргументом в пользу именно новгородского происхождения этих иконок, равно как и не может быть признан серьезным основанием для сомнений в том, что они изготовлены именно в Новгороде.

Весьма характерны и надписи на полях и фоне иконки: ICXC, МИХАИЛО, ГАВЕИЛО, ИВА... В имени «Иван» буква В выведена зеркально. Трудно представить себе такую ошибку в бытовом письме функционально грамотного человека – но так вполне мог ошибиться человек, привыкший вырезать именно зеркальные надписи, например на литейных формах или матрицах печатей. Начертания букв характерны для XIII–XIV вв. (Черепнин, 1956. С. 154, 155, 244, 245, 351–353). Надписи на полях, очевидно, свидетельствуют об изначальном отсутствии у иконки металлической оправы – в таком случае, ее носили в матерчатой ладанке. Таким образом, датировка памятника в данном случае достаточно надежно устанавливается и стратиграфически, и палеографически. Особо следует обратить внимание на прекрасную сохранность рельефа, без выраженных следов потертости, что свидетельствует об относительно недолгом периоде бытования предмета до поломки и потери.

Рис. 1. Иконка «Спас на престоле с предстоящими». Шифер, резьба. Конец XIII в.

«Св. Иоанн» XV в. 2002 г. Небольшая иконка была обнаружена на участке раскопа 20 2002 г., заложенного к ЮВ от церкви св. царевича Димитрия «на крови». Стратиграфический контекст находки не позволяет однозначно определить время попадания предмета в антропогенные отложения: иконка залегала в перекопе столбовой ямы, датированном периодом не позднее XVI в.

Миниатюрный рельеф сохранился полностью: на прямоугольной пластине розового шифера с узкими полями и неглубоким ковчегом изображен предстоящий безбородый святой в рост, облаченный в длинный хитон и гематий. Пропорции приземистой фигуры с крупными ладонями заметно искажены, но лик с выступающими скулами, массивным подбородком и близко посаженными маленькими глазами моделирован тщательно; особое внимание мастер уделит передаче прядей волос над высоким лбом. На неправильно-округлом рельефном нимбе – растительный орнамент-«вьюнок», передающий, несомненно, сканный орнамент накладного венца чтимой иконы. Слева на полях – надпись, коротко именующая изображенного: ИВАН (рис. 2). Собственно, начертания букв этой надписи и становятся для иконки единственным датирующим признаком. Аналогичные написания букв А, В, Н фиксируются на памятниках XVв.; для более конкретных выводов данных нет

Рис. 2. Иконка «Св. Иоанн Кущник» (?). Шифер, резьба. XV в.

(Черепнин, 1956. С. 351–353). По уточняющему заключению М. Дробышевой, которой автор выражает глубокую признательность, написание буквы А с длинной спинкой устанавливается не ранее 1420 г.

Таким образом, иконка выпала в антропогенные отложения в тот период, когда Углич был одним из уделов Московского великого княжества и Московского

царства, причем на заднем дворе палат угличских удельных князей, где в 1591 г. было суждено погибнуть царевичу Димитрию. Судя по хорошей сохранности рельефа, иконка использовалась владельцем недолго и ее потеря не сопровождалась механическими повреждениями. Если и в этом случае потерю иконки соотносить с некими событиями в истории Углича, то уместно напомнить об ожесточенном штурме города после длительного артиллерийского обстрела кремля московско-тверским войском Василия II Темного в 1447 г. (ПСРЛ, 1965. Т. 11. С. 73)

Композиция рельефа и наличие на нимбе имитации растительного орнамента, воспроизводящего скань накладного венчика, свидетельствуют о том, что мастер воспроизвел чтимую икону – семейную или храмовую реликвию. При этом идентификация изображенного святого вызывает определенные сложности, поскольку, как давно установили исследователи каменных иконок, на некоторые из них ошибочные надписи наносились много позже создания самого рельефа. В данном случае у нас нет оснований для предположений одновременности надписи и рельефа, но среди многочисленных почитаемых в Древней Руси святых Иоаннов безбородыми изображались только молодой Иоанн Богослов в композиции Распятия и Иоанн Кущник. Последний изображался молодым человеком – но либо как преподаватель, в монашеском облачении, либо в рубище. Между тем на угличской иконке одеяние святого, при всей условности трактовки складок, однозначно не может быть признано ни тем, ни другим. Не представлен на иконке и такой характерный атрибут св. Иоанна Кущника, как упоминаемое в его Житии Евангелие в драгоценном окладе, с которым он обычно изображался. В то же время нельзя исключить и возможность существования угасшей со временем иконописной традиции, в которой этот святой – сын богатых родителей – изображался именно получающим благословение Бога на свой подвиг, следовательно, еще не иноком и не отшельником. Посему полагаем поименовать изображенного св. Иоанном Кущником – оставляя предложенную идентификацию под вопросом.

Поиски аналогий пластическому рельефу этой угличской иконки также приводят к памятникам портативной и стационарной сакральной пластики, которые исследователи давно признают новгородскими по происхождению и датируют XIII–XIV вв. И в этом рельефе складки одеяний переданы параллельными глубокими врезками, как на иконке с участка раскопа 6 и упомянутых выше иконках предположительно новгородского происхождения. Однако лик святого и пряди волос трактованы совершенно иначе. Наиболее близкой аналогией оказываются рельефы на клеймах знаменитого деревянного Людогощенского креста 1359 г., особенно одеяния и лик Богоматери. Создается впечатление, что мастер, создавший эту иконку, привык работать именно с деревом, а не с камнем, хотя, получив заказ, неплохо справился и с этим материалом. Менее очевидно, но все же заметно сходство в трактовке лика с ликами святых на Боровичском кресте и некоторых каменных иконках (*Рындина*, 1978. С. 65, 66; *Николаева*, 1983. С. 88. Табл. 29: 2).

Видимо, именно в деревянной резьбе Новгорода и сопредельных территорий, памятники которой, за исключением буквально единичных, до нас просто не дошли, и надо предполагать истоки той художественной традиции, которая отразилась в угличской иконке с изображением – предположительно – св. Иоанна Кущника.

Итак, пластическое решение рельефов обеих угличских иконок в общем кон-

тексте рассуждений исследователей о развитии древнерусской портативной сакральной пластики как будто позволяет предположить их новгородское происхождение и на этом поставить эффектное многогочие гипотетической атрибуции. Тем более, что в Ростове, ставшем с XI в. мощным центром того ареала древнерусской культуры, в котором развивался Углич, исследователи пока как будто не обнаруживают памятников портативной сакральной пластики, которые можно признать достоверно ростовскими (Пуцко, 1971).

Однако более уместным представляется все же вопросительный знак.

Дело в том, что и датировки, и атрибуции той группы памятников портативной сакральной пластики, с которой соотносятся угличские иконки, установленные Т. В. Николаевой, А. В. Рындиной, В. Г. Пуцко, остаются гипотезами, а стало быть, небесспорны, а местами обнаруживают столь изощренную усложненность, что возникает подозрение в стремлении не столько получить максимум достоверной информации из самого памятника, сколько продемонстрировать собственную эрудицию, в которой, собственно, никто никогда и не сомневался (Николаева, 1983. С. 5, 6, 18–20, 25–30; Рындина, 1978. С. 13, 21, 51; Пуцко, 2005–2009. С. 442). Между тем основания для сомнений в этих датировках и атрибуциях есть. Во-первых, все исследователи портативной сакральной пластики Древней Руси неоднократно отмечали, что ни стилистика рельефов, ни палеография надписей, ни – в подавляющем большинстве случаев – сюжеты композиций, ни даже находка каменных иконок на том или ином археологическом памятнике не устанавливают с должной степенью достоверности происхождения памятника. Однако эта констатация не мешала им в попытках преодолеть Порог Познания акцентировать как определяющие признаки – то стилистику, то палеографию, то место находки – либо соотносить эти признаки, подтверждая одной гипотезой другую. Во-вторых, внимательный анализ предлагаемых датировок памятников портативной сакральной пластики показывает, что не очень надежны даже надежные «хронологические реперы» по причине своей немногочисленности. То есть не все найденное археологами в Новгороде можно а priori признать новгородским, как не все, найденное в Угличе, – угличским. Рассуждая на эту тему, не следует забывать, что Новгород только после поражения в битве у Жданой горы в 1135 г. отрешился от попыток восстановить в той или иной форме контроль над этой территорией, установленный еще в X–XI вв., когда Волго-Окское междуречье заселялось выходцами из Новгородской земли. Но и в XIII–XV вв. Верхнее Поволжье представляло собой обширную контактную зону между Новгородом и Низовскими землями, открытую и культурным импульсам, исходившим с отдаленных территорий.

Таков очень непростой контекст угличских каменных иконок. Исходя из вышесказанного, мы воздержимся пока от однозначной «областной атрибуции» этих миниатюрных рельефов. Ограничимся констатацией их принадлежности к художественной традиции, которая, судя по аналогиям, распространялась из Новгорода на сопредельные территории или, что в равной степени вероятно, с сопредельных территорий в Новгород в конце XIII – первой половине XV в. Однако и с такой малоопределенной характеристикой угличские иконки можно признать весьма интересными памятниками портативной сакральной пластики Древней Руси и Московского царства.

Литература

- Архипова Е. И.*, 2010. Каменные иконки в Древней Руси: итоги и проблемы изучения иконок домонгольского времени // Археологія і давня історія України: збірник наукових праць. Вип. 1 / Під ред. П.П. Толочко та ін. Київ. С. 419–425.
- Николаева Т. В.*, 1983. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. М.: Наука. 232 с. (САИ; Е1-60).
- Порфиридов Н. Г.*, 1972. Древнерусская мелкая каменная пластика и ее сюжеты // Советская археология. № 3. С. 200–208.
- Порфиридов Н. Г.*, 1975. О мастерах, материалах и технике древнерусской мелкой каменной пластики // Советская археология. № 3.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей.. Т. 11. Патриаршая или Никоновская летопись. М.: Наука, 1965. 266 с.
- Пуцко В. Г.*, 1971. Каменные иконки и кресты в Ростове Великом // Byzantinoslavica. Т. XXXII, Fasc. 1. С. 86–101.
- Пуцко В. Г.*, 2009. Древнерусская каменная пластика малых форм: из опыта систематизации // Stratum plus. № 5 (2005–2009). С. 439–448.
- Рындина А. В.*, 1978. Древнерусская мелкая пластика. Новгород и центральная Русь XIV–XV вв. М.
- Томсинский С. В.*, 1995. Шиферная резная иконка XIII в. из Углича // Эрмитажные чтения памяти В. Ф. Левинсона-Лессинга. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. С. 50–52.
- Томсинский С. В.*, 2003. Угличе Поле в IX–XIII вв. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа. 320 с.
- Томсинский С. В.*, 2017. Произведения портативной пластики из камня как источники для изучения культуры Древней Руси и Московского царства // Stratum plus. № 5. С. 389–400.
- Черепнин Л. В.*, 1956. Русская палеография. М.: Госполитиздат. 616 с.

Сведения об авторе

Томсинский Сергей Владимирович, Государственный Эрмитаж,
e-mail s.tomsinsky@yandex.ru

S. V. Tomsinskiy

THE STONE ICONS FROM THE EXCAVATIONS IN UGLICH: THE PROBLEM OF ATTRIBUTION

Summary. Two stone icons from excavations in Uglich, Dating from the end of the XIII and XV centuries, are of considerable interest to characterize the interaction of various artistic traditions of sacred art in the Novgorod land and the Volga-Oka interfluvium in the middle ages.

Keywords: Ancient Rus, Moscow Kingdom, Uglich, stone icons.

Н. А. Баранов

**СУЗДАЛЬСКИЕ ГРЕБНИ ИЗ КОСТИ
И ПЛОТНОГО РОГА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ОХРАННЫХ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 2008–2019 гг.)**

Резюме. В данной работе публикуются находки предметов личной гигиены – расчесок и гребней из кости и плотного рога, что были обнаружены в результате проведения охранных археологических исследований в г. Суздале Владимирской области в период с 2008 по 2019 г.

Ключевые слова: г. Суздаль, материальная культура, предметы личной гигиены – односторонние и двусторонние гребенки из кости и плотного рога.

За период с 2009 по 2019 г. спасательные археологические работы были проведены практически в каждом районе г. Суздаля. Результаты этих исследований во многом дополнили историческую картину формирования и развития этого средневекового города и дали весьма богатый и информативный вещевой материал разных эпох. Одной из наиболее выразительных категорий предметов, что встречалась в процессе работ если не часто, то вполне регулярно, являлись предметы личной гигиены – костяные и роговые расчески и гребни.

В статье приводятся находки 44 предметов туалета, происходящие с 13 участков исследований, расположенных как в историческом ядре города (Кремль и Окольный город), так и в непосредственной близости от него (рис. 1; табл. 1). Учитывались как целые и частично поврежденные изделия, так и небольшие фрагменты, что сложно увязать с каким-либо типом, но по общим признакам относимые к остаткам описываемых предметов. Особое внимание уделялось контексту обнаружения находок, их форме, орнаментации, типологической и хронологической принадлежности изделий, а также поиску аналогий среди уже опубликованных предметов.

В основу дробления предметов на типы/категории была взята хронологическая таблица Б. А. Колчина (*Колчин*, 1982. С. 156–177), разработанная для

Таблица 1. Количество гребней/расчёсок разных типов по участкам обнаружения

		Участки исследований в г. Суздаль											Всего			
Группы предметов	Тип	ул. Гастьева, 16	ул. Вагранова, д. 8	ул. Лебедева, д. 15, 17	ул. Ленина, д. 82	ул. Ленина, д. 76	ул. Ленина, д. 106	ул. Пожарского, Ленина, д. 134, 136, 138	ул. Пушкарская, д. 11	ул. Пушкарская, д. 276	ул. Слободская, д. 47-49	ул. Старая, д. 6	ул. Теремки, д. 12	ул. Торговая площадь, д. 20		
		Тип 3	тип неопределен	Д	М	Л	Е	Н	П.П.	тип неопределен	К	тип неопределен	Итого			
Расчески*	Тип 3				1	1								1		
	тип неопределен					1						2		3		
	Цельные двусторонние гребни**	Д		1		3	2	1			1	1	2	2	13	
		М			1	1	1						1	1	5	
		Л											1		1	
		Е					1								1	
		Н	1			2			1	1	1			1	7	
		П.П.					1				1			1	3	
		тип неопределен		1		2	1		1	1				2	8	
		Наборные двусторонние гребни**	К											1		1
			тип неопределен				1									1
Итого			1	2	1	9	8	1	1	1	2	3	1	9	44	

* Типология О. И. Давидан

** Типология Б. А. Колчина

Суздальские гребни из кости и плотного рога
(по материалам охранных археологических исследований 2008–2019 гг.)

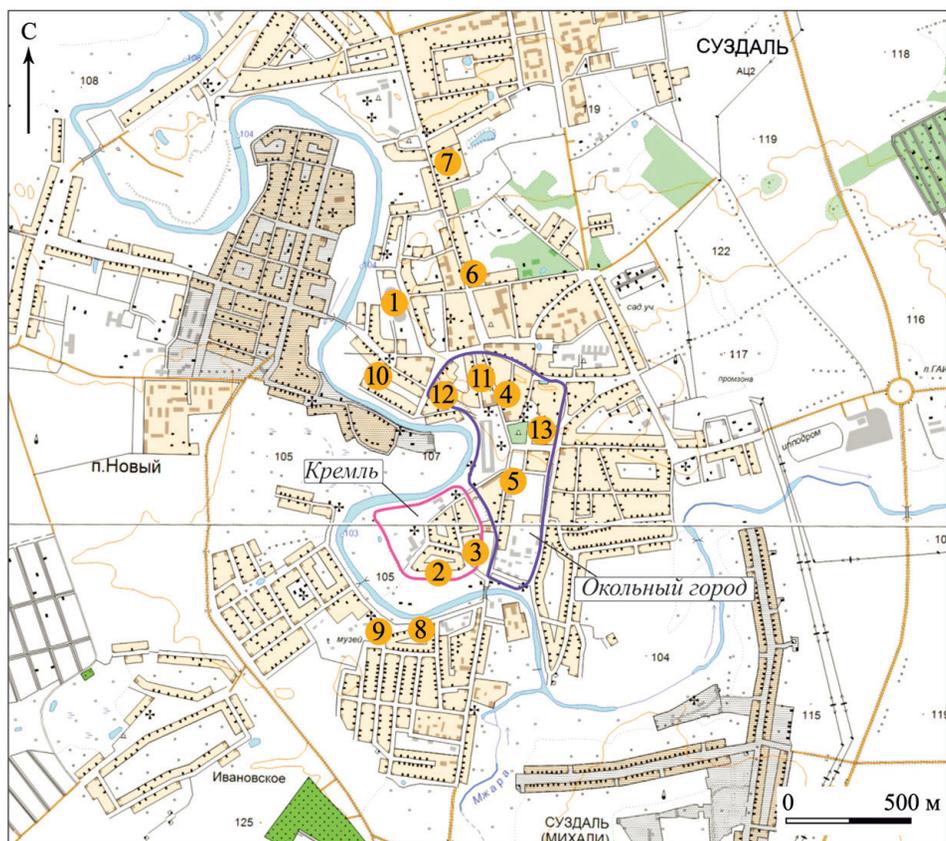

Рис. 1. Карта г. Суздаля с указанием участков проведения охранных археологических исследований

Новгородских древностей, где под *расческами* подразумеваются односторонние цельные и наборные изделия с чехлами или без, а под *гребнями* – двусторонние цельные и наборные предметы, сделанные из костей и рогов животных. И хотя в отечественной историографии уже было озвучено мнение о некоей формальности такого рода подхода к делению на типы, и что подавляющее большинство форм и пропорций цельных двусторонних гребней зависят от параметров исходного сырья (Смирнова, 1996. С. 74, 75), в данной работе, без учета анализа костного материала изделий, для упрощения упор делается на уже принятую новгородскую хронологическую шкалу.

Расчески

Всего к категории расчесок было отнесено шесть находок. Это три пластины от костяного футляра, часть расчески с обломками зубьев и два частично сохранившихся изделия (рис. 2: 1–4).

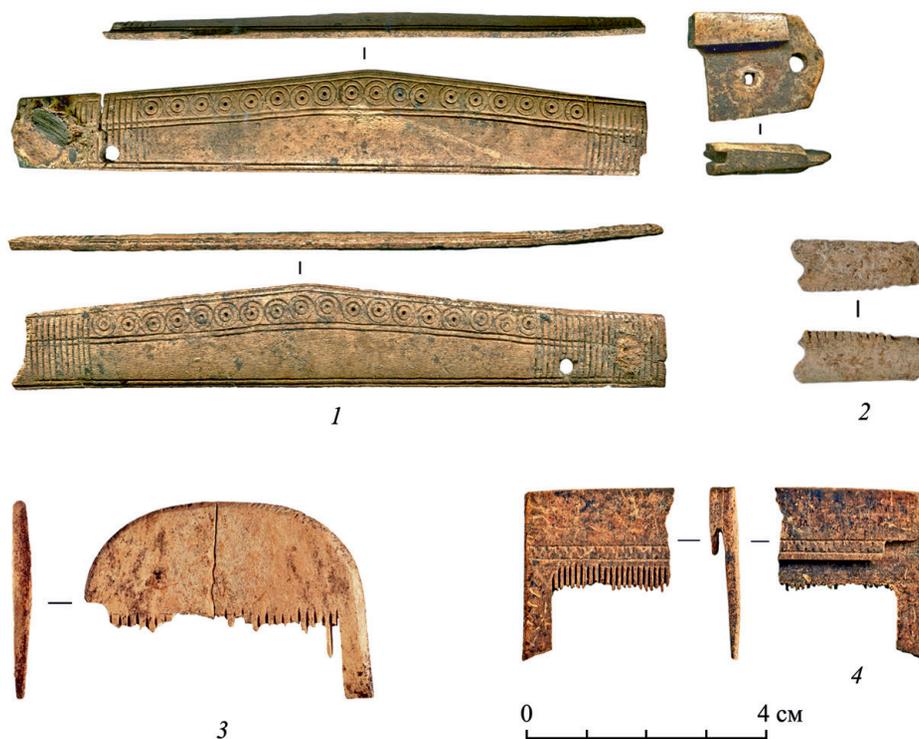

Рис. 2. Расчески. 1, 2 – односторонние наборные расчески (середина X – вторая половина XI в.); 3 – односторонний гребень с округлой спинкой; 4 – обломок односторонней расчески.

1, 2 – ул. Ленина, д. 76, 3, 4 – ул. Теремки, д. 12

Первая находка представлена костяным футляром, а точнее двумя боковыми накладками и деталью торцевой планки (рис. 2: 1; табл. 1) (Федорина, 2011. С. 52. Рис. 145). Накладки имеют прямое основание, выгнутую спинку и плоско-выпуклое сечение. Орнаментированы они одним рядом двойных кружочков с точкой в середине, размещающихся вдоль спинки накладки, и оконтурены двойным бордюром. Концы пластин украшены чередующимися нарезными линиями, а длинная сторона обведена контуром из двойной линии. Детали соединялись друг с другом при помощи небольших заклепок, о чем свидетельствуют отверстия на боковых планках футляра (D-2,44 мм) и на краевой пластине (D-1,91 мм). Также на краевой пластине есть отверстие большего диаметра, видимо, для ношения на шнурке или подвешивания предмета (D-3,26 мм). Размеры боковых пластин: длина – 10,51/10,96 см, высота – 1,14/1,58 см, толщина не превышает полутора миллиметров. Размеры торцевой пластины: длина – 2,03 см, высота – 1,77 см, толщина варьируется от 0,17 до 0,38 см.

Весьма близкие по форме и орнаменту, а также практически идентичные изделия регулярно встречались археологам, изучавшим г. Суздаль и его ближайшую округу. Обломок схожего футляра был найден при исследовании суздальского кремля (Нестерова, 2006. С. 20. Рис. 26), серия краевых пластин и обломков от боковых пластин происходит с раскопок селища Весь 1 (X – первая половина XIII в.) (Там же. С. 20, 21. Рис. 27–30), также близкая по декору и форме боковая пластина футляра костяной расчески найдена в ходе изучения селища Гнездилово 2 (X – начало XII в.) (Там же. С. 19. Рис. 24). Аналогичные изделия известны по материалам раскопок Белоозера (Захаров, 2004. Рис. 228: 7) и могильника Минино II на Кубенском озере (Меснянкина, 2008. Т. 2. С. 222. Рис. 190: 1; С. 225). Весьма широко данный тип предметов представлен в находках Великого Новгорода (Колчин, 1982. С. 156–177), Пскова (Кондратьева, 1995. С. 74–81) и многих других памятников Древней Руси. Также очень близкая по форме боковая находка чехла от расчески происходит с территории Волжской Болгарии с Измерского селища 1 (Казаков, 1991. С. 142, 143. Рис. 46: 16). Такой тип предметов получает свое распространение во второй трети – конце X в. и существует до XI в., хотя некоторые экземпляры продолжают использоваться и в XII в. (Меснянкина, 2008. Т. 2. С. 225).

Вторая находка от наборной односторонней расчески представлена небольшой частью плоской прямоугольной пластины с обломками зубьев (рис. 2: 2) (Федорина, 2011. С. 53–56, 167. Рис. 159). Ввиду весьма небольших размеров предмета точно датировать его не представляется возможным.

Также к расческам отнесены два весьма любопытных экземпляра (рис. 2: 3, 4; табл. 1) (Баранов, 2015. С. 23. Рис. 28: 37; С. 97. Рис. 317: 54). Первый представлен обломком костяной односторонней неорнаментированной расчески (гребня), со скругленными углами верхнего края площадки, имеющей прямоугольное сечение (рис. 2: 3). Размеры обломка – 4,7 × 3,29 м.

Наиболее близкие аналогии этому предмету находятся на территории Волжской Болгарии, где весьма широко представлены изделия такого облика. Хронологическим отрезком существования болгарских находок является период второй половины XI в. – начала XIII в. (Руденко, 2005. С. 71; Закирова, 1988. С. 228, 229), хотя не исключено более раннее время бытования данного предмета (Захаров, 2004. С. 218).

Вторым является обломок односторонней роговой расчески с частым зубом (рис. 2: 4). Предмет имеет близкую к прямоугольной форму, с ровными боковыми сторонами, прямоугольным сечением и незначительно изогнутую спинку. Размеры обломка – 2,5 × 2,89 см. С одной стороны по всей длине у этого изделия есть пропиленный паз, предназначенный, видимо, для крепления гребня в специальном футляре или чехле. Интересной особенностью является его двусторонняя орнаментация из противопоставленных рядов треугольников («косынок»), что образуют ломаную «змейку» (он же «волчий зуб»), выполненная в виде поясков над зубьями гребня. Такой тип орнамента известен на белокаменных надгробьях с XIII–XIV вв. (Беляев, 1996. С. 42, 292, 293) и продолжает существовать вплоть до второй половины XVI в. (Там же. С. 44).

Двусторонние гребни

Двусторонние цельные и наборные гребни представляют самую большую категорию, состоящую из 38 находок.

Самой крупной является группа предметов *типа Д*. Всего их найдено 13 штук (рис. 3: 1–13; табл. 1) (Баранов, 2015. С. 30, 90. Рис. 59, 293; 2017. Рис. 188, 189; Карпухин, 2012. Рис. 418, 496, 544; Федорина, 2011. Рис. 16, 69; 2007. Рис. 12; Несмиян, 2008. Рис. 14; 2010–2011. Рис. 396; 2020. Рис. 90).

Гребни типа Д в плане имеют трапециевидную форму и линзовидное сечение. Ширина предметов со стороны редкого зуба варьируется от 2,5 см до 4,4 см, со стороны частого – от 3,08 см до 6,86 см, при высоте предметов от 4,17 см до 6,03 см. Орнаментированы они зачастую пропиленным линейно-поясковым декором, за исключением четырех находок, центральная площадка которых с обеих сторон украшена циркульным орнаментом в виде двух/четырех последовательных кружочков.

По классификации Новгородских древностей Б. А. Колчина, эти предметы используются весьма длительный период – с конца X в. и уходят из употребления ближе к концу XII в. Такой тип гребня был весьма широко распространен на территории Древней Руси и за ее границами. Аналогичные предметы встречаются как в культурных слоях таких городских центров, как Суздаль (Седова, Беленькая, 1981. Рис. 3: 11), Ростов Великий (Нефедов и др., 2018. С. 94, 94. Рис. 4: 15, 17), городище Ярополч-Залесский (Нестерова, 2006. С. 48. Рис. 106; С. 49. Рис. 109), городище Старая Рязань (Монгайт, 1955. С. 134. Рис. 97: 17; Даркевич, Борисевич, 1995. Табл. 6: 8; 57: 7; 69: 2; 79; 99: 6; 103: 5, 7; 106: 7), Смоленск (Пронин и др., 2011. С. 164. Рис. 136: 5, 6), Белоозеро (Захаров, 2004. Рис. 226: 2–4), городище Семьинское (Нестерова, 2006. С. 23. Рис. 34), Великий Новгород и т. д., так и на памятниках поселенческого характера: Минино I (Меснянкина, 2008. С. 225. Рис. 191: 1–7), селища Клочково II (Несмиян О. А., Несмиян В. Г., 2018. С. 193, 194. Рис. 1: 1, 5), селища Весь I (Нестерова, 2006. С. 24. Рис. 36) и многих других.

Двусторонние гребни *типа М* очень близки по форме к вышеописанным и отличаются слегка вогнутой боковой линией, тогда как у гребней типа Д эта линия практически прямая. Всего таких гребней найдено 5 (4 целых предмета с небольшими утратами и один обломок) (рис. 4: 1–5; табл. 1) (Баранов, 2015. Рис. 293; 2017. Рис. 37, 190; Федорина, 2007. Рис. 71; Карпухин, 2012. Рис. 579).

Самый первый костяной двусторонний гребень хотя и был с некоторыми огорками отнесен к типу М, но имеет значительные отличия (рис. 4: 1). У него боковые грани значительно выгнуты, что морфологически сближает его с гребнями типа Н (см. ниже). Ширина изделия со стороны редкого зуба – 5,37 см, со стороны частого – 6,32 см, высота предмета – 5,88 см. Орнаментирован гребень пропиленным линейно-поясковым и циркульным декором. Аналогичные по форме изделия происходят из раскопок Белоозера (Захаров, 2004. Рис. 226: 10–12), Пиррова городища и суздальского кремля (Нестерова, 2006. С. 29. Рис. 50; С. 50. Рис. 114).

У остальных двусторонних встреченных гребней *типа М* ширина со стороны редкого зуба варьируется от 4,36 до 6,31 см, со стороны частого зуба – от 5 см до 6,32 см. Высота предметов близка – 4,99–5,89 см. Орнаментированы они пропиленным линейно-поясковым декором. В случае с находкой с ул. Ленина, д. 82 имеет место нанесение циркульного орнамента в виде кружков между поясками.

Суздальские гребни из кости и плотного рога
(по материалам охранных археологических исследований 2008–2019 гг.)

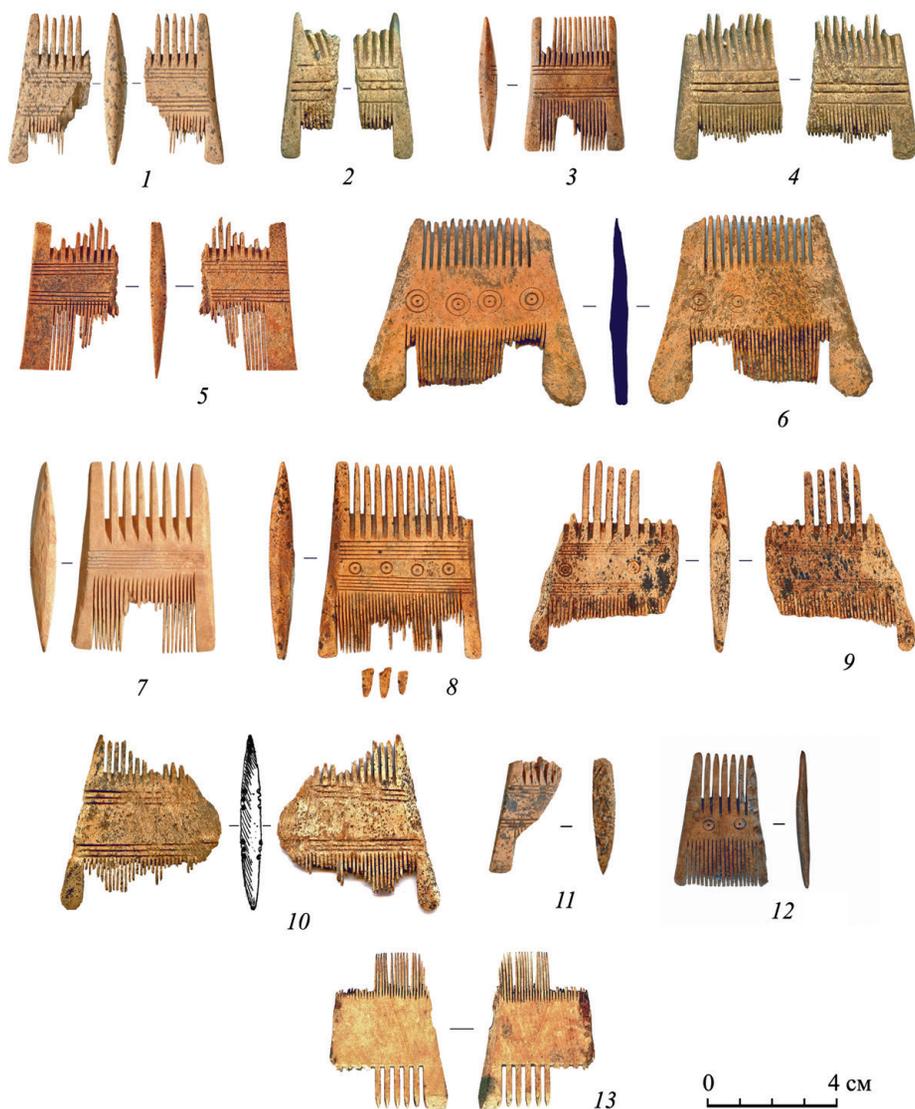

Рис. 3. Двусторонние гребни. Тип Д (конец X – конец XII в.).
1, 7, 11 – ул. Ленина, д. 82; 2, 4 – ул. Ленина, д. 76; 3, 5 – ул. Теремки, д. 12; 6 – ул. Слободская, д. 47, 49; 8, 9 – Торговая площадь, д. 20; 10 – ул. Ленина, д. 106; 12 – ул. Старая, д. 6, 13 – ул. Варганова, д. 8

Рис. 4. Двусторонние гребни. Типа М (конец X – начало XIII в.).
1 – ул. Ленина, д. 82; 2 – ул. Теремки, д. 12; 3 – ул. Алексея Лебедева, д. 15–17; 4 – ул. Ленина, д. 76; 5 – Торговая площадь, д. 20

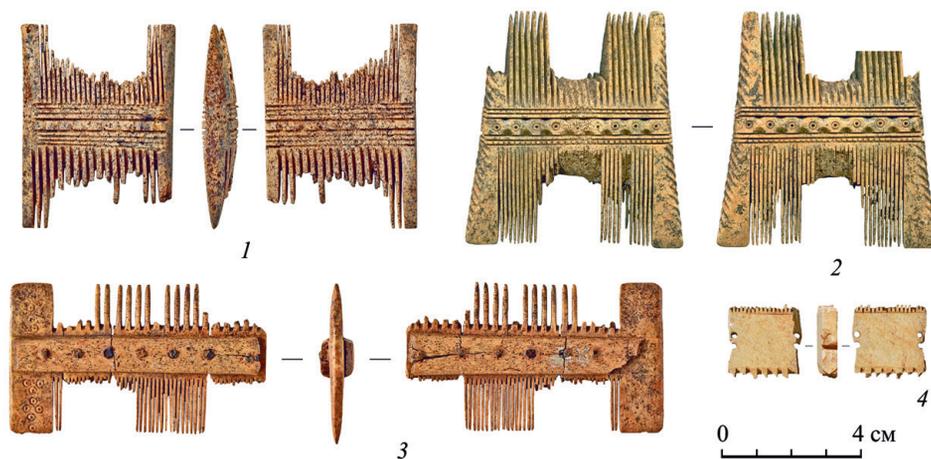

Рис. 5. Двусторонние гребни. 1 – тип Л (конец X – начало XIII в.); 2 – тип Е (вторая половина XI – конец XIII в.).

Двусторонние наборные гребни. 3 – тип К (середина XII – середина XIV в.), 4 – тип неопределим.

1, 3 – ул. Теремки, д. 12; 2 – ул. Ленина, д. 76, 4 – ул. Ленина, д. 82

Период использования у подобного типа находок несколько длиннее, чем у гребней типа Д, это конец X в. – начало XIII в. Встречаются подобные категории находок при исследовании средневековых слоев также вполне регулярно.

Прямоугольную форму и линзовидное сечение имеет находка костяного гребня *типа Л* (рис. 5: 1; табл. 1) (Баранов, 2015. Рис. 766). Декорировано изделие пропильным линейно-поясковым орнаментом. Размеры предмета – 4,29 × 5,67 см. Временем бытования данного изделия является конец X – начало XIII в. Близкие по форме и декору изделия неоднократно были встречены при исследованиях как в г. Суздале, так и из его ближайшей округи (Нестерова, 2006. С. 26. Рис. 43; С. 40. Рис. 82; С. 41. Рис. 86).

Еще одной единичной находкой представлен двусторонний гребень *типа Е* (рис. 5: 2). В плане он имеет трапециевидную форму и линзовидное сечение, повторяя форму гребней типа Д (см. выше), но отличается наличием проточенных косых насечек на прямых боках, совокупность которых создает ребристую поверхность (табл. 1) (Федорина, 2011. Рис. 46).

Лицевая сторона гребня весьма искусно декорирована пропильным линейно-поясковым орнаментом, в промежутках которого прорезаны небольшие вертикальные черточки. Центральная часть орнаментирована противостоящими полукруглыми

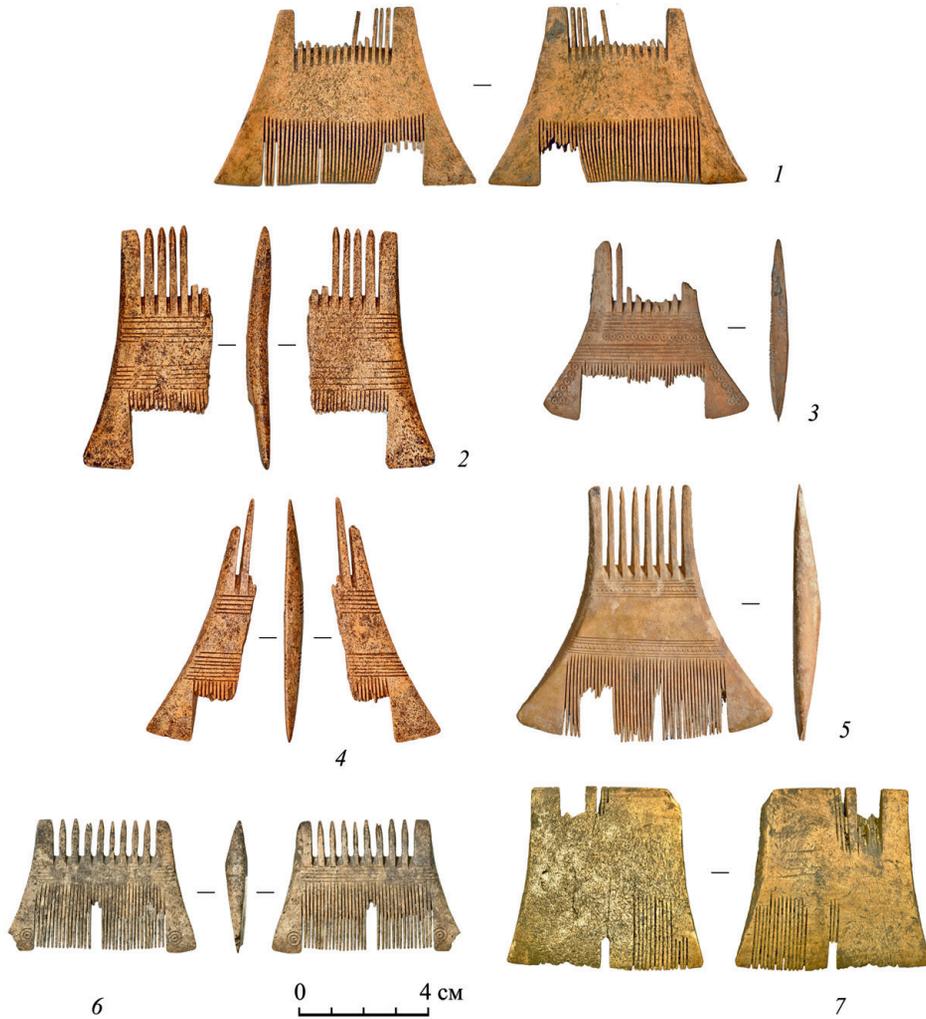

Рис. 6 Двусторонние гребни. 1–6 – тип Н (начало XII – конец XIV в.); 7 – заготовка гребня.

1 – ул. Слободская, д. 47, 49; 2 – Торговая площадь, д. 20; 3, 5 – ул. Ленина, д. 82; 4 – ул. Гастева, 1Б; 6 – ул. Пушкарская, д. 11; 7 – ул. Пушкарская, д. 276

ми углублениями, с циркульным орнаментом из небольших кружков, ограниченными линейным бордюром. Размеры изделия со стороны частого зуба – 5,05 см, со стороны редкого – 6,15 см, высота – 6,67 см.

Такой тип цельных двусторонних гребней возникает во второй половине XI в. и исчезает к концу XIII в. (Колчин, 1982. С. 156–177). Подобные двусторонние гребни, помимо новгородских находок (Кондратьева, 2011. С. 141. Рис. 34), были

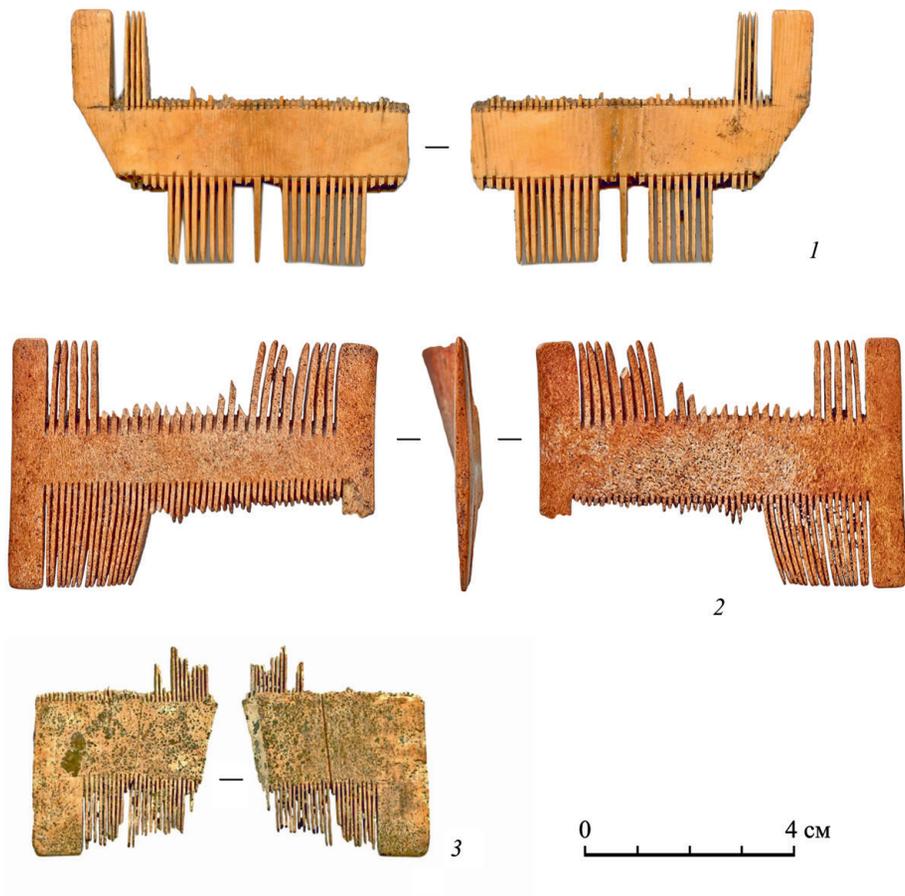

Рис. 7. 1, 2 – Двусторонние прямоугольные плоские гребни (начало XIV – XV в.); 3 – Заготовка под гребень (брак ?).

1 – ул. Слободская, д. 47, 49; 2 – Торговая площадь, д. 20; 3 – ул. Ленина, д. 76

встречены при исследованиях в Старой Ладогe (Давидан, 1962. С. 102. Рис. 4: 10) и на Белоозере (Захаров, 2004. Рис. 226: 14, 15).

Шестью целыми находками и одной заготовкой представлены гребни *типа Н* (рис. 6: 1–7; табл. 1) (Баранов, 2017. Рис. 149, 413; Карпужин, 2012. Рис. 322; 541; Зайцева, 2009. Рис. 58; Сазонов, 2010. Рис. 34; Несмиян, 2010–2011. Рис. 356). Они имеют трапециевидную форму и линзовидное сечение, но отличаются резко вогнутыми боками. Размеры предметов: со стороны редкого зуба – 3,22–4,17 см, со стороны частого – 5,58–8,04 см, высота предметов варьируется от 4 до 8 см. Орнаментированы они зачастую пропиленным линейно-поясковым и циркульным декором. На гребне 5 между поясками вписан декор «змейка» (рис. 6: 5). Такой тип гребня использовался с начала XII в. до конца XIV в. и имел весьма широкое распространение.

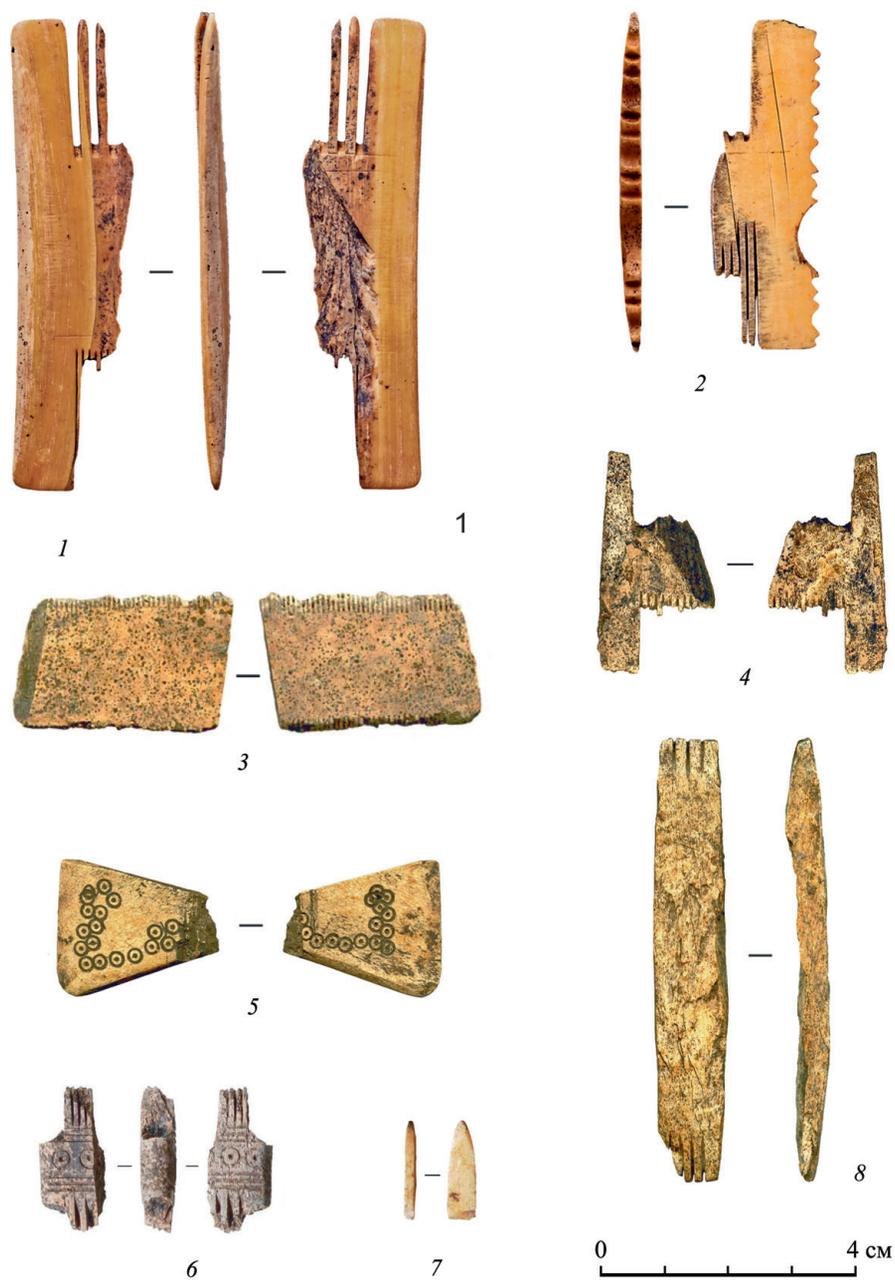

Рис. 8. Двусторонние гребни. 1, 2 – двусторонние гребни нового времени (?); 3–8 – неопределимые обломки.

1, 2– ул. Теремки, д. 12; 3 – ул. Ленина, д. 76; 4 – ул. Ленина – Пожарского, д. 134, д. 136, д. 138; 5 – ул. Пушкарская, д. 276; 6, 7– ул. Ленина, д. 82, 8 – ул. Варганова, д. 8

Несколько особняком от вышеописанных изделий стоят прямоугольные двусторонние костяные гребни с плоским сечением без орнамента (рис. 7: 1, 2; табл. 1) (Несмиян, 2010–2011. С. 72. Рис. 463: 920; Баранов, 2017. С. 79, 80. Рис. 240: 118). Размеры относительно целого гребня 2 – $4,83 \times 6,94$ см. Обе находки не орнаментированы. Стоит отметить, что на гребне 1 есть проточенные линии у основания зубьев. Это не похоже на попытку декорирования изделия, а скорее всего условная граница, что нанес косторез для определения длины будущих зубьев.

Датируются двусторонние прямоугольные плоские гребни началом XIV – XV в. Подобные изделия, хоть и не так регулярно, но все же встречались при исследованиях в г. Суздале (Нестерова, 2006. С. 60. Рис. 144, 145).

Последний обломок двустороннего гребня, похожий на прямоугольные плоские, стоит несколько особняком из-за некоторых своих особенностей (рис. 7: 3; табл. 1) (Федорина, 2011. С. 79, 80. Рис. 218: 370).

В отличие от вышеописанных предметов, этот имеет особенность строения. Во-первых, с обеих сторон у этого предмета пропилен частый зуб, вместо привычной последовательности – частый/редкий, во-вторых, у него, на условно «верхней» части, зубья идут до самого края без отделяющей широкой части. Не исключено, что эта находка является либо кустарно сделанным гребнем, либо, что вернее, подделкой начинающего костореза, только осваивающего ремесло. Также возможно вторичное использование пришедшего в негодность гребня.

Двусторонние наборные гребни с мелким и частым зубом представлены обломками двух изделий.

Первый обломок наборного гребня относится к *типу К* (рис. 5: 3; табл. 1) (Баранов, 2015. С. 109. Рис. 365: 772). Он имеет прямоугольную в плане форму, с прямыми боковыми сторонами. Гребень состоит из шести деталей, зафиксированных двумя трапециевидными в продольном и поперечном срезе боковыми накладками, закрепленными на предмете последовательно идущими небольшими железными заклепками. Размеры предмета – $4,29 \times 7,27$ см.

С одной, условно «лицевой», стороны гребень орнаментирован циркульным декором в виде кружочков, другая сторона не орнаментирована.

Такой тип изделий неоднократно был встречен при исследованиях Пиррова Городища, Древнего Суздаля и на селище Мининское (Нестерова, 2006. С. 66. Рис. 157; С. 67. Рис. 160, 161; С. 68. Рис. 162, 164), при раскопках могильника Минино II (Меснянкина, 2008. С. 227. Рис. 192: 2. Табл. 97; С. 288), также при исследованиях средневекового Белоозера (Захаров, 2004. Рис. 226: 25). Бытуют подобные изделия в первой четверти XII в. вплоть до начала XIV в.

Второй предмет представлен небольшим обломком боковой неорнаментированной накладки с пропиленными отверстиями для крепления деталей (рис. 5: 4; табл. 1) (Карпухин, 2012. С. 62–64. Рис. 191: 325)

Последние два гребня (рис. 8: 1, 2), представленные в этой работе, отличаются от общей массы близких к ним предметов. (Баранов, 2015. С. 65. Рис. 181: 689; С. 76. Рис. 226: 1042). Это прямоугольные в плане предметы с лизовидным сечением. У одного боковая сторона имеет слабый изгиб, у другого она сравнительно ровная и декорирована пропиленными углублениями, что образуют гребенку, похожую на зубья, а также вогнутым углублением, видимо, для более удобной фикс-

сации предмета в руке. Размеры изделий – $1,54 \times 7,7$ см и $1,67 \times 5,16$ см. Скорее всего, перед нами предметы несколько архаичного облика, что продолжали использоваться в период Нового времени.

Оставшиеся предметы, ввиду небольших размеров, были отнесены к неопределенному типу изделий (рис. 8: 3–8; табл. 1) (Федорина, 2008. Рис. 16а; 2011. Рис. 218; Карпухин, 2012. С. 62–64. Рис. 191, 370; Сазонов, 2010. С. 47).

Таким образом, несмотря на относительную немногочисленность найденных за последнее время костяных гребней на охранных археологических работах в г. Суздале, их коллекция представляется весьма содержательной. Она отражает довольно традиционный для территории Древней Руси характер предметов личной гигиены, что встречается как на территории крупных городских формирований, так и на памятниках поселенческого облика. Обнаружение заготовок и бракованных изделий красноречиво указывает на наличие местного производства предметов гигиены, хотя полноценно отличить изделия суздальских мастеров от привозных практически невозможно. Накопление информации по формам, орнаменту, приемам обработки сырья, а также его характере и используемом инструментарии в дальнейшем позволят ответить на этот вопрос.

Архивные материалы

- Баранов Н. А.* Отчет о проведении научных изысканий (археологических раскопок) на ул. Теремки, д. 12 в Окольном городе г. Суздаля во Владимирской области в 2015 г. // Архив ИА РАН. № 50042–50048.
- Баранов Н. А.* Отчет о проведении археологических исследований (раскопок) в г. Суздаль по адресам: ул. Алексея Лебедева д. 15–17 и ул. Торговая площадь, д. 20 во Владимирской области в 2017 г. // Архив ИА РАН. № 56621–56623.
- Баранов Н. А.* Отчет о проведении археологических исследований (раскопки, наблюдения) на участке реконструкции стадиона «Спартак» в г. Суздаль по адресу ул. Гастева, 1Б в 2017 г. // Архив ИА РАН. № 56083–56086.
- Зайцева И. Е.* Отчет о результатах охранных археологических работ в г. Суздале Владимирской области по адресу ул. Пушкарская, 11 в 2008 г. // Архив ИА РАН. № 37307.
- Карпухин А. А.* Отчет о результатах охранных работ Суздальской археологической экспедиции ИА РАН на участке застройки по адресу г. Суздаль, ул. Ленина, д. 82 в 2012 г. в 4-х томах // Архив ИА РАН. № 34774–34777.
- Несмиян О. А.* Отчет о результатах археологического исследования при прокладке траншеи отопления по адресу: Суздаль, ул. Ленина, 106 в 2008 году // Архив ИА РАН. № 43418.
- Несмиян О. А.* Отчет об археологических исследованиях в городе Суздале, улица Слободская, 47–49 в 2010–2011 гг. // Архив ИА РАН. № 30726–30728.
- Несмиян О. А.* Научный отчет о проведении археологических исследований на земельном участке по адресу: Владимирская область, г. Суздаль, ул. Старая, д.6. // Архив ИА РАН. Б/н.
- Сазонов С. В.* Отчет об археологических исследованиях на участке строительства по адресу: г. Суздаль ул. Пушкарская в 2009 г. // Архив ИА РАН. № 37491–37493.
- Федорина А. Н.* Отчет о результатах охранных археологических работ, проводившихся Суздальской археологической экспедицией ИА РАН в г. Суздале на ул. Варганова, д. 8 в 2007 г. // Архив ИА РАН. № 48066.

**Суздальские гребни из кости и плотного рога
(по материалам охранных археологических исследований 2008–2019 гг.)**

Федорина А. Н. Отчет о проведении охранных археологических исследований по адресу г. Суздаль, ул. Ленина, д. 76 в 2011 г. // Архив ИА РАН. № 35841.

Литература

- Беляев Л. А.*, 1996. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.: Модус-Граффити. 568 с.
- Давидан О. И.*, 1962. Гребни Старой Ладogi // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 4. Л. С. 95–107.
- Даркевич В. П., Борисевич Г. В.*, 1995. Древняя столица рязанской земли: XI–XIII вв. М.: Кругъ. 448 с.
- Закирова И. А.*, 1988. Косторезное дело Булгара // Город Болгар: очерки ремесленной деятельности. М.: Наука. С. 218–241.
- Захаров С. Д.*, 2004. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик. 392 с.
- Казаков Е. П.*, 1991. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань. 176 с.
- Колчин Б. А.*, 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. С. 156–177.
- Кондратьева О. А.*, 1995. Гребни с кружковым орнаментом из древнерусских находок // Славяно-русские древности. Вып. 3. Проблемы истории Северо-Запада Руси. СПб. С. 74–81.
- Кондратьева О. А.*, 2011. Гребни IX–XIX вв. в быту, обрядах, фольклоре, ремесле и художественном творчестве Древней Руси – России. Археологические и этнографические очерки. СПб. 243 с.
- Меснянкина С. В.*, 2008. Изделия из кости и рога // Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 2. М. Наука. С. 215–253.
- Монгайт А. Л.*, 1955. Старая Рязань. М. 228 с. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 49) (Материалы и исследования по археологии древнерусских городов; т. 4).
- Несмиян О. А., Несмиян В. Г.*, 2018. Изделия из кости из вещевой коллекции Клочковского селища // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 8. С. 193–198.
- Нестерова Н. В.*, 2006. Костяные гребни XI–XIV вв. из археологических коллекций музея: каталог. Владимир. 72 с.
- Нефёдов В. С., Орлов В. Н., Самойлович Н. Г.*, 2018. Топографический раскоп 2016 г. Новые данные по исторической топографии Ростова Великого // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 8. С. 90–98.
- Пронин Г. Н., Соболев В. Е., Гусаков М. Г.*, 2011. Древний Смоленск. Археология пятницкого конца. Смоленск. 208 с.
- Руденко К. А.*, 2005. Булгарские изделия из кости и рога // Древности Поволжья. Эпоха средневековья (Исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды): материалы II Всероссийской конференции «Поволжье в средние века» (25–28 сентября 2003 года). Казань. С. 67–97.
- Седова М. В., Беленькая Д. А.*, 1981. Окольный город Суздаля // Древнерусские города. М. С. 95–115.
- Смирнова Л. И.*, 1996. Новгородские гребни из моржового клыка // Новгород и Новгородская земля: История и археология. Вып. 10. Новгород. С. 70–80.

Н. А. Баранов

Сведения об авторе

Баранов Николай Анатольевич, Институт археологии РАН,
e-mail: dr.till2011@yandex.ru

N. A. Baranov

**SUZDAL COMBS MADE OF BONE AND DENSE HORN (ACCORDING TO THE
MATERIALS OF RESCUE ARCHAEOLOGICAL RESEARCH 2008–2019)**

Summary. This paper publishes the findings of personal hygiene items – unilateral and bilateral bone and horn combs that were found as a result of archaeological research in the city of Suzdal in the period from 2008 to 2019.

Keywords: Suzdal, material culture, personal hygiene items, bone and horn combs.

О. В. Данилов, Д. В. Абрамов

СТЕКЛЯННАЯ ПОСУДА ИЗ РАСКОПОК В МУРОМЕ

Резюме. Статья посвящена стеклянным сосудам из раскопок на Богатыревой горе в городе Муроме Владимирской области в 2017 г. В коллекции индивидуальных находок, собранной в ходе этих раскопок, выделяются две группы фрагментов стеклянной посуды. Первая группа состоит из фрагментов бокалов XII–XIII вв. Вторая группа объединяет фрагменты сосудов XVI–XVII вв. Импортные сосуды древнерусского периода представлены фрагментами изготовленных на Ближнем Востоке бокалов с орнаментом из накладных тонких фиолетовых стеклянных нитей и с росписью золотом и эмалью, изготовленных в ранний период бытования таких изделий. Среди позднесредневековых находок выделяются фрагменты сосуда с белой и синей филигранью, выполненного в технике «Façon de venise».

Ключевые слова: Владимирская область, Муром, средневековая стеклянная посуда, стеклянные сосуды с золотом и эмалью с Ближнего Востока, стекло в технике «Façon de venise».

Археологические раскопки в г. Муроме Владимирской области в 2017 г. проводились по адресу: Комсомольский переулок, дом № 12. Работы велись в северной части Богатыревой горы, которая расположена к юго-востоку от Кремлевской горы и отделяется от нее дорогой, спускающейся к Оке (съезд Воровского). На исследованном участке были выявлены остатки сооружений древнерусского времени XVI–XVII вв. Коллекция индивидуальных находок, собранных в ходе раскопок, содержит 190 предметов, из которых 24 % приходится на изделия из стекла и их фрагменты. В их составе присутствуют 15 фрагментов стеклянной посуды, относящихся к различным периодам средневековой Руси.

Изделия из стекла, как правило, всегда присутствуют среди находок, собираемых при археологических раскопках культурного слоя древнерусских городов. Большинство их относится к украшениям: браслеты, бусы, перстни и т. п. Фрагменты стеклянных бокалов встречаются значительно реже. Не является исключением и культурный слой г. Мурома. Тем не менее такие находки были отмечены ранее, например при раскопках В. В. Бейлекчи в Окском парке в 1998 г. (*Бейлекчи*, 2000. С. 12, 14, 20) и 2006 гг. (*Бейлекчи*, 2007. С. 141). В 2017 г. к ним добавились еще пять фрагментов из раскопок на Богатыревой горе.

В более поздние исторические периоды номенклатура изделий из стекла изменяется. Украшения из стекла (за исключением бус и декоративных вставок) используются редко. Зато стеклянные сосуды находят более широкое применение в быту жителей российских поселений. При исследовании культурного слоя XVI–XVII вв. часто встречаются фрагменты тарной и столовой посуды. В коллекции из раскопок на участке около дома 12 в Комсомольском переулке она представлена десятью индивидуальными находками.

Все бокалы древнерусского домонгольского периода (XII – начало XIII в.), фрагменты которых были найдены в Муроме в 2017 г., были изготовлены из прозрачного стекла. На трех фрагментах сохранились остатки орнамента. На одном из них (рис. 1: 1) орнамент представляет собой горизонтальные линии из приваренных к стенкам бокала тонких фиолетовых стеклянных нитей. Такая техника использовалась для украшения стеклянной посуды в Сирии и наибольшее распространение получила в XI–XII вв.

Большое количество фрагментов прозрачных сосудов, декорированных стеклянными нитями, и ряд целых экземпляров обнаружены в сирийских городах Хама и Ракка и их окрестностях (*Recent Acquisitions...*, 2006. P. 22; *Carboni et al.*, 2001. P. 124, 125). Именно в последнем городе археологические раскопки выявили несколько одновременных мастерских по производству стеклянных изделий. К периоду XI–XII вв. относятся мастерские на памятниках Tell Fukhkhar и Tell Bellor (*Henderson et al.*, 2004. P. 442).

Часть стеклянных изделий, производимых сирийскими ремесленниками, экспортировалась за пределы Ближнего Востока (*Carboni et al.*, 2001. P. 125). В Муроме ранее фрагмент такого типа бокала с синими накладными нитями встречен при раскопках в Окском парке в 1998 г. (*Бейлекчи*, 2000. С. 12).

Орнамент, сохранившийся на другом фрагменте бокала, представляет собой части двух контурных изображений рыб (рис. 1: 2). От первого изображения осталась только одна из лопастей хвостового плавника. Она имеет характерные для акулы очертания. Второе изображение представлено более крупным фрагментом, а именно головой рыбы с основаниями грудных плавников. Эмаль, использованная для создания изображения, почти полностью разрушилась со временем, и ее цвет не определяется. Однако следы ее контакта со стеклом бокала выделяются достаточно хорошо. Бокал был изготовлен из прозрачного стекла с вкраплением маленьких овальных пузырьков.

Стеклянные бокалы, в декоре которых присутствуют изображения рыб, относятся к более общей группе сосудов с золотой и эмалевой росписью. Находки фрагментов таких сосудов на территории Древней Руси к настоящему времени представлены уже достаточно внушительной группой. Их география хорошо показана в обзорной работе, посвященной распространению исламских стеклянных изделий в Восточной Европе (*Валиулина*, 2015. С. 251). Перечень древнерусских городов, в которых были обнаружены непосредственно фрагменты стеклянных сосудов с «рыбками», приводится в статье об отдельной находке при раскопках культурного слоя Переяславля Рязанского (*Стрикалов, Кузина*, 2015. С. 267). В пределах Северо-Восточной Руси они были встречены во Владимире (*Кузина*, 2011. С. 91–93; *Грибов*, 2008. С. 138. Рис. 182), Твери (*Лапшин*, 2009. С. 115. Рис. 112,

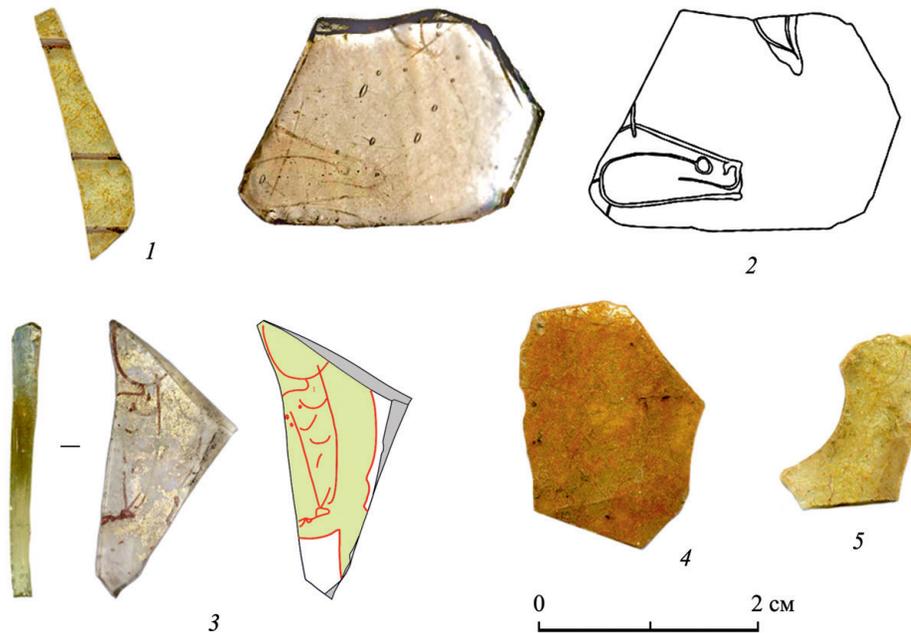

Рис. 1. Фрагменты стеклянных бокалов древнерусского домонгольского периода (XII – начало XIII в.)

113) и Ярославле (*Stolyarova*, 2016. P. 206. Fig. 10). В 2017 г. этот список пополнил Муром.

К сожалению, позолота на рассматриваемом обломке бокала не сохранилась, но она присутствует на третьем представителе группы фрагментов стеклянных сосудов с остатками орнамента (рис. 1: 3). Стекло обеих находок одинаковое. Оно прозрачное, содержит маленькие пузырьки и имеет идентичный оттенок. Оттенок слабый и сильно зависит от освещения. Для его описания можно использовать осторожные термины из опубликованных работ исследователей средневекового стекла: «легкий, чуть розоватый и одновременно желтоватый оттенок» (*Валулина*, 2015. С. 248) или «легкий оттенок топаза» (*Moeller*, 1991. S. 250). Фрагменты имеют сравнимую толщину $1,7 \div 2,7$ мм. Одинаков и стиль контурных изображений на обоих фрагментах. При этом, несмотря на то, что на малой площади третьего обломка сохранилась лишь центральная часть рисунка, чешуя, жаберная и характерный изгиб тела указывают на изображение рыбы. Контурные линии выполнены красной эмалью. Поверхность бокала была покрыта золотой краской. Ее остатки сохранились как внутри контурного рисунка, так и за его пределами.

Невозможно точно утверждать о принадлежности обоих фрагментов с изображениями рыб одному бокалу, тем более что расстояние между их местонахождениями около 8 м. Однако очевидно, что они отражают одну технику изготовления и украшения стеклянной посуды.

Аналогичный декоративный прием был использован при изготовлении известного бокала (стакановидного кубка) Санджар Шаха (*Sanjar Shāh beaker*), который уверенно датируется периодом 1180–1209 гг. (Contadini, 2017. P. 140; Beaker..., 2018), и бокала из коллекции Британского Музея, отнесенного к 1300–1320 гг. Однако, по-видимому, специалисты музея допускают возможность и более раннего происхождения последнего сосуда, так как включали его в экспозицию выставки «L’Orient de Saladin au temps des Ayyoubides» (Париж, 2001–2002 гг.).

Общая традиция производства стеклянных изделий с росписью золотом и эмалью существовала на территории Сирии и Египта достаточно долгий период: с конца XII в. до начала XVI в. (Carboni et al., 2001. P. 5). Они быстро становятся предметом экспорта. Следует отметить, что кубки, выполненные в рассматриваемой технике, встречаются уже в культурных слоях XII в. Херсонеса Таврического (Колесникова, 1973. С. 253), который имел тесные торговые связи с Древней Русью. В 1995 г. в Лондоне прошла специальная конференция «Gilded and enameled glass from the middle east: origins, innovations and influences», решением которой было рекомендовано датировать эмалевые изделия с середины XIII до XV в. (Валиулина, 2015. С. 248). Современные археологи стремятся придерживаться этой рекомендации, но археологический контекст, сопровождающий находки, вносит определенные коррективы. Так, например, в статье о находке импортного стеклянного сосуда в Переяславле Рязанском авторы указывают, что «сосуды с декором золотом и цветными эмалями известны на древнерусских памятниках со времени, предшествующего монгольскому нашествию» (Стрикалов, Кузина, 2015. С. 267). При описании ямы, в которой был найден фрагмент сосуда с «рыбками» при раскопках во Владимире в 2007 г., Н. Н. Грибов однозначно датирует ее домонгольским древнерусским периодом (Грибов, 2008. С. 138.)

Найденные в Муроме фрагменты с изображением рыб также следует отнести к раннему этапу бытования такой посуды, так как один из них (рис. 1: 3) найден в заполнении древнерусской столбовой ямы домонгольского периода. Ему сопутствует керамический и вещевой материал исключительно этого времени. Указанная яма входит в состав ряда углублений для опорных столбов, возможно относившихся к оборонительному сооружению частного характера. По-видимому, оно было построено в период расцвета домонгольской Северо-Восточной Руси (конец XII – начало XIII в.), когда растущему Мурому потребовались территории к юго-востоку от основного города. Нашествие войск хана Батяга в 1239 г. прервало это развитие. Общее долговременное запустение Мурома затронуло и территорию Богатыревой горы. Раскопки не выявили здесь следов активной жизнедеятельности в период второй половины XIII – XIV в. Другой фрагмент бокала с «рыбками» был найден в заполнении котлована подпольной ямы постройки XVI–XVII вв. на уровне половины ее глубины. Очевидно, что он попал туда при выравнивании территории с использованием окружающего грунта, включающего и культурные отложения XII–XIII вв.

Оставшиеся две находки из группы фрагментов стеклянных сосудов древнерусского времени (рис. 1: 4, 5) также происходят из материковых ям, входящих в ряд углублений для опорных столбов оборонительного ограждения. Они прозрачные, желтоватые, с сильной иризацией. По-видимому, они принадлежали бокалам

древнерусского производства, калиево-свинцово-кремнеземное стекло которых менее стойкое к действию почвенных реагентов, чем материалы импортных изделий (Щапова, 1972. С. 29, 30).

Обнаружение фрагментов средневековой стеклянной посуды (в том числе импортной) в Муроме не рассматривается как необычное явление. Этот древнерусский город активно участвовал в торговле. Товары с Ближнего Востока могли попадать в Муром по Волжскому торговому пути. Важную роль в этом процессе играла Волжская Болгария. Обе стороны придавали торговле большое значение. Так, В. Н. Татищев указывает на договор 1006 г., заключенный князем Владимиром Святославовичем с волжскими болгарами, который разрешал торговлю по Оке и гарантировал ее безопасность. Причем иностранным купцам предписывалось торговать исключительно в городах (Татищев, 1773. С. 88). Он же в качестве причины захвата Мурома волжскими болгарами, отмеченного в летописи под 1088 годом (Летопись..., 1897. С. 201), указывает разбойные нападения на купцов на Оке и Волге. Также стеклянные бокалы могли быть привезены в качестве военных трофеев. Известно, что в XII–XIII вв. муромские отряды постоянно участвовали в походах владими́ро-суздальских князей на Волжскую Болгарию.

Более интересен вопрос о появлении фрагментов сосудов, не относящихся к массовой и повседневной посуде, на исследованной в 2017 г. территории. Богатырева гора в XII в. находилась за пределами г. Мурома. Раскопки не выявили здесь следов комплекса жилых и хозяйственных построек этого времени, характерных для крупной усадьбы или крупного подворья. Характерно, что среди индивидуальных находок древнерусского периода присутствует очень мало обшеупотребительных бытовых вещей (1 фрагмент ножа, 1 фрагмент пряслица и 2 язычка от пряжек). С другой стороны, украшения, статусные предметы и импортные изделия составляют 82 % этой части коллекции находок. Наиболее вероятно, что данное место использовалось в этот период не как селитебная территория, а для гуляний и/или обрядовых мероприятий. В последнем случае возможна связь с существовавшим, по устным данным, в этой местности курганным могильником (Тихонравов, 1864. С. 129). Возможно, эпизодически здесь располагались временный лагерь княжеские отряды при их конфликтах с населением или элитой Мурома. Неоднократные подобные противостояния отмечены в памятниках русской словесности. Конечно, следует учитывать, что эти произведения не являются летописными сводами, а относятся к агиографической литературе. Однако определенные события, послужившие основой для их создания, безусловно, происходили. Также возможны и противостояния, не отраженные в письменных источниках. В этом случае расположение временного военного лагеря на являющейся естественным укреплением возвышенности рядом с городом и между ним и Спасо-Преображенским монастырем, который непосредственно связан с установлением княжеской власти в Муроме, становится вероятным.

В заполнении котлована подпольной ямы постройки XVI–XVII вв. были найдены 5 фрагментов сосуда из бесцветного стекла с серо-зеленым оттенком и филигранью синего и молочного цвета (рис. 2: 1–5). Толщина стекла до 2,8 мм. Похожие фрагменты найдены при раскопках 1996–2002 гг. на территории Романова двора в Москве (Смирнова, 2009. С. 144). Они датированы концом XVI – XVII в. и отнесе-

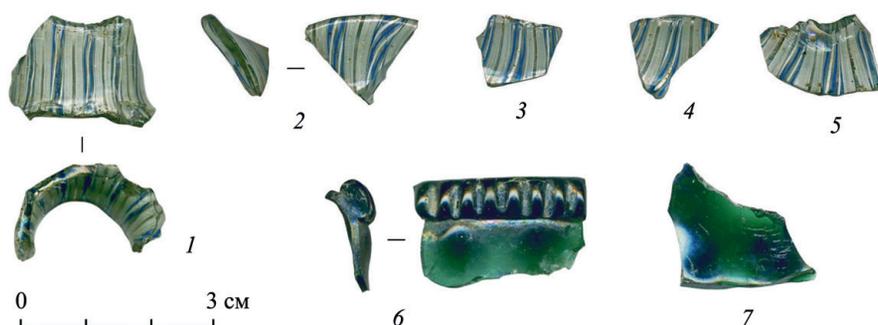

Рис. 2. Фрагменты стеклянной посуды периода позднего Средневековья

ны к продукции мастеров Центральной Европы.

Вывод о неитальянском происхождении сосудов, фрагменты которых встречены в Москве, сделан на основании присутствия на них цветных нитей. Действительно, в Венеции традиционно производили стекло с филигранью преимущественно белого цвета, а изделия «Fazon de venise» из стран Европы отличались более богатой палитрой. Однако среди изготовленных венецианскими мастерами сосудов встречаются образцы с филигранью синего и молочного цвета. Например, филигранная чаша XVI в., найденная при раскопках в Луго-ди-Романья (Равенна, Италия). Она изготовлена в технике *retortoli* с использованием стержней, состоящих из трех слоев: сердцевина из бесцветного прозрачного стекла, окруженная тонким непрозрачным белым слоем и прозрачным синим внешним слоем (Verita et al., 2018. P. 6. Fig. 2). Еще один образец венецианского сосуда с белой и синей филигранью второй половины XVI – начала XVII в. (Barovier Mentasti, Tonini, 2018. P. 38. Fig. 23) выставлен в музее г. Брешиа (Ломбардия, Италия).

Таким образом, фрагменты с филигранью, найденные в Муроме в 2017 г., можно атрибутировать как части сосуда XVI–XVII вв., изготовленного в Венеции или мастерских Центральной Европы, где активно осваивали опыт производства итальянских стеклянных изделий, пользующихся значительным спросом.

В яме постройки XVI–XVII вв. были также найдены два фрагмента сосуда из зеленого стекла (рис. 2: 6, 7). Он был изготовлен по технологии свободного выдувания (гутное стекло). Находки аналогичного стекла отмечены в Москве, и оно датируется XVII – второй половиной XVIII в. (Смирнова, 2009. С. 145). Основная толщина стенок сосуда до 1,5 мм. На большем из фрагментов сохранилась часть декоративного оформления в виде приваренной рифленой овальной полосы шириной около 6,5 мм и толщиной около 4 мм. Также с внешней стороны он украшен округлыми выпуклостями с диаметром 7 мм. Сильная вогнутость фрагмента и характерный рифленый орнамент указывают на то, что сосуд представлял собой кувшин или бочонок-кухлю.

Основная масса посуды из гутного стекла ввозилась в Российское государство в XVII в. из Украины и стран Центральной Европы (Смирнова, 2009. С. 144–150;

Лихтер, 2015. С. 501–515). Она не являлась предметом большой роскоши, но свидетельствовала об определенном достатке владельца. Ее присутствие в исследованных культурных отложениях в совокупности с рассмотренными выше фрагментами сосуда с филигранью и найденными в той же подпольной яме обломками турецкого полуфаянсового кувшина указывает на высокую концентрацию импортной посуды, что возможно только на богатой усадьбе. Такой может считаться двор боярина Ивана Никитича Романова, упоминающийся в писцовой книге г. Мурома 1623/24 г. (*Чернышев*, 2010а. С. 37) и располагавшийся на Богатыревой горе. Дядя царя Михаила Федоровича был одним из богатейших россиян XVII в. Археологические раскопки на территории, включающей его двор в Москве, дали богатейший материал, относящийся к позднесредневековой импортной посуде (*Смирнова*, 2009. С. 144–150). Очевидно, что И. Н. Романов мог, не скупясь, обустроить свою резиденцию в столице Муромского уезда, в котором он также имел земельные угодья. После смерти боярина в 1640 г. его имущество перешло к единственному к тому времени наследнику – сыну Никите Ивановичу. О внимании нового хозяина к муромским владениям указывает тот факт, что уже 1646 г. в переписной книге города указывается на существование на Богатыревой горе не одного двора, а целой слободки в составе 12 дворов (*Чернышев*, 2010б. С. 78, 79). Таким образом, территория исследований 2017 г. могла находиться на периферии или рядом с границами владений Романовых и служить для их жителей местом выброса мусора, включая и обломки битой посуды.

Таким образом, результаты археологических исследований 2017 г. на Богатыревой горе дали дополнительный материал для исследования истории развития юго-восточной территории средневекового Мурома. Находки фрагментов импортной стеклянной посуды вносят свой вклад в этот процесс. В древнерусский домонгольский период этот район был за пределами городской территории и использовался муромцами для дополнительных целей, не связанных с постоянным проживанием или хозяйственной деятельностью. Но и такое использование сопровождалось отложением культурных напластований, содержащих обломки украшений и предметов роскоши. В начале XIII в. началось более активное освоение Богатыревой горы, но монгольское нашествие прервало этот процесс. Присутствие фрагментов бокалов с росписью золотом и эмалью в строительном горизонте этого времени подтверждает поступление на территорию Древней Руси подобных изделий, производимых на Ближнем Востоке, уже на рубеже XII–XIII вв., хотя и не отрицает активизацию их распространения в более поздний период. После монгольского опустошения Муром постепенно восстанавливался и разрастался. В XVI–XVII вв. на Богатыревой горе уже располагался посад. Причем в нем жил не только простой ремесленный народ. Именитые и богатые люди также содержали в нем свои подворья, что подтверждается находками фрагментами импортной стеклянной посуды.

Литература

- Бейлекчи В. В.*, 2000. Отчет о спасательных раскопках Археологической службы Муромского историко-художественного музея Управления Администрации г. Муром Владимирской области в Окском парке г. Муром в 1998 году // Научный архив Муромского историко-художественного музея. Ф. 5. Оп. 1. Ед. хр. 90.
- Бейлекчи В. В.*, 2007. Отчет об охранных раскопках в гор. Муром Владимирской области в квартале № 21 по ул. Советская, в кремле г. Муром и в квартале № 4 по ул. Московская, 26 в 2006 году. // Архив ГБУК Владимирской области «Государственный центр по сохранению, использованию и реставрации объектов культуры и культурного наследия. № ГЦ-М/233.
- Валиулина С. И.*, 2015. Средневековое исламское стекло в Восточной Европе // Стекло Восточной Европы с древности до начала XX века. СПб.: Нестор-История. С. 236–261.
- Грибов Н. Н.*, 2008. Отчет об археологических раскопках на территории 22 квартала г. Владимира в 2007 году (раскоп № I) // Архив ИА РАН. Р-1. № 1139.
- Колесникова Л. Г.*, 1973. Восточное стекло из собрания Херсонесского музея // Византийский временник. Т. 34. М. С. 249–256.
- Кузина И. Н.*, 2011. Стекланные сосуды из раскопок во Владимире (новые находки) // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. IV. М.: ИА РАН. С. 91–93.
- Лапишин В. А.*, 2009. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ. 540 с.
- Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб.: Археографическая комиссия, 1897. 630 с.
- Лихтер Ю. А.*, 2015. Новые находки стеклянных изделий в Москве (Замоскворечье) // Археология Подмосковья. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 501–525.
- Смирнова Е. П.*, 2009. Изделия из стекла XVII–XIX веков // Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX вв. М.: ИА РАН. С. 144–150. (Материалы охранных археологических исследований; т. 12).
- Стрикалов И. Ю., Кузина И. Н.*, 2015. Новая находка импортного стеклянного сосуда из Переяславля Рязанского // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 240. С. 263–270.
- Тащицев В. Н.*, 1773. История Российская. Кн. 2. М.: Имп. Московский ун-т. 536 с.
- Тихонравов К. Н.*, 1864. Археологические изыскания во Владимирской губернии // Труды Владимирского губернского статистического комитета. Вып. II. Владимир: Владимирское губ. правл. С. 113–150.
- Чернышев В. Я.*, 2010а. Сотная с писцовых книг г. Муром 1623/24 г. Владимир: Изд-во Владимирского гос. ун-та. 196 с. (Памятники истории Муром; вып. 1).
- Чернышев В. Я.*, 2010б. Список с переписной книги г. Муром 1646 г.; Список со строельной книги г. Муром 1649 г. Владимир: Изд-во Владимирского гос. ун-та. 184 с. (Памятники истории Муром; вып. 3).
- Щанова Ю. Л.*, 1972. Стекло Киевской Руси. М.: Изд-во МГУ. 215 с.
- Barovier Mentasti R., Tonini C.*, 2018. Venetian Sixteenth Century Filigrana // Atti dell'istituto Veneto di scienze, lettere ed Arti. Classe di scienze fisiche, matematiche e naturali. T. CLXXVI. Study days on venetian glass: venetian filigrana glass through the centuries. Venezia: Istituto veneto di scienze. P. 13–60.
- Beaker engraved with name and emblem of Sultan Sanjar Shah of Mosul (c. 1180–1209) [Электронный ресурс] // Freer Gallery of Art & Arthur M. Sackler Gallery. URL: <https://www.freersackler.si.edu/object/LTS1985.1.170.8/> (дата обращения: 23.12.2019).

- Carboni S., Whitehouse D., Brill R. H., Gudenrath W.*, 2001. Glass of the Sultans. New York: The Metropolitan museum of Art. 330 p.
- Contadini A.*, 2017. Text and Image on Middle Eastern Objects: The Palmer Cup in Context // A Rothschild Renaissance: A New Look at the Waddesdon Bequest in the British Museum. London: The British Museum. P. 124–145.
- Henderson J., McLoughlin S. D., McPhail D. S.*, 2004. Radical changes in Islamic glass technology: evidence for conservatism and experimentation with new glass recipes from Early and Middle Islamic Raqqa, Syria // Archaeometry. Vol. 46, no. 3. P. 439–468.
- Moeller B.*, 1991. Eine Reliquie Luthers // Die Reformation und das Mittelalter: kirchenhistorische Aufsätze. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht. S. 249–262.
- Stolyarova E.*, 2016. Glass in ancient and medieval Eastern Europe as evidence of international contacts // Archeologia Polski. LXI. P. 191–212.
- The Metropolitan Museum of Art Bulletin. Vol. 64, № 2: Recent Acquisitions, a selection: 2005–2006. New York: The Metropolitan museum of Art, 2006. 72 p.
- Verita M., Zecchin S., Tesser E.*, 2018. Venetian Filigree Glass along the Centuries: Some Technological Considerations // Atti dell'istituto Veneto di scienze, lettere ed Arti. Classe di scienze fisiche, matematiche e naturali. T. CLXXVI. Study days on venetian glass: venetian filigrana glass through the centuries. Venezia: Istituto veneto di scienze. P. 1–12.

Сведения об авторах

- Данилов Олег Владимирович*, ГБУК Владимирской области «Государственный центр по сохранению, использованию и реставрации объектов культуры и культурного наследия», e-mail: olegpervui@yandex.ru;
- Абрамов Дмитрий Владимирович*, ГБУК Владимирской области «Государственный центр по сохранению, использованию и реставрации объектов культуры и культурного наследия», e-mail: awraam@mail.ru

O.V. Danilov, D.V. Abramov

GLASSWARE FROM THE EXCAVATIONS IN MUROM

Summary. The article is devoted to glass vessels from the excavations on Bogatyryova Mountain in the Murom (Vladimir region, Russia) in 2017. Two groups of glassware fragments stand out in the collection of finds collected during these excavations. The first group consists of fragments of goblets or beakers of the XII–XIII centuries. The second group combines fragments of vessels of the XVI–XVII centuries. Imported vessels of the Old Russian period are represented by fragments of Middle East goblets or beakers with an ornament of thin violet glass threads and with painting with gold and enamel, which were made in the early period of the existence of such products. Fragments of the vessel with white and blue filigree stand out among the late medieval finds. The vessel was made with using the “Façon de venise” technique.

Keywords: Vladimir region, Murom, medieval glassware, gilded and enameled glass vessels from the Middle East, glass in the style of “Façon de venise”.

К 90-ЛЕТИЮ М. В. СЕДОВОЙ

В сентябре 2020 г. исполняется 90 лет со дня рождения М. В. Седовой.

Мария Владимировна оказала заметное влияние на развитие средневековой археологии в Москве во второй половине XX в., хотя никогда не претендовала на роль лидера в этой области, создателя собственной научной школы и не занимала командных должностей в академической иерархии.

Дочь поэта В. А. Луговского и театроведа Т. Э. Груберт, воспитанная в литературной среде, Мария Владимировна воспринимала археологические памятники Средневековья не только как «источники», «материалы», но и как образы прошлого, обладающие безусловной художественной ценностью: острое чувство красоты прошлого, будь то ландшафты Владимирской земли или изделия новгородских ювелиров, усиливало интерес к его научному изучению. М. В. Седова получила известность как исследователь древностей Северо-Восточной Руси, организатор успешных многолетних раскопок на Пировом городище (1967–1970 гг.) и в Суздале (1974–1991 гг.), руководитель Суздальской археологической экспедиции ИА РАН, много сделавший для осознания значимости археологического наследия Владимиро-Суздальской земли. Личное обаяние М. В. Седовой, живое общение с ней, ее способность организовывать ученых для общей работы необычайно ценились коллегами в экспедициях и в отделе славяно-русской археологии ИА РАН, где она проработала более пятидесяти лет.

М. В. Седова и организованная ею Суздальская экспедиция принесли в археологию мощный заряд нового интереса к древностям Владимиро-Суздальской земли, осознание важности их сохранения, проведения спасательных раскопок в средневековых городах. Современные исследования археологических памятников Северо-Восточной Руси, в том числе работы Суздальской экспедиции ИА РАН и ГИМ в обновленном составе, начатые в 2001 г., продолжают изыскания 1970–1990-х гг., используют их опыт, во многом следуют проблематике и методическим подходам, обозначенным М. В. Седовой.

В сборнике публикуются воспоминания М. Д. Полубояриновой, М. Е. Родиной и А. С. Зайковой, которые позволяют вспоминать о Марии Владимировне не только как о крупном ученом, но и как о замечательном человеке, близком и простом в общении, учителе и друге...

М. Д. Полубояринова

МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА СЕДОВА

Я познакомилась с Марией Владимировной в 1952 году в Новгородской экспедиции. Для меня это была первая археологическая практика. Мария Владимировна была старше меня на два курса и работала в Новгороде уже второй сезон. Я очень ощущала в то время, насколько она была серьезнее и опытнее меня. Тем не менее мы подружились. Мы долго работали вместе в Новгородской экспедиции – и в поле, и в лаборатории нашего Института. В экспедиции наши раскопы иногда были рядом. Один год на их границе лежало бревно, на котором мы сидели, обернувшись каждая в свою сторону, и обсуждали вопросы, возникавшие в ходе работ, и всякие другие темы.

Мы жили тогда в Новгороде вместе в студенческих общежитиях: то в школах, то в Институте усовершенствования учителей, то в недостроенной прачечной, то в спортивном зале Пединститута (бывшая библиотека Антониева монастыря). Впоследствии, когда мы разъезжались по разным экспедициям, мы постоянно переписывались, а в Москве почти ежедневно говорили по телефону. Все эти годы мы всегда были в курсе дел друг друга, делились радостями и тяготами семейной жизни, проблемами в воспитании сыновей, волнениями по поводу раскопок или написания очередной статьи.

Детство Марии Владимировны прошло довольно тяжело. Отец, известный поэт Владимир Луговской, ушел из семьи, когда девочке было 4 года, и ее воспитанием не занимался. Интерес к повзрослевшей дочери он начал проявлять только в ее студенческие годы. В 10 лет она оказалась одна, без мамы, в детском доме в Чистополе, куда из Москвы эвакуировали семьи некоторых писателей и писательских детей из летнего лагеря, спасая их от бомбежек. Ее мама, Тамара Эдгаровна Груберт, не могла уехать из Москвы, не могла оставить тяжело больных тетку и брата. Конечно, для маленькой девочки было нелегко остаться одной в то тяжелое время, но она проявила мужество и стойкость и не жаловалась в письмах домой. Она рассказывала мне, что научилась вязать варежки и иногда даже продавала их на рынке. Вязала она хорошо и впоследствии, пополняя в студенческие годы свой более чем скромный гардероб, какой был обычным для всех нас в те годы.

Мужество было присуще Марии Владимировне до конца, в самых тяжелых жизненных ситуациях. При этом характерными для нее были прекрасный юмор и самоирония, что делало общение с ней всегда интересным. Характерной чертой Марии Владимировны всегда был доброжелательный интерес к окружающим людям и готовность помочь тем, кто в этом нуждается. Поэтому ее любили и друзья, и участники ее экспедиций, и коллеги по работе в Институте. Причем это касалось не только науки, где ее знания были неоценимы, и она ими щедро делилась, но и житейских вопросов. Огромное место в жизни Марии Владимировны занимали полевые исследования. Она работала на селищах близ Изборска, в Ярополче-Залесском, во Владимире. Ее многолетние раскопки в Суздале дали блестящие результаты.

Глубина, тщательность и скрупулезность научных исследований Марии Владимировны, из-за чего, как она жаловалась, работа иногда продвигалась медленно, сделали все положения и выводы ее книг и статей настолько надежно обоснованными, что они выдержали испытания временем и будут востребованы будущими специалистами.

Мария Владимировна всегда живо интересовалась литературой (случалось и самиздатовской), ходила на заметные выставки, фильмы, любила и понимала серьезную музыку. При возможности Мария Владимировна ездила в туристические поездки за границу. Мы вместе с ней были в Болгарии в составе институтской археологической группы и в Югославии. В Польше она принимала участие в организации очередного Конгресса славянской археологии. Мария Владимировна была прекрасной хозяйкой, и мы все очень любили бывать в красивом и уютном доме Седовых на семейных праздниках.

Наблюдательность, доброта и юмор, присущие Марии Владимировне, сказывались в ее отношении к животным, в понимании их психологии. Она с интересом наблюдала за городскими птицами – воробьями и воронами, за кошками. Особенно это касается собак, которых просто обожала, и они отвечали ей взаимностью. Любимец семьи Седовых пес по имени Ребус (может быть, имелась в виду тайна его породы?) прожил в их доме 18 лет и постоянно служил темой рассказов Марии Владимировны. Она даже написала о нем очень хорошую повесть. Мой собственный песик Малыш так любил ее, что влезал за ней в автобус, когда мы с ним ее провожали. Чтобы вернуть его, приходилось долго объяснять беглецу, кто его хозяйка на самом деле.

Самая близкая дружба связывала нас всю жизнь. С ее кончины прошло уже довольно много лет, но почти не проходит дня, когда я не вспоминала бы ее и не ощущала этой утраты.

М. Е. Родина

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Уже 16 лет, как нет с нами Марии Владимировны Седовой – известного археолога, исследователя средневекового прикладного искусства и древнерусских городов: Суздаля, Владимира, Ярополча Залесского – а мне часто хочется позвонить ей и поговорить о самом разном. Не хватает общения с ней. Долгие годы мы были довольно тесно связаны работой в Суздальской экспедиции, музейными делами, часто встречались, созванивались. Общеизвестно, что М. В. Седова была значительным ученым, чьи исследования внесли существенный вклад в изучение истории Древней Руси и особенно Владимиро-Суздальской земли.

Мне же она вспоминается еще и как прекрасной души человек и удивительная женщина, которая во многом была для меня примером.

С Марией Владимировной я познакомилась в 1983 году, когда она любезно разрешила мне для подготовки диплома использовать материалы своих раскопок в Ярополче Залесском и Суздале. Поначалу я (простая студентка) робела перед известным археологом, автором авторитетной монографии «Ювелирные изделия древнего Новгорода X–XV вв.». К тому же она была дочерью популярного советского поэта-романтика В. А. Луговского и женой крупнейшего археолога-слависта современности В. В. Седова, но Мария Владимировна была очень деликатна и доброжелательна – никакого снобизма и менторства. Общение было приятным и плодотворным – диплом получился на отлично. Надо отметить, что М. В. Седова никогда не вела себя как «собака на сене» (что случается среди археологов) – охотно позволяла другим исследователям изучать и публиковать находки из раскопанных ею памятников.

С 1985 года я работала в Суздальской экспедиции и с Марией Владимировной встречалась не только на раскопе, но и в гостинице, где она жила. Нельзя было не заметить, что унылый номер типичной провинциальной гостиницы «Ризоположенская» Мария Владимировна легко превращала в довольно уютное жилище. Привезенные из Москвы тюль, яркое покрывало, льняная скатерть, салфетки, посуда, красивые гжельские чашки, фотографии, семейные портреты создавали какую-то домашнюю атмосферу. Букеты полевых цветов в нарядных вазочках завершали волшебное превращение: простенькая гостиничная комната переставала восприниматься как унылое казенное временное (на месяц-полтора) жилье, куда приходишь только переночевать. Уже потом, побывав в разных московских квартирах Седовых, я увидела и поняла, что Мария Владимировна всегда тщательно, с большой заботой обустроивала свой дом.

Для нее было важно, чтобы там было уютно, комфортно и красиво. А еще она была гостеприимной и радушной хозяйкой. Приезжаешь к ней обсудить какие-то научные и музейные проблемы, а тебя обязательно сначала напоят чаем, накормят, расспросят о владимирских новостях, о твоей жизни, а потом уже за работу.

Крупный исследователь, обладавший исключительной эрудицией, человек высокой культуры, Мария Владимировна всегда держалась исключительно скромно, была внимательна и отзывчива. Очень разные люди постоянно обращались к ней за консультациями и житейскими советами. Она была открыта для общения и до-

брожелательна, всегда интересовалась судьбами знакомых ей людей. Про сотрудников своей Суздальской экспедиции она знала все – не только про научные, но и житейские проблемы – и это было не просто женское любопытство, она деликатно старалась помочь каждому: кому мудрым советом и сочувствием, кому даже материально. Выговоришься, и станет легче.

Помню, что первое время в Суздале, прогуливаясь иногда с Марией Владимировной, я обратила внимание на то, что с ней постоянно здоровались и раскланивались разные люди – казалось, ее знают все горожане. Удивительно, но и она помнила их, знала многих по именам: это такой-то, он когда-то работал в музее, а это такая-то, она нашла на огороде иконку. Изучение археологии и истории Суздаля стало делом жизни Марии Владимировны. Она очень любила этот город и была знакома со многими его жителями. В 1998 г. заслуги М. В. Седовой в изучении суздальской истории были отмечены присвоением ей звания «Почетный гражданин Суздаля».

А еще М. В. Седова была верным и искренним другом Владимиро-Суздальского музея-заповедника, с которым она давно и тесно сотрудничала, основу археологических фондов и части экспозиций которого составляют коллекции находок из ее раскопок. Она всегда живо интересовалась музейной экспозиционно-выставочной и научной работой, часто давала ценные советы. Мария Владимировна хорошо знала многих сотрудников разных поколений, со многими долгие годы поддерживала дружеские отношения.

Активно и плодотворно занимаясь научными изысканиями, Мария Владимировна производила впечатление человека, который работает легко, с удовольствием, без особого напряжения, как бы играючи, успевая при этом и многое другое. Ей было интересно все: и наука, и любимые увлечения (искусство, литература, путешествия). Ее образ, характер резко контрастировали с бытующим представлением о «женщине-ученом» как о сухой, суровой, зацикленной на профессиональной деятельности – эдаком «синем чулке». Она с детства (в семье царил атмосфера любви к искусству, музыке и литературе) любила и хорошо понимала живопись, не пропускала интересных выставок, прекрасно знала и чувствовала классическую музыку, следила за театральными и книжными новинками, всегда много читала и с удовольствием путешествовала. Нельзя не отметить, что Мария Владимировна была необыкновенно женственна и элегантна, умела ценить прекрасное. В советские времена тотального дефицита она умудрялась модно, стильно и красиво одеваться. А еще любила и умела носить фамильные драгоценности. М. В. Седова была крупным специалистом в этом вопросе: долгие годы изучала ювелирное ремесло Древней Руси, была признанным знатоком древнерусских украшений.

У М. В. Седовой все было успешно: и научная карьера, и семейная жизнь. Однако она была самокритична и задавалась вопросом: «Правильно ли я живу? Какой след оставлю?». Однажды Мария Владимировна спросила меня об этом.

Тогда я ответила то, что с уверенностью повторяю сейчас: «Дорогая Мария Владимировна! Ваша жизнь очень достойна и красива. Вы много сделали: внесли значимый вклад в изучение истории Древней Руси и особенно Владимиро-Суздальской земли, опубликовали три монографии и около 100 статей. Воспитали талантливого сына, ставшего продолжателем научной семейной династии, и очаровательную внучку. Поддерживали и вдохновляли многих людей, которые уважают и ценят Вас».

А. С. Зайкова

ЕЁ ИМЯ ОСТАНЕТСЯ В ИСТОРИИ СУЗДАЛЯ

Приехав по распределению в Суздаль 40 лет назад после окончания кафедры этнографии истфака МГУ, я начала работать в отделе Музея самодеятельного творчества, который с археологией никак связан не был, но, как все сотрудники, водящие экскурсии, мы каждый год слушали в библиотеке Суздальского филиала информацию о прошедших летом раскопках в Суздале. Совместная экспедиция Института археологии АН СССР и Владимиро-Суздальского музея-заповедника работала в Суздале в то время каждое лето и нередко одновременно на нескольких площадках. На раскопках работали студенты Ивановского университета и Ярославского и Владимирского пединститутов. Возглавляла экспедицию тогда еще кандидат исторических наук Мария Владимировна Седова. Вот как раз она, как руководитель экспедиции, в конце каждого полевого сезона и рассказывала нам – научным сотрудникам, экскурсоводам и всем интересующимся суздальцам – о результатах каждого полевого сезона, показывала наиболее интересные находки. Именно в первый год нашего пребывания в Суздале (1979 г.) на раскопе городских усадеб XI века рядом с Успенской церковью на улице Кремлевской были найдены три золотых браслета, которые сейчас можно увидеть в экспозиции «Золотая кладовая». Находка широко обсуждалась в городе и вызвала увеличение интереса горожан к археологическим раскопкам, несмотря на то, что за много лет они к ним уже привыкли.

Когда мы слушали выступления Марии Владимировны, складывалось впечатление, что все еще находимся на лекции или семинаре в университете, насколько интересно и в то же время с академическим подходом, хорошим языком строила она свои рассказы. Мы часто встречали М. В. Седову в разных местах Суздаля, иногда с кем-нибудь из институтских или музейных археологов (в Суздальском филиале археологом в те годы работала Т. Ф. Яковлева), или с ее многолетней помощницей, соратницей и подругой, руководителем одного из отрядов экспедиции Марией Андреевной Сабуровой.

Доброжелательная, открытая к людям, улыбчивая и интеллигентная Мария Владимировна привлекала людей. В Суздале она обычно жила в скромном номере в гостинице «Ризоположенская», где нередко бывали гости – участники экспедиции, музейные археологи и научные сотрудники музея и Института археологии, просто горожане, с которыми она была близко знакома... Тогда, встречаясь с Марией Владимировной, я еще не осознавала значение ее личности и ее исследований для Суздаля и его истории.

В начале 1990-х годов по ряду причин я перешла из музея на работу в администрацию города на новую, введенную тогда должность заместителя главы администрации по социальным вопросам. И как раз в этот период ближе познакомилась с Марией Владимировной. Что такое 90-е годы XX века? Денег не хватало ни на что – ни на пенсии, ни на зарплаты и, конечно, ни на раскопки тоже. Тогда же, к сожалению, прекратила свою постоянную деятельность и Суздальская экспедиция.

С этим вопросом и обратилась в администрацию города Мария Владимировна: нет ли возможности продолжить археологическое изучение Суздаля? Один раз администрация помогла провести охранные раскопки в кремле. Как раз в то время при администрации города был образован реставрационный фонд. При согласии Совета народных депутатов и главы администрации А. Е. Илларионова деньги от аренды муниципальных памятников поступали на специальный счет и расходовались в соответствии с положением о фонде на реставрацию памятников и связанные с культурным наследием вопросы, кстати, до сих пор считаю это логичным и правильным. Позже это было отменено: в условиях большого бюджетного дефицита все средства должны были поступать в бюджет и расходоваться на защищенные статьи – фонд прекратил существование. Небольшие деньги реставрационного фонда позволили в то время отреставрировать западную галерею и аварийные ворота Торговых рядов и выполнить некоторые другие мелкие назревшие работы на памятниках.

В общем, в разговоре с Марией Владимировной родилась идея привлечь к раскопкам учащихся города и оформить это как летний школьный лагерь дневного пребывания, а питание для детей (непременное условие лагеря) организовать на деньги из реставрационного фонда, что и реализовывалось на протяжении двух полевых сезонов при раскопках на территории Ризоположенского монастыря. Таким образом, решалось несколько задач: интересная и полезная занятость ребят и продолжение археологического изучения Суздаля. И Мария Владимировна, и заведующая отделом образования Л. И. Горбачева были довольны решением. Мы с Марией Владимировной нередко встречались, обговаривали вопросы и порядок реализации договоренностей, тогда и познакомились поближе.

В 1992 году на суздальском материале Мария Владимировна защитила докторскую диссертацию, позже на основе диссертации была издана монография «Суздаль в X–XV веках», которая до сих пор остается самым обстоятельным и востребованным трудом по ранней истории Суздаля. В июле 1998 года в Крестовой палате Суздальского кремля торжественно прошла презентация книги М. В. Седовой, на которой благодарности автору прозвучали от администрации города, от генерального директора музея-заповедника А. И. Аксеновой и от многих горожан. Кроме монографии, более 40 статей ученого посвящено суздальской тематике.

Прочитав подаренную книгу, я до конца поняла значение вклада М. В. Седовой в изучение археологической истории Суздальской земли. Именно Мария Владимировна на базе анализа результатов многолетних раскопок доказала, что городское поселение в излучине реки Каменки возникло на 100 лет раньше официальной даты основания города. В монографии четко и наглядно представлена история развития Суздаля в указанный в названии период, на основе почти 30-летних полевых и научных исследований, проведенных автором, изучения многочисленных летописных и иных источников. За эти годы исследованы десятки тысяч квадратных метров культурного слоя в разных частях Суздаля – на посаде и на окраинах, в монастырях, но наиболее последовательно раскопки проводились в древнейшей части города – в кремле, что и позволило ученому определить основные этапы формирования детинца-кремля и всей остальной городской территории.

Многие археологические артефакты, найденные в Суздале во время работы экспедиции под руководством М. В. Седовой, сейчас можно увидеть в экспо-

зициях музея-заповедника. Например, интереснейшие экспонаты – печать с образом Богородицы с Младенцем и Успением, печать с изображениями Димитрия Солунского и конного св. Георгия, вещи XI века, связанные с христианским культом, литейные формы с руническими знаками и многие другие предметы материальной культуры раннего города – представлены в исторической экспозиции Суздаля.

В 90-е годы XX века, после 20-летнего перерыва, вновь вернулось в нашу жизнь звание Почетного гражданина Суздаля. В 1995 году это звание было присвоено Т. И. Лапшиной (бывшему директору Суздальского филиала музея-заповедника) и председателю Совета Суздальского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры И. И. Старикову. И вот родилась вполне обоснованная идея ходатайствовать о присвоении данного звания Марии Владимировне Седовой. Предложение было рассмотрено и принято на заседании президиума Совета Суздальского отделения ВООПИиК, подготовлено обращение в Совет народных депутатов и необходимые документы – обоснование и краткая биография М. В. Седовой. Естественно, больше всего археологи сотрудничали и общались с работниками музея-заповедника, поэтому, безусловно, коллектив музея первым поддержал предложение о присвоении звания Почетного гражданина Суздаля М. В. Седовой.

Основным препятствием неожиданно стал формальный повод: отсутствие у Марии Владимировны суздальской прописки. Поэтому пришлось начать обсуждение в газете «Суздальская новь», в результате которого стало ясно, что в Суздале знают М. В. Седову и поддерживают предложение о присвоении ей звания Почетного гражданина города. В сентябре 1998 года Суздальский городской Совет народных депутатов рассмотрел вопрос о присвоении звания Почетного гражданина города Суздаля доктору исторических наук, археологу Марии Владимировне Седовой. Кстати, на заседании Совета осязательным нашим аргументом явилось и то, что археологи – профессора В. Л. Янин и А. С. Хорошев – получили звание Почетных граждан Великого Новгорода.

Возражений по кандидатуре М. В. Седовой не было, решение было принято. Все, причастные к этому, очень радовались. Счастлива была и Мария Владимировна. Она любила наш город, который стал главной темой ее научной деятельности, неоднократно говорила, что Суздаль – это для нее второй родной город. Мария Владимировна была очень неравнодушна к его проблемам, часто высказывалась публично по волновавшим ее вопросам сохранения культурного наследия Суздаля. Например, вместе с другими заинтересованными людьми встала на защиту исторического оврага Дебрь, когда планировалось построить на этом месте кафе, неоднократно сетовала и высказывалась по поводу активно развернувшейся в 90-е годы XX века, неорганичной для Суздаля, современной жилой застройки, переживала, когда из-за отсутствия финансирования прекратились регулярные раскопки в городе.

Я рада и горда, что в моей жизни была встреча с Марией Владимировной Седовой – замечательным человеком, крупным ученым и обаятельной женщиной. Ее имя останется навсегда в истории нашего древнего города.

Научное издание

Археология Владимиро-Суздальской земли
Материалы научного семинара
Выпуск 10

Редактор: *Н. В. Бельченко*
Оформление обложки: *В. А. Кулишов*
Художник: *Н. С. Сафронова*
Верстка: *С. В. Кожушков*

Подписано к печати 25.12.2020. Формат 70×100/16
Уч.-изд. л. 15,0. Тираж 200 экз.

Институт археологии Российской академии наук
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано в ООО “Тверская фабрика печати”
170006, г. Тверь, Беляковский переулок, д. 46

ISBN 978-5-94375-340-4

9 785943 753404